
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XX

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 200-летию со дня основания Азиатского музея /
Института восточных рукописей РАН

St. Petersburg
2018

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель); доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская Республика)

Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History) K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. B. Agnes (Hungary); PhD. R. Pop (Romania); PhD. V. Kapisovska (Czech Republic)

Peer-reviewed by: Ph D. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Secretary and Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XX: сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. — 104 с.

Двадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 200-летию со дня основания Азиатского музея (Института восточных рукописей РАН). Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, лингвистика, культурология», «Архивы востоковедов», «Рецензии и научная жизнь», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The 20th issue of the «Mongolica» magazine is dedicated to the 200th anniversary of the founding of the Asian Museum (Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences). The issue has sections: «Historiography, source study», «Literature, linguistics, culture», «The Archives of Orientalists», «Reviews» «Translations». This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «The Archives of Orientalists», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 24.07.2018. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939
DOI: 10.25882/s71n-br11

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2018
© Институт восточных рукописей РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Монголоведение в Азиатском музее / Институте восточных рукописей РАН (<i>И. В. Кульганек</i>).	6
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. В. Ермакова, Е. П. Островская. Вклад советских ученых М. И. Тубянского и А. Д. Симуква в изучение кочевого скотоводства у монголов	15
Р. Ю. Почekaев. Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве.	21
Т. И. Юсупова. Международные научные отношения «нового типа»: советско-монгольское научное сотрудничество, 1920—1930-е гг.	30
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
К. В. Алексеев. Об одном неучтенном тексте в рукописной редакции монгольского Ганджура	38
С. Ш. Аязбеков. Тюрко-монгольская музыкальная общность в контексте номадической и тенгрианской цивилизаций	42
В. Н. Мазурина. Санкт-Петербург и Ленинград в судьбе Осора Будаева	53
О. Чинбаяр. Русская литература XX века на монгольском языке. Из опыта переводчика	57
АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ	
С. С. Сабрукова. Научная деятельность Т. А. Бурдуковой (1912—1987) (по материалам АВ ИВР РАН)	62
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
С. Г. Батырева. Рец. на: <i>Четырова Л. Б.</i> Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 188 с.	67
А. В. Зорин. Рец. на: <i>Бородаев В. Б., Контев А. В.</i> Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.: ил. [16] с.	68
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Андрей Платонов.</i> Чевенгур / пер. с рус. О. Чинбаяра. Улаанбаатар, 2017	69
Г. Дорджиева. Ойраты и Калмыки Монголии, России, Киргизстана и Китая: в поисках этнической идентичности ойратов XX—XXI вв. Международная конференция, Геттингенский университет им. Георга-Августа, Германия. 20—23 февраля 2018 г. Организатор: д-р Иоганнес Рекель	71
Д. А. Носов. Новая литература по монголоведению.	75
ПЕРЕВОДЫ	
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Главы шестая, седьмая, восьмая (перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой)	81
Монгольские волшебные сказки (перевод с монгольского Д. А. Носова)	91
Информация об авторах	103

CONTENTS

Mongolian studies in the Asian Museum / Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (<i>by I. V. Kulganek</i>)	6
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
T. V. Ermakova, E. P. Ostrovskaya. Contribution of Soviet researchers M. I. Tubyansky and A. D. Simukov into the investigation of nomadic cattle breeding among Mongols	15
R. Yu. Pochekaev. Information of Russian diplomats of the 17 th Mongolian law century on the.	21
Tatiana I. Yusupova. International scientific relations of the «new type»: Soviet-Mongolian academic cooperation, 1920s—1930s	30
LITERATURE, LINGUISTICS, CULTURE	
K. V. Alekseev. On One Unrecorded Text in the Manuscript Recension of the Mongolian Kanjur	38
S. Sh. Ayazbekova. The Turkic-Mongolian musical unity in the context of nomadic and Tengrian civilizations	42
V. N. Mazurina. St. Petersburg and Leningrad in the fate of Osor Budaev	53
O. Chinbayar. Russian literature of the twentieth century in Mongolian. From the experience of an interpreter	57
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS	
Scientific works of T. A. Burdukova (1912—1987) (From the archives of Orientalists in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science) by S. S. Sabrukova	62
REVIEWS	
S. G. Batyreva. Rev. on: <i>Chetyrova L. B.</i> Russian Kalmyks: essays on history, culture, Buddhism and language: monograph. Samara: publishing house «Samara University», 2016. 188 p. (in Russian)	67
A. V. Zorin. Rev. on: <i>Borodaev V. B., Kontev A. V.</i> Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620—1720: documentary monograph. Barnaul 2015 (in Russian)	68
L. G. Skorodumova. Rev. on: <i>Andrey Platonov.</i> Chevengur. Translated from Russian by O. Chinbayar. Ulaanbaatar, 2017 (in Mongolian)	69
Dordzhieva G. The Oirat and Kalmyk in Mongolia, Russia, Kyrgyzstan and China — Looking for an Oirat identity in the 20th and 21st century. International Conference, Georg-August University, Göttingen, Germany. February 20—23, 2018. Organized by Dr. Johannes Reckel	71
D. A. Nosov. New publications on Mongolian Studies	75
OUR TRANSLATIONS	
V. Inzhinash. Red Chamber of Tears. The Novel. Chapters six, seven and eight (translated from Classical Mongolian by L. G. Skorodumova)	81
Mongolian Fairy Tales (translated by D. A. Nosov)	91
Information about the authors.	103

Хранилище БАН. Фотография 1930-х гг.

Монголоведение в Азиатском музее / Институте восточных рукописей РАН¹

DOI: 10.25882/9d7a-md15

В 2018 г. Институт восточных рукописей РАН, ведущий свою историю от Азиатского музея, учрежденного в Петербурге в 1818 г., отмечает юбилей. Азиатский музей стал первым научным востоковедным учреждением, которое дало начало российскому монголоведению — науке об истории, этнографии, о литературе, языке и культуре монгольских народов [Азиатский музей, 1972].

За время существования Музея до создания на его базе Института востоковедения АН СССР им руководили следующие академики: Х. Д. Френ (1818—1842), Б. А. Дорн (1842—1881), В. Р. Розен (1881—1882), Ф. И. Видеман (1882—1885), В. В. Радлов (1885—1890), К. Г. Залеман (1890—1916), С. Ф. Ольденбург (1916—1930).

В 1930 г. Азиатский музей полностью, со всеми своими фондами, коллекциями и сотрудниками, вошел в состав Института востоковедения АН СССР (ИВ АН СССР), который был создан в Ленинграде для реализации «Декларации о задачах востоковедной науки». Основные даты в истории созданного в Ленинграде Института востоковедения АН СССР следующие: 1930 — год учреждения ИВ АН СССР; 1938 — Институт передан в Отделение литературы и языка АН СССР; 1950 — Институт востоковедения АН СССР переведен в Москву. В Ленинграде остался Сектор восточных рукописей; 1956 — Сектор восточных рукописей преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВ АН СССР), которое с 1960 по 1970 г. называлось Ленинградским отделением Института народов Азии; а с 1970 по 2007 гг. — Ленинградским/Санкт-Петербургским отделением Института востоковедения АН. В 2007 г. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН переименован в Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Директорами Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР/Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения/Института восточных рукописей РАН были: И. А. Орбели (1956—1961), А. Н. Кононов (1961—1963), Ю. А. Петросян (1963—1996), Е. И. Кычанов (1997—2003), И. Ф. Попова — с 2004 г. по настоящее время.

Главными задачами Института востоковедения АН СССР с 1930 г. являлись описание, учет, инвентаризация рукописей и ксилографов Института, составление словарей, работа по выработке терминологии, изучение современной истории, политики, демократического движения в странах Востока. В первое десятилетие существования Института для целого ряда восточных языков, названных позже младописьменными, были разработаны алфавиты, для некоторых языков созданы новые виды письменности на основе латинского алфавита. В 30-е гг. в Институте функционировали три кабинета: Турецкий, Среднеазиатский, Персидский. По данным на 1941 г., научный персонал состоял из 77 сотрудников и 33 аспирантов.

В годы репрессий, во время войны и блокады Ленинграда Институт понес большие кадровые потери. К 1942 г. осталось 5 сотрудников. Во время войны Институт переехал в Ташкент, где открылись Дальневосточный, Индийский, Среднеазиатский, Тюркологический, Иранский, Семитический кабинеты. Часть сотрудников были эвакуированы в Казахстан, на курорт Боровое. Там стали развиваться иранское, тюркологическое, узбекское, арабское направления. Ряд сотрудников Института уехали в Москву, где была сформирована московская группа, которую включили в качестве самостоятельной структурной единицы в Отделение литературы и языка АН.

После войны в Институте созданы Секторы: Арабской филологии (зав. И. Ю. Крачковский; 1883—1951); Индийской филологии (зав. А. П. Баранников; 1890—1952); Китайской филологии (зав. В. М. Алексеев; 1881—1957); Древнего Востока (зав. В. В. Струве; 1889—1965); Иранской филологии (зав. А. А. Фрейман; 1879—1968); Японо-корейской филологии (зав. Н. Н. Конрад; 1891—1970); Монгольской филологии (зав. С. А. Козин; 1879—1956); Туркологический (зав. А. К. Боровков; 1904—1962), состоявший из двух кабинетов — Среднеазиатского и Турецкого. Кроме того, в состав Института входили другие структурные подразделения: Рукописный отдел, Архив востоковедов, научная библиотека. Всего в Институте в послевоенное время насчитывалось 97 человек, включая 11 сотрудников московской группы.

Послевоенная политическая ситуация в мире определила новые востоковедные задачи. Постановле-

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН.

нием от 1 июля 1950 г. в Москве создается Институт востоковедения. В Ленинграде остается Сектор из 27 научных сотрудников. Среди них было 4 монголиста. Собрание восточных рукописей и библиотека Института востоковедения были оставлены в Ленинграде. Сектор был перемещен из здания Библиотеки Академии наук в Ново-Михайловский дворец по адресу: Дворцовая набережная, д. 18. Наличие одного из крупнейших собраний письменных памятников на восточных языках определило профиль научно-исследовательской работы Сектора. Им стало издание восточных источников, научное описание рукописей, архивных документов, введение рукописных источников в науку, продолжение традиционных исследований и исследований в области истории докапиталистических формаций.

После преобразования Сектора в ЛО ИВ АН СССР за короткий промежуток времени в Институт было принято 100 молодых сотрудников, возобновлена прежняя, страноведческая структура учреждения. Для разработки общетеоретических проблем созданы историческая, литературоведческая, лингвистическая секции. Заведование Тюрко-монгольским кабинетом, в котором к тому времени насчитывалось 14 человек, было возложено на А. Н. Кононова (1906—1986).

В 1964 г. методологическое бюро разработало программу издания и исследования письменных памятников культуры народов Востока, методику и унифицированную схему описания восточных рукописей. В 1966 г. в Институте насчитывалось 103 сотрудника, из них 7 докторов, 56 кандидатов наук, 40 сотрудников без степени.

В ИВР РАН завершена инвентаризация и каталогизация рукописного и старопечатного наследия стран Востока, опубликованы каталоги и сделаны научные описания фондов, издано большое количество памятников письменности народов Востока, дешифрован ряд забытых письменностей, написаны сотни монографий, тысячи научных статей по различным проблемам востоковедения. Основным научным направлением ИВР РАН продолжает оставаться фундаментальное исследование древнего и средневекового Востока, изучение его истории, филологии, религии, философии, права. Институт востоковедения в Москве уделяет основное внимание изучению современного состояния стран и народов Азии, Северной Африки и Тихоокеанского региона.

В фонде ИВР РАН содержится более 100 тысяч единиц хранения рукописей и старопечатных книг на 65 живых и мертвых языках. В Архиве востоковедов имеются ценнейшие документы по истории отечественной науки. Специализированная библиотека по востоковедению Института насчитывает более 800 тыс. томов.

В 2007 г. в ИВР РАН работало 97 научных сотрудников, 45 человек обслуживающего персонала. Имелись следующие секторы: Сектор тюркологии и монголистики, Среднего Востока, Ближнего Востока, Дальнего Востока, Древнего Востока, Сектор

Юго-Восточной Азии, Рукописный сектор, который включал Рукописный фонд, Архив востоковедов, реставрационную мастерскую, фотолабораторию, при администрации работали буддологическая и курдская группы. В настоящее время в ИВР РАН работает 47 научных сотрудников. Имеются отделы: Ближнего Востока, Среднего Востока, Древнего Востока, Дальнего Востока, Центральной и Южной Азии, а также Сектор Центральной Азии и Сектор Южной Азии.

С Азиатским музеем связаны имена блестящей плеяды ученых-монголоведов, преподавателей Петербургского императорского университета: К. Ф. Голстунского (1833—1899), А. М. Позднеева (1851—1920), В. Л. Котвича (1872—1944), А. Д. Руднева (1878—1958), Б. Я. Владимирцова (1884—1931). Они открыли эпоху научного классического монголоведения, которая началась с учреждения в Петербургском императорском университете в 1854/55 уч. году факультета восточных языков и открытия на нем кафедры монгольского языка. Монголоведами второй половины XIX в. было издано большое количество письменных памятников, были сделаны переводы, написаны комментарии. Получили развитие историография, лингвистика, сравнительное языкознание, диалектология, литературоведение [Куликова, 1977].

Штатных сотрудников в Азиатском музее всегда было мало, так, в 1917 г. на постоянной основе здесь работали два монголиста — В. Л. Котвич и Б. Я. Владимирцов. В. Л. Котвич описывал книги на маньчжурском, монгольском, калмыцком языках, занимался русско-ойратскими отношениями, российско-монгольскими политическими и культурными связями. Его ученик, Б. Я. Владимирцов, монголовед-историк и филолог, ставший впоследствии членом-корреспондентом АН СССР, сотрудничал с Азиатским музеем/Институтом востоковедения АН СССР на протяжении всей своей жизни; он описывал монгольские и ойратские рукописи, приводил в порядок коллекции, ставил ярлыки и шифры.

В 1930 г. в созданном Институте появился Маньчжуро-тунгусский кабинет, позднее — Монгольский, с 1956 г. — Тюрко-монгольский. Вскоре Институт стал всесоюзным центром научной мысли в области монголоведения. В 1933 г. в Монгольском кабинете создана Ассоциация монголоведения для «координации монгоloedных сил в стране, оказания помощи в изучении истории, экономики, языка, литературы монгольских народностей». Наиболее разработанными дисциплинами к тому времени оказались лингвистика и фольклор. В различных регионах проживания монголоязычных народов было собрано огромное количество лингвистического и фольклорного материала на многих монгольских диалектах и говорах. Историки же испытывали недостаток в переведенных памятниках письменности. В плане работы Института в качестве основной задачи были поставлены публикация, перевод, комментирование исторических и литературных источников, а также

документов, необходимых для составления истории МНР. Литературоведам предстояло публиковать фольклорные записи, а лингвистам — составить большой монголо-русский словарь, разработать научную грамматику монгольского языка. Предполагалось также научное описание коллекции рукописного монгольского фонда. В 30-е гг. XX в. в Институте работало более десятка специалистов-монголоведов [Кульганек, 2008]:

Владимир Александрович Казакевич (1896—1937) занимался топонимикой и историей Монголии, являлся автором научных статей о китайских военных экспедициях в Монголию, о состоянии скотоводства и земледелия Центральной Азии, о летописях хоринских бурят, а также статей по картографии Монголии. Подготовил к изданию известную монгольскую летопись XVII в. «Эрдэнийн товч», перевел монографию Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы», подготовил материалы по революционному движению 1911 г., являлся сотрудником Ученого Комитета Монголии и полпреда СССР в МНР, участвовал в работе Монгольской комиссии АН СССР, в Институте был секретарем Ассоциации многолюдоведения, ездил в научные командировки в Германию и Францию. Арестован, расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1989 г.

Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953), один из виднейших историков-востоковедов и историков науки, работал в Среднеазиатском кабинете института с 1933 по 1938 г. Внес вклад в разработку вопросов социальной истории монголов. Наиболее известна его книга (в соавторстве с акад. Б. Д. Грековым; 1882—1953) о возникновении, развитии и упадке Золотой Орды, написанная с позиций марксизма-ленинизма. В области истории науки важна данная им характеристика взглядов Ж. Дегиня (1721—1800), А. К. д'Оссона (1779—1851), Х. Д. Френа (1782—1851), Н. Я. Бичурина (1777—1853), В. В. Григорьева (1816—1881), В. П. Васильева (1818—1900), В. В. Бартольд (1869—1930), И. Н. Березина (1818—1896), Б. Я. Владимирцова.

Цыбен Жамцаранович Жамцарано (1881—1942), выдающийся бурятский ученый-монголовед, общественный деятель, литератор, переводчик, сотрудник Русского музея в Ленинграде, ученый секретарь Ученого Комитета МНР, товарищ министра культуры МНР, преподаватель Восточного факультета ЛГУ, научный сотрудник ИВ АН СССР с 1932 г. В 1935 г. без защиты ему было присуждено звание доктора литературоведения. Научный диапазон Ц. Ж. Жамцарано был очень велик: этнография, история, фольклор, язык, религия. Будучи с 1903 г. вольнослушателем Петербургского императорского университета, совершил ряд поездок по Забайкалью и собрал громадное количество фольклорного, этнографического материала. Награжден премией ИРГО им. Н. М. Пржевальского, серебряной медалью ИРГО. Издал девять томов образцов народной словесности монгольских племен, собрал 150 печ. л. фольклорного материала, готовил к изданию свод монгольских

законов XVII—XVIII вв. «Халха Джирум». Арестован в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Георгий Никитич Румянцев (1903—1966), прекрасный знаток монгольского, ойратского, тибетского языков, автор более 60 научных трудов. Работал в ИВР АН СССР с 1935 по 1939 г. научным сотрудником II разряда. С 1939 г. перешел в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории / Бурятский комплексный научно-исследовательский институт (БКНИИ СО АН СССР), где выполнял обязанности заместителя директора, заведующего Сектором истории, Сектором тибетологии, Отделом зарубежного Востока. Будучи сотрудником Института востоковедения АН СССР, занимался бурятскими летописями, материалами по истории ойратов: подготовил к печати с переводом и комментариями ойратский текст биографии Зая-пандиты, сводный текст Саган Сэцэна «Эрдэнийн товч».

Алексей Васильевич Бурдуков (1883—1943) служил в Институте в 30-е годы на договорных началах, вернувшись из Монголии, где он работал более 10 лет в различных российских торговых фирмах. Сотрудник журнала «Современная Монголия», преподаватель монгольского языка в ЛИЖВЯ/ЛВИ, доцент Тюрко-монгольской кафедры ЛГУ, преподаватель на Курсах нацменьшинств Современного Востока при ЛГПИ. Он составил «Монгольско-русский словарь», «Русско-монгольский словарь». Много переводил, занимался калмыцким фольклором, «Джангаром». Награжден малой серебряной медалью ИРГО. Арестован в 1941 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. Архив находится в АВ ИВР РАН. В нем есть ряд неизданных статей по монгольскому фольклору, материалы к монгольско-русскому и русско-монгольскому словарям, фотографии, переписка с В. Л. Котвичем и Б. Я. Владимирцовым.

Василий Дмитриевич Якимов (1904—1941), сотрудник Института в 1937—1941 гг. После завершения учебы (1932) в ЛВИ по Монголо-тибетскому отделению он был оставлен в аспирантуре, которую окончил в 1935 г. В. Д. Якимов был научным сотрудником I разряда, затем — ученым секретарем Монгольского кабинета, занимался вопросами новейшей истории Монголии, экономикой МНР, проблемами буддизма. В журнале «Современная Монголия» напечатал ряд статей под псевдонимом В. Даурский. Одновременно читал лекции в ЛГУ и ЛВИ по истории и экономике МНР. Работал в специальных экспедициях, направленных в 1930-е гг. Академией наук в Бурятию для отбора текстов и других артефактов из буддийских монастырей [Хубилганы, 2011. С. 291]. Погиб во время Великой Отечественной Войны на Ленинградском фронте в конце 1941 г.

Сергей Андреевич Козин (1879—1956), академик АН СССР, декан Восточного факультета, профессор кафедры монгольской филологии, автор более 30 крупных научных трудов, среди которых были исследования по главнейшим письменным памят-

никам монгольского народа «Гэсэр», «Джангар», «Сокровенное сказание». Работал в Азиатском музее в 1924, 1927—1932 гг. Заведовал архивом АМ/ИВ [Колин 1934].

Сандже Дылыкович Дылыков (1912—1999), историк Монголии, был аспирантом ИВ АН СССР в 1934—1938 гг.; с 1938 по 1941 — младший научный сотрудник ИВ. Вошел в группу маньчжуроведов, основной задачей которой являлся перевод на русский язык маньчжурских официальных документов под руководством проф. А. В. Гребенщикова (образована в мае 1936 г.). Принимал участие в работе по составлению Большого академического монгольско-русского литературного словаря, находившейся в центре внимания Монгольского кабинета ИВ (с 1937 по 1941 г.) С 1950 г. сотрудник ИВ (Москва). Работая в Москве, издал памятник монгольского права «Халха-Джирум».

Антонина Ильинична Воробьева, монголист-филолог, кандидат филологических наук, занималась языкознанием. После окончания в 1935 г. ЛВИ поступила в аспирантуру ИВ (1938—1941). Защитив (1941) кандидатскую диссертацию на грамматическую тему о синтаксисе орудного падежа, поступила в ИВ АН СССР. Проработав несколько месяцев в должности старшего научного сотрудника, ушла добровольцем в Советскую Армию и работала в медсанбате на Ленинградском и 1-м Белорусском фронтах. После окончания войны восстановилась в Институте, где проработала до 1959 г. в должности младшего научного сотрудника. Занималась исследованием монгольских грамматических сочинений, разработкой синтаксиса монгольского языка. Издала «Очерки по истории синтаксиса монгольского языка (простое и сложное предложение)». Работала над переводом летописи «Алтан-Тобчи».

Елена Павловна Лебедева (1912—2000), специалист в области маньчжуро-тунгусской лингвистики. В 1932 г. окончила Ленинградский государственный историко-лингвистический институт. В 1936 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Наречия места в эвенкийском языке» и в том же году была зачислена научным сотрудником Института народов Севера, где преподавала эвенкийский язык. Работала в Монгольском кабинете в 1938—1940 гг. в должности младшего научного сотрудника, принимала участие в составлении монгольско-русского словаря.

Ольга Васильевна Иванова, монголовед-филолог. В 1930 г. окончила ЛВИ по монгольскому отделению. В 1930 г. вела в ИВ временную работу в течение двух месяцев. Работала над составлением монголо-русского словаря в Монгольском кабинете, где в 1939—1940 гг. занимала должность младшего научного сотрудника. В 1940 г. участвовала в отправленной в Бурятию экспедиции по сбору предметов буддийского культа. Готовила к изданию бурятскую летопись «Бичихан записке».

Константин Николаевич Артемов, историк Монголии, работал в Монгольском кабинете (1936—

1940), принимал участие в составлении монгольско-русского словаря. В 1937—1940 гг. являлся старшим научным сотрудником ИВ с возложенными на него обязанностями заведующего Научно-редакционным бюро. В 1940 г., являясь сотрудником на договорной основе, исполнял обязанности секретаря Монгольского кабинета.

Базар Барадиевич Барадийн (1878—1939), монголовед, тибетолог, буддолог, общественный и государственный деятель, писатель, зачислен в штат ИВ АН СССР в 1936 г. Принимал деятельное участие в работе Монгольского кабинета, совмещая научную работу с преподаванием в ЛИФЛИ. Работал над созданием новой письменности у бурят. Издал сборники по бурятской и тибетской народной литературе, очерки об этнографии тибетского и монгольского народов. Ранее был послан Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА) в Тибет, где обучался 7 месяцев в монастыре Лавран [Савицкий, 1990]. По возвращении награжден премией ИРГО им. Н. М. Пржевальского. После революции был наркомом просвещения Бурят-Монгольской АССР, членом БурЦИК, председателем Ученого Комитета Бурятии, зам. директора Института культуры в Улан-Удэ. Арестован в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1958 г.

Михаил Израилевич Тубянский (1893 — 1937), монголовед, индолог, тибетолог, преподаватель ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ, сотрудник полпредства СССР в МНР, ученый секретарь Ученого Комитета Монголии, сотрудник ИВ АН СССР в 1920—1928, 1937 гг. Занимался буддийским логическим трактатом «Ньяяправеша». Опубликовал статьи о монгольском календаре, «пастбищном зимовании» скота в Монголии, о монгольской культуре «дореволюционного периода». Арестован в 1937 г. Реабилитирован.

Николай Николаевич Поппе (1897—1991), известный монголовед, тюрколог, литературовед, лингвист, заведующий Монгольским кабинетом, работал в Институте до июня 1942 г. В 30-е годы занимался социалингвистическими проблемами Восточной Сибири. Являлся руководителем коллективной работы по составлению «Большого монгольско-русского литературного словаря», написал ряд значительных для монголоведения работ: «Халха-монгольский героический эпос», «Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб», «Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник», «Описание монгольских „шаманских“ рукописей Института востоковедения». Послевоенная жизнь его проходила в США.

В 30-е годы аспирантами ИВ АН СССР было большое количество бурятской и монгольской молодежи. Среди них: М. Гомбоджав, Д. Д. Амоглонов, А. М. Хамгашалов, С. Балдан. В это же время аспирантами были также А. Д. Калинников, Т. К. Алексеева, Е. М. Залкинд [Кононов, 1977].

Мерген Гомбоджав (1906—1940) — монголовед-филолог, выпускник ЛИЖВЯ, учился в Сорбонне у монголоведа П. Пеллио, работал в Ученом Комитете

Бурятии, принимал участие в этнолого-фольклорной экспедиции Н. Н. Поппе в Бурятии. Учился в аспирантуре ИВ АН СССР в 1934—1937 гг. Занимался историей Центральной Азии и изданием монгольских письменных памятников. Исследовал памятник исторической литературы «Цагаан туух». Арестован в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г..

Даши Доржиевич Амоголонов (1912—1982), монголовед-филолог, выпускник ЛИФЛИ, заслуженный деятель науки Бурятской АССР, награжден медалями «За оборону Ленинграда», в аспирантуре Института обучался в 1939—1941 гг. по специальности «Бурят-монгольский язык». Во время аспирантуры подготовил орфографический словарь бурятского языка и проект перехода с латинского на кириллический алфавит. После войны работал заведующим кафедрой бурятского отделения историко-филологического факультета БГПИ.

Александр Михайлович Хамгашалов (1893—1967), монголовед-филолог, учился в аспирантуре ИВ в 1932—1935 гг., работал над темой «Бурятско-монгольская поэтика». Издал в 1940 г. монографию о бурят-монгольском стихосложении, принимал участие в составлении литературной хрестоматии на монгольском языке.

Содномын Балдан (1908—1979), монголовед-филолог, учился в аспирантуре ИВ в 1932—1934 гг. в качестве прикомандированного МНР по специальности «монгольская литература».

Анатолий Дмитриевич Калинин (1899/1900—1937), доктор исторических наук, историк-монголовед, выпускник ЛИЖВЯ, получивший степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. Автор более 30 работ по новейшей истории Монголии. С 1936 г. учился в докторантуре ИВ АН СССР. Тема докторской диссертации — «Автономная Внешняя Монголия (1911—1918)». Печатался в журнале «Современная Монголия» под псевдонимом Эрдэни Очир.

Татьяна Капитоновна Алексеева, этнограф-монголовед. После окончания ЛИФЛИ (1937) училась в аспирантуре ИВ РАН в 1938—1940 гг. и в 1945—1947 гг. Сочетала аспирантуру с работой в Институте. Занималась обработкой шаманского фольклора, собранного ею в Бурятии.

Евгений Михайлович Залкинд (1912—1980), историк Бурятии, выпускник ЛИФЛИ, доктор исторических наук, обучался в докторантуре в ИВ АН СССР в 1938—1942 гг. После войны работал в БКНИИ/БИОН СО АН СССР заведующим Сектором этнографии и археологии. Автор более 60 научных трудов по этногенезу и этнической истории бурят, обычному праву, хозяйству бурят, феодализму в Бурятии и Сибири.

Все сотрудники и аспиранты довоенного периода принимали участие в составлении «Большого монгольско-русского литературного словаря». Работа продолжалась пять лет (1937—1941) и завершилась подготовкой к печати рукописи объемом 200 а. л. Однако война помешала осуществлению издания. В

целом довоенный период был плодотворным: богатым по количеству специалистов, результативным по широте разработанных проблем.

Не многие из монголоведов продолжили работу в послевоенные годы [Лившиц, 1986].

Тансия Алексеевна Бурдукова (1912—1987), дочь А. В. Бурдукова, кандидат филологических наук. В 1935—1948 гг. младший научный сотрудник, в 1945 г. — соискатель. Тема диссертации — «Историческая хроника шираб-нимбо Хобитуева». Сочетала работу в ИВ с преподаванием монгольского и калмыцкого языков в ЛВИ и на Курсах нацменьшинств Современного Востока при ЛГПИ. Вместе с А. В. Бурдуковым составила «Калмыцко-русский словарь», орфографически оформила монгольские слова в словарях А. В. Бурдукова, изданных ЛВИ, подготовила к печати ойратскую историю Гаван-Шараба. Кроме того, подготовила полную библиографию изданий на бурятском и монгольском языках и сделала описание фольклорных коллекций Ц. Ж. Жамцарано. Владея в совершенстве калмыцким языком, неоднократно выезжала в научные экспедиции для изучения и собирания фольклора. Ее архив находится в АВ ИВР РАН. В нем есть неизданные монографии по средневековой и современной монгольской литературе.

Нина Павловна Шастина (1898—1980), монголовед-историк, работала в Монгольском кабинете с 1947 по 1951 г., затем с переводом Института в Москву переехала туда. Издала монгольские летописи «Шара Туджи», «Алтан Товчи», занималась историей Монголии и российско-монгольскими политическими связями.

Борис Иванович Панкратов (1892—1979), редкий специалист, сочетавший знание монгольского, маньчжурского, китайского, тибетского языков, собравший ценный материал по языкам Внутренней Монголии. Выпускник Восточного института во Владивостоке, сотрудник посольства СССР в Пекине. В Монгольском кабинете ИВ работал в 1935—1936 гг. в качестве ученого специалиста, в 1936—1938 гг. являлся ученым секретарем Монгольского кабинета. В 1939—1942 гг. — старшим научным сотрудником. В 1948 г. был назначен ученым секретарем Рукописного отдела. Затем, до 1963 г. работал старшим научным сотрудником. Издал текст «Сокровенного сказания», исследовал дагурский язык, составил монгольско-русский словарь (30 а. л.). Значительное внимание уделял каталогизации, инвентаризации и подготовке к научному описанию собрания монгольских рукописей и ксилографов Института. Совместно с С. Д. Дылыковым, Н. П. Шестиной, С. А. Козиным и А. Ю. Якубовским принимал участие в авторской работе по составлению вышедшего в 1954 г. однотомника «История МНР». Принимал участие в осуществлявшемся Институтом издании сборника летописей Рашид-ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»).

В послевоенные годы большая работа велась по составлению дополнений к «Большому монгольско-

русскому словарю». Однако в основном деятельность сосредоточилась на описании монгольских рукописей, т. е. в том направлении, которому уделялось основное внимание еще со времен Азиатского музея и первых лет существования Института востоковедения АН СССР, когда каталогизацией занимались В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Ц. Ж. Жамцарано, В. А. Казакевич, Г. Н. Румянцев.

Леонид Сергеевич Пучковский (1899—1970), кандидат филологических наук, монголовед-филолог, был главным сотрудником этого направления в 50-е годы. В Институте в 1932—1941 гг. являлся научным сотрудником II разряда, в 1942—1951 гг. — младшим научным сотрудником, в 1951—1965 гг. — старшим научным сотрудником. Тема кандидатской диссертации — «Монгольские документы эпистолярного характера». Большое значение для науки имеют его каталог «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения» и объемная статья «Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.». Работал до 1965 г.

Тамара Петровна Горегляд, сотрудница Монгольского кабинета, работала над каталогом монгольских рукописей и ксилографов.

Александр Павлович Конаков, монголовед-филолог, маньчжурист. Аспирант Института в 1938—1941 гг. После защиты кандидатской диссертации сразу ушел на фронт. Тема кандидатской диссертации — «Категория послелогов в маньчжурском, монгольском, эвенкийском (тунгусском) языках». Вернувшись с войны, работал в Институте над словарем до 1950 г.

К словарной работе были привлечены С. А. Козин, Б. И. Панкратов, О. В. Воробьева, Д. А. Алексеев, Ц. Дамдинсурэн, К. М. Черемисов, однако работа опять не была закончена и в таком виде была сдана в Архив востоковедов.

Илья Иосифович Иориш (1904—?) работал в Институте/Отделении с 1948 г., занимался историей российского монголоведения. Основным трудом его является каталог «Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика».

В 50-е годы в аспирантуре Ленинградского отделения учились молодые монголоведы, ставшие в дальнейшем выдающимися учеными. Среди них монгольский академик, филолог и писатель **Цэндийн Дамдинсурэн** (1908—1986); бурятский фольклорист **Надежда Осиповна Шаракшинова** (1915—2000); лингвист, заведующий кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ **Дмитрий Андрианович Алексеев** (1908—1973).

Новый этап в монголоведении Отделения начался в 70-е гг. XX в. с приходом в 1971 г. в сектор тюркологии и монголистики А. Г. Сазыкина.

Алексей Георгиевич Сазыкин (1943—2005), кандидат филологических наук, монголовед-филолог, знаток монгольского рукописного фонда, научный авторитет и одна из главных фигур мирового

монголоведения. Издал 10 монографий (три в соавторстве). Ему принадлежат: «Каталог монгольских рукописей и ксилографов» в трех томах [Сазыкин, 1988; 2001; 2003], «Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга», «Раднабхадра. „Лунный свет“: История рабдхам Зая-пандиты», «История Чойджид-дагини», «Видения буддийского ада», «Монгольские переводы „Манджушри-нама-сангити“» и др.

В восьмидесятые годы в Институт пришла новая плеяда монголоведов.

Ирина Владимировна Кульганек, доктор филологических наук, монголовед-филолог, работает в Отделении /Филиале/ ИВР РАН с 1979 г. Имеет 8 монографий (четыре в соавторстве) и более 200 научных статей. Основные научные интересы лежат в области поэтики монгольского фольклора, переводоведения, истории науки. Основные монографии: «Каталог монголоязычных фольклорных материалов из Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН», «Мир монгольской народной песни», «Монгольский поэтический фольклор», «Монгольские пословицы и поговорки». В соавторстве изданы дневники и материалы из научного наследия монголоведов О. М. Ковалевского, Ц. Ж. Жамцарано, С. А. Кондратьева. В качестве научного редактора подготовила более десятка сборников научных статей и монографий, а также 16 выпусков журнала «Mongolica».

Наталья Сергеевна Яхонтова, кандидат филологических наук, монголовед-лингвист, работает после окончания аспирантуры с 1983 г. Имеет 3 монографии: «Ойратский литературный язык» и «Истории о Молон-тойне», «Ойратский словарь поэтический выражений» и более 100 научных статей. Область научных интересов: монгольская филология, ойратский язык. Редактор около десяти сборников научных статей и монографий.

Владимир Леонидович Успенский, доктор исторических наук, монголовед-тибетолог, историк, работал в Отделении/Филиале после окончания аспирантуры с 1984 по 2007 г. Издал в Японии (в соавторстве) «Каталог коллекции монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ» и книгу о маньчжурском принце Юньли (1697—1738). Защитил докторскую диссертацию на тему «Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644—1911) в культурно-историческом контексте эпохи», опубликовав позже монографию на эту тему. Основные направления научной работы: каталогизация и изучение буддийской литературы на тибетском и монгольском языках, история Монголии, история и идеология тибетского буддизма. В 2007 г. перешел на работу в СПбГУ.

Татьяна Юрьевна Евдокимова, работала с 1986 г., занималась монголо-тибетскими литературными связями, работала над памятником «Букет Белых Лотов». Издано около 20 научных статей.

С начала семидесятых годов аспирантуру и докторантуру ИВР РАН закончили более десяти монголоведов, многие из них после защиты кандидатских

и докторских диссертаций работают в настоящее время в различных монголоведческих центрах России. Это **Т. Д. Скрынникова**, **К. В. Орлова**, **Д. Н. Музраева**, **Н. В. Цыремпилов**, **П. О. Рыкин**, **Б. С. Задаев**, **Ю. И. Елихина**.

В настоящее время в Секторе Центральной Азии ИВР РАН работает 6 монголоведов — **И. В. Кульганек** (заведующая Сектором Центральной Азии ИВР РАН), **Т. Д. Скрынникова** (заведующая Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН), **Н. С. Яхонтова**, **Д. А. Носов**, **Н. В. Ямпольская**, **А. А. Туранская**. В Рукописном фонде работают монголовед **А. А. Сизова**, монголовед-тибетолог **С. С. Сабрукова**.

Татьяна Дмитриевна Скрынникова — доктор исторических наук, профессор, ведущий российский историк-монголовед. Работает в Институте с 2011 г. Автор трех личных монографий, редактор и автор более десяти коллективных монографий и сборников научных статей и монографий, научный руководитель 15 аспирантов. Основные работы: «Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI—начало XX века», «Харизма и власть в эпоху Чингисхана», «Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период)» (в соавторстве), «Обряды в традиционной культуре бурят» (в соавторстве), «Империя Чингисхана» (в соавторстве).

Дмитрий Алексеевич Носов — научный сотрудник с 2011 г. Сфера научных интересов — монгольская филология, фольклор, история науки. Кандидатская диссертация на тему «Структура повествования монгольской народной сказки». Издана монография по теме диссертации. Имеет более 20 научных статей. Был неоднократно на стажировке в Монголии. Участвовал более чем в 20 научных международных и российских конференциях. С 2017 г. — автор-составитель журнала «Mongolica».

Наталья Васильевна Ямпольская — кандидат филологических наук, научный сотрудник с 2014 г. Защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора философии в Бернском университете на тему «Восемь монгольских переводов сутры Аштасакхасрика Праджняпарамиты». Научные интересы: изучение переводов буддийской канонической литературы XVII—XVIII вв., буддийская каноническая литература, монгольские редакции Ганджура.

Анна Александровна Туранская — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник с 2017 г. Защитила кандидатскую диссертацию в ИСАА при МГУ в 2016 г. на тему «Сто тысяч песен Миларепы: структурные и типологические особенности сборника в монгольском переводе». Область научных интересов: тибетская и монгольская буддийская литература, буддийская агиография, уйгурский язык, уйгурская литература. Имеет около 20 научных статей, участвовала в международных и российских научных монголоведческих, тибетологических и тюркологических конференциях.

Светлана Санджиевна Сабрукова, монголовед-тибетолог, очная аспирантка Института 1994—1998 гг.,

работает в ИВР РАН с 2007 г. в Тибетском фонде. Защитила диссертацию на тему: «„Бодхичарьяватара“ Шантидевы в тибето-монгольской литературной традиции». В настоящее время занимается архивом А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой. Автор более 20 научных статей.

Алла Алексеевна Сизова — сотрудник Рукописного фонда ИВР РАН с 2010 г. Работает над диссертацией «Литература Пути в монголо-тибетской традиции». Занимается инвентаризацией и каталогизацией Рукописного монгольского фонда ИВР РАН. Научные интересы: ламримы, теория литературных жанров, монгольская и тибетская литературные традиции.

В настоящее время Сектор Центральной Азии, входящий в Отдел Центральной и Южной Азии ИВР РАН, имеет научные контакты с учеными Монгольского государственного университета, Института языка и литературы Монгольской АН, Института истории и археологии Монгольской АН, с Международной Ассоциацией монголоведов, Монгольской Академией наук, Центром А. Мостера в Улан-Батаре, Педагогическим государственным университетом в Улан-Батаре, а также с востоковедными учебными и научными учреждениями России, Японии, Китая, Турции, Венгрии, Германии, Англии, Чехии, Польши, Болгарии.

Основными задачами, стоящими перед монголоведами Института, остаются изучение письменных памятников Монголии, продолжение работы по описанию монгольских рукописей, хранящихся в Рукописном фонде Института, введение в научный оборот архивных материалов и документов, связанных с изучением Монголии.

Рукописный монгольский фонд — один из старейших в ИВР РАН и самый крупный за пределами Монголии. Он насчитывает более 9000 единиц хранения. (Для сравнения: в США, Европе, Японии имеется 39 коллекций, в них хранится 3000 монгольских рукописей и ксилографов.) Первая часть фонда представлена тематическими и личными коллекциями XIX в., вторая — коллекциями XX в.

Период первоначального накопления письменного наследия монголоязычных народов, который продолжался с момента поступления первых рукописей из развалин монастыря Аблай-хит вплоть до конца XIX в., сменился целенаправленным приобретением профессиональными учеными-монголоведами наиболее ценных и редких рукописей, ксилографов и литографий. Особенно велика заслуга в этом К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Я. Владимирцова, А. В. Бурдукова, Б. И. Панкратова. В настоящее время в фонде представлены все жанры письменного наследия монголов: народная словесность, художественная литература, произведения по истории, праву, официальные и административно-хозяйственные документы, личные документы и письма, буддийская каноническая, неканоническая, культовая и обрядовая литература, конфессиональный фольклор, конфуцианские канонические сочинения,

монгольские переводы христианских сочинений, сочинения по филологии, географии, астрономии, медицине, астрологии, гадания и др.

Архив востоковедов ИВР РАН представляет собой богатейшее собрание рукописного наследия отечественных ученых по всем направлениям востоковедной науки. В нем имеется более 120 фондов, в которых представлены уникальные материалы, связанные с изучением истории, культуры, языка сотен народов. Это 28 000 ед. хр. В АВ хранятся неопубликованные монографии, материалы к ним, научные статьи, записи, выписки, конспекты, письма, реестры, описи, словари, материалы к ним, диссертации, материалы конференций и заседаний, карты, ноты, рисунки, фотографии. Материалы о монголах, бурятах, калмыках имеются в личных фондах монголоведов, тибетологов, тюркологов и тематических фондах [Чугуевский, 1990].

Об Архиве востоковедов ИВР РАН имеется около 100 публикаций.

К наиболее интересным работам по монголоведению можно отнести монографию О. М. Ковалевского «Монголы», работу Н. Я. Бичурина «Анонимная Черновая история монголов», фольклорные материалы Ц. Ж. Жамцарано [Горегляд, 1961], Б. И. Панкратова, дневники Б. Б. Барадийна, переписку А. В. Бурдукова, работы по истории Монголии В. А. Казакевича, исследования по буддизму М. И. Тубянского, дешифровку П. И. Кафарова (1817—1878) старомон-

гольского текста «Юань чао би ши», дневники Н. Н. Шнитникова, Л. Е. Жапова, материалы российской экспедиции по обследованию Монголии под руководством барона Петра Петровича Витте (1869—1944), перевод Н. Н. Поппе «Оюн Тульхур», машинопись П. А. Бадмаева «Большого академического монголо-русского литературного словаря» (200 а. л.), «Монголо-маньчжуро-китайско-русский лексикон в трех томах» С. В. Липовцова (1770—1841), переписка о земельной реформе Степных дум, личные архивы тайшей, родовых начальников, отчеты о поездках в калмыцкие степи А. Бордзинкевича, А. Д. Руднева, Г. Вевера, фольклорные материалы Н. О. Очирова (1886—1960), Ф. М. Муромского, Б. Цыренова, А. М. Хамгашалова, «Калмыцкие материалы, принадлежавшие протестантским миссионерам начала XIX в. в Сарепте и доставленные в СПб. сыном Сарептского аптекаря Гольбаха в начале XX в.», отчеты о путешествиях в Монголию Н. М. Ядринцева (1842—1894), Н. Уланова, монголо-калмыцкие документы и письма из коллекции Э. Э. Ухтомского (1861—1921), письма Дамбижалцана к А. В. Бурдукову. Многие архивные материалы ждут своих исследователей [Иориш, 1966].

Таким образом, в настоящее время ИВР РАН является центром монголоведения России, где ведутся научные исследования по филологии, истории, культуре и фольклору монгольских народов, разрабатываются методы сохранения их рукописного наследия.

И. В. Кульганек

Использованная литература

- Азиатский музей, 1972: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / под ред. А. П. Базиянц. М.: Наука; ГРБЛ, 1972 (Aziatskiy muzey — Leningradskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya AN SSSR/ pod red. A. P. Baziyants. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1972).
- Горегляд, 1961: Горегляд Т. П. Обзор архивных материалов Ц. Ж. Жамцарано // Бюллетень Архива востоковедов ЛО ИНА АН СССР. Т. II, вып. I. 1961. С. 11—13 (на правах рукописи) (Goreglyad T. P. Obzreniye arkhivnykh materialov Ts. Zh. Zhamtsarano // Byulleten' Arkhiva vostokovedov LO INA AN SSSR. T. II. Vyp. I. 1961. S. 11—13 (na pravakh rukopisi)).
- Иориш, 1966: Иориш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М.: Наука, 1966 (Iorish I. I. Materialy o mongolakh, kalmykakh i buryatakh v arkhivakh Leningrada. Istoriya, pravo, ekonomika. M.: Nauka, 1966).
- Кононов, 1977: Кононов А. Н., Иориш И. И. Ленинградский Восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука; ГРБЛ, 1977 (Kononov A. N., Iorish I. I. Leningradskiy Vostochnyy institut. Stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniya. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1977).
- Козин, 1934: Козин С. А. Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Л.: Институт востоковедения АН СССР, 1934. Вып. 5—6. С. 56—66 (Kozin S. A. Aziatskiy arkhiv pri Institute vostokovedeniya Akademii nauk SSSR // Bibliografiya Vostoka. L.: Institut vostokovedeniya AN SSSR, 1934. Vyp. 5—6. S. 56—66).
- Куликова, 1977: Куликова А. М. Обзор архивных материалов по истории преподавания восточных языков в Петербургском университете в 1816—1890 гг. (по фондам Архива Академии наук СССР) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Т. XII. Ч. I. М.: Наука; ГРБЛ, 1977. С. 23—26 (Kulikova A. M. Obzor arkhivnykh materialov po istorii prepodavaniya vostochnykh yazykov v Peterburgskom universitete v 1816—1890 gg. (po fondam Arkhiva Akademii nauk SSSR) // Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. T. XII. Ch. I. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1977. S. 23—26).
- Кульганек, 2008: Кульганек И. В. Предисловие // Mongolica-XVIII. Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 5—11 (Kul'ganek I. V. Predisloviye // Mongolica-XVIII. Sb. st. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2008. S. 5—11).
- Лившиц, 1986: Лившиц В. А. Институт востоковедения АН СССР в дни Великой Отечественной войны // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Т. XIX. Ч. II. М.: Наука; ГРБЛ, 1986. С. 3—16 (Livshits V. A. Institut vostokovedeniya AN SSSR v dni Velikoy Otechestvennoy voyny // Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. T. XIX. Ch. II. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1986. S. 3—16).

- Савицкий, 1990: *Савицкий Л. С.* Обзорение фонда Б. Б. Барадийна в собрании архивных документов ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М.: Наука; ГРБЛ, 1990. С. 141—160 (*Savitskiy L. S.* Obozreniye fonda B. B. Baradiyna v sobranii arkhivnykh dokumentov LO IV AN SSSR // Pis'mennnye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR. Materialy po istorii otechestvennogo vostokovedeniya. Ch. III. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 141—160).
- Сазыкин, 1988; 2001; 2003: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. М.: Наука; ГРБЛ, 1988 (Т. I); 2001 (Т. II); 2003 (Т. III) (*Sazykin A. G.* Katalog mongol'skikh rukopisey i ksilografov Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1988 (Т. I); 2001 (Т. II); 2003 (Т. III)).
- Хубилганы, 2011: Хубилганы. Предисловие и публикация: И. В. Кульганек, А. В. Попов // Труды Архива востоковедов Ин-та вост. рукописей РАН / под общ. ред. И. Ф. Поповой. Вып. 1: Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941—1944). М., 2011. С. 286—317 (*Khubilgany. Predisloviye i publikatsiya: I. V. Kul'ganek, A. V. Popov* // Trudy Arkhiva vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisey RAN / Pod obshchey redaktsiyey I. F. Popovoy. Vyp. 1: Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941—1944). M., 2011. S. 286—317).
- Чугуевский, 1990: *Чугуевский Л. И.* Архив востоковедов (б. Азиатский музей) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР. Материалы по ист. отеч. востоковедения. Ч. III. М.: Наука; ГРБЛ, 1990. С. 5—128 (*Chuguyevskiy L. I.* Arkhiv vostokovedov (b. Aziatskiy muzey) // Pis'mennnye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR. Materialy po istorii otechestvennogo vostokovedeniya. Ch. III. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 5—128).
- Интернет ресурс сайта Института восточных рукописей РАН: <http://www.orientalstudies.ru> (дата обращения: 12 марта 2018 г.) (Web-resource of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: <http://www.orientalstudies.ru> (дата обращения: 12.03.2018)).

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Вклад советских ученых М. И. Тубянского и А. Д. Симукова в изучение кочевого скотоводства у монголов

DOI: 10.25882/9nt6-hj72

Статья посвящена исследованию традиции кочевого скотоводства у монголов, проведенному на базе Научно-исследовательского комитета МНР востоковедом М. И. Тубянским (1893—1937) и географом А. Д. Симуковым (1902—1942). Показано, что оба ученых осмыслили эту традицию как культурно-историческое явление, обусловленное географическим фактором. М. И. Тубянский, опираясь на опыт своей работы в Азиатском музее АН СССР, сочетал наблюдение живой традиции с изучением монгольских рукописных источников о кочевом скотоводстве. А. Д. Симуков проводил эмпирические исследования, характерные для этапа зарождения экономической антропологии в монголоведении. В рамках статьи впервые публикуется извлечение из записок М. И. Тубянского о кочевом скотоводстве, хранящихся в Национальном архиве Монголии.

Ключевые слова: Монголия, МНР, деятельность советских ученых в Научно-исследовательском комитете МНР, кочевое скотоводство у монголов, М. И. Тубянский, А. Д. Симуков.

Проблема изучения кочевого скотоводства у монголов актуализировалась на советском этапе истории российского монголоведения в конце 1920-х гг., когда в МНР был поставлен вопрос о модернизации народного хозяйства, освобождении населения от традиционного налогообложения в пользу буддийских монастырей и духовенства, ликвидации «пережитков» феодализма. Планировалось поставить сельское хозяйство на научную основу, и ведущую роль в этом процессе играли советские специалисты, призванные развернуть комплексное исследование производительных сил и природных ресурсов Монголии, а также способствовать подготовке национальных научных кадров и становлению в МНР науки как социального института. Центром такой работы стал Научно-исследовательский комитет МНР (далее: НИК)¹.

Вопрос о модернизации кочевого скотоводства требовал разработки адекватного методологического

подхода к изучению традиционного хозяйственного уклада монголов, а также эмпирического исследования особенностей скотоводческих практик в различных районах страны. Серьезный вклад в решение этих проблем был внесен советскими учеными — востоковедом Михаилом Израилевичем Тубянским (1893—1937), ученым секретарем НИКа (1930—1936), и географом Андреем Дмитриевичем Симуковым (1902—1942), возглавлявшим Географическое отделение НИКа.

О результатах научно-исследовательской деятельности этих ученых в данном направлении позволяют судить их труды, публиковавшиеся на русском языке в 1930-х гг. в журнале «Современная Монголия», выпускавшемся в Улан-Баторе при посредстве советского полпредства.

Необходимо сказать, что деятельность М. И. Тубянского в области изучения кочевого скотоводства у монголов не была изначально связана со сферой его научных интересов. Как профессиональный востоковед-санскритолог, знаток тибетского языка, специализировавшийся в области буддологии под руководством акад. Федора Ипполитовича Щербатского (1866—1942), он занимался изучением буддийских письменных памятников. В МНР он приехал в 1927 г. не с целью участия в работе НИКа, а в качестве сотрудника Азиатского музея АН СССР, командированного сроком на год для ознакомления с библиотекой монастыря Гандан — центра подготовки образованного буддийского монашества. Директор Ази-

¹ В ноябре 1921 г. было создано первое научно-исследовательское учреждение Монголии Судар бичгийн хүрэлэн, в переводе с монгольского — «Комитет книг и рукописей». В литературе на русском языке, как правило, употребляется другой перевод — «Ученый комитет». В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться Шинжлэх ухааны хүрээлэн, в традиционном переводе на русский — «Комитет наук»; на его базе в 1961 г. была образована Академия наук МНР. В данной статье мы будем использовать название «Научно-исследовательский комитет».

атского музея акад. С. Ф. Ольденбург² поставил перед М. И. Тубянским задачу выявления в библиотеке Гандана произведений, созданных в Индии и Тибете и используемых в образовательных программах³. В течение года, отведенного на решение данной проблемы, М. И. Тубянский ради сближения с духовенством взялся за преподавание в Гандане санскрита, составив учебное пособие — лекции по санскритской грамматике на тибетском языке, служившем в Монголии лингвистическим средством буддийской учености. В виде вознаграждения за труды ему предоставлялись консультации по буддийской философии и сообщались сведения о текстах, воспроизводившихся в монастыре ксилографическим способом для обеспечения учебного процесса. Из доверительных разговоров с монахами М. И. Тубянский узнал, что духовенство Гандана не в ладу с революционными властями, стремящимися с помощью законодательных мер лишить буддийские монастыри и духовенство регулярного материального обеспечения со стороны мирян. Такие рассказы впервые натолкнули ученого на мысль об исследовании хозяйственного уклада монголов как экономического ресурса воспроизведения буддийской традиции.

Справиться с планом командировки за один год М. И. Тубянский не успел и хотел продлить свое пребывание в МНР. Но в 1928 г. в Ленинграде был создан по инициативе С. Ф. Ольденбурга Институт буддийской культуры⁴ во главе с Ф. И. Щербатским,

² С. Ф. Ольденбург (1863—1934) в те годы совмещал руководство Азиатским музеем с должностью постоянного секретаря АН СССР, выступая организатором российской академической науки.

³ Значимость поставленной перед М. И. Тубянским задачи обуславливалась потребностями обогащения источниковой базы отечественной буддологической школы, занимавшейся изучением культурно-исторического процесса продвижения буддизма из Индии в страны Центральной и Восточной Азии. В фокусе внимания отечественных ученых были тексты, переводившиеся с санскрита на тибетский, китайский и японский языки, а также комментаторские и оригинальные произведения, создававшиеся в этих ареалах укоренения буддизма. Выявление сочинений, в течение столетий используемых в образовательных программах монастырей-университетов, позволяло исследовать историю становления и развития буддийских школ и направлений за пределами Индостана. Такие тексты планировалось публиковать в российской академической научно-издательской серии «*Bibliotheca Buddhica*», редактором которой являлся С. Ф. Ольденбург. М. И. Тубянский не мог быть командирован в Тибет, поскольку властями этой страны был наложен запрет на посещение её европейцами. Однако для получения искомой информации вполне подходила Монголия, где укоренилась тибетская форма буддизма. Готовясь к командировке, М. И. Тубянский, талантливый полиглот, изучил монгольский язык под руководством Б. Я. Владимирцова (1884—1931).

⁴ Институт буддийской культуры АН СССР просуществовал с 1928 по 1930 г. М. И. Тубянский в 1927 г. вместе с С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским работал над составлением объяснительной записки — обоснования целе-

и М. И. Тубянский, заочно зачисленный в штат этого специализированного научно-исследовательского учреждения, обратился к своему учителю с письмом⁵ о содействии в продлении научной командировки. Он подробно изложил итоги проделанной работы и рассказал о контактах с духовенством Гандана. На основе письма Ф. И. Щербатским был составлен отчет в Комиссию экспедиционных исследований АН СССР⁶, и М. И. Тубянский получил возможность задержаться в Монголии еще на год. Но и по истечении этого времени он не успел завершить намеченную работу, и его служебные отношения с АН СССР прекратились.

Дальнейшему пребыванию М. И. Тубянского в МНР способствовало предложение занять должность ученого секретаря НИКа⁷, связанную по преимуществу не с бюрократической, а с научно-организационной деятельностью. На этом посту М. И. Тубянский инициировал разработку двух коллективных проектов — составление тибето-монгольского словаря и словаря-справочника по тибетской медицине⁸. Проблема изучения кочевого скотоводства заинтересовала его в связи с преобразованиями в области сельского хозяйства, начатыми в 1929 г. и проводившимися в сугубо левацком духе, без учета традиций, сложившихся веками. Революционные мо-

сообразности создания этого научно-исследовательского учреждения [Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927]. Устав института предполагал комплексное изучение культуры в странах распространения буддизма [Ермакова, 2011. С. 206—209].

⁵ Автограф хранится в СПбФ АРАН (Ф. 723. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 19—23).

⁶ Ф. И. Щербатской как директор Института буддийской культуры составлял отчеты о деятельности сотрудников, командированных в Бурятию и Монголию [Отчеты, 1998. С. 109—111].

⁷ Ранее эту должность занимал выдающийся бурятский монголовед-филолог Ц. Ж. Жамцарано (1880—1942), член Монгольской народно-революционной партии. Он был в штате Института востоковедения АН СССР, созданного в результате реформирования академических учреждений в 1930 г.

⁸ Этот проект соответствовал сформулированным Ф. И. Щербатским и А. И. Востриковым (1902—1937) задачам изучения тибетской медицинской литературы и традиции врачебной практики как аспекта буддийской культуры народов Центральной Азии [Ермакова, 2011. С. 212]. Однако научный интерес к тибетской медицине, исторически получившей распространение в среде бурят и калмыков, не исчерпывался этим. В советской медицинской науке и фармакологии в связи с политическим прогнозированием неизбежности Второй мировой войны ставилась задача поисков нового резерва лекарственного сырья и создания новых фармацевтических препаратов на основе исследования многовекового опыта тибетской медицинской традиции. С этой целью в Бурятию и Монголию направлялись научные экспедиции и отдельные специалисты [Островская, 2012. С. 53—54]. М. И. Тубянский подготовил вместе с врачом-исследователем С. Ю. Беленьким серьезную методологическую работу в данной области исследований [Тубянский, Беленький, 1935].

дернизаторы без каких-либо научных оснований связывали традицию кочевого скотоводства у монголов исключительно только с «пережитками» феодального хозяйственного уклада и материальной заинтересованностью буддийских монастырей. Однако М. И. Тубянский считал необходимым исследовать эту традицию как культурно-историческое явление, чтобы выявить реальные факторы, обусловившие ее многовековую устойчивость. Он обратился к изучению монгольского трактата «Наставление», созданного в XIX в. То-ваном, одним из хошунных князей. В этом дидактическом произведении был изложен технико-технологический аспект кочевого скотоводства и давалось экономическое обоснование скотоводческой деятельности. «Наставление» функционировало в культуре монголов в статусе практического руководства. Ученый подготовил перевод на русский язык трех глав «Наставления», комментарий и вводную статью для публикации в «Современной Монголии» [Три главы, 1935. С. 29—47]. В данных разделах трактата излагались правила кочевания, скотосодержания и скоторазведения. Перевод был выполнен по двум рукописям, одна из которых хранилась у М. И. Тубянского, а другая — в коллекции НИКа.

Но ученый не ограничивался кабинетной работой с письменными памятниками и уделял время наблюдению живой традиции. В этом он следовал своему учителю Ф. И. Щербатскому, полагавшему, что общение с компетентными носителями живой традиции позволяет обрести более глубокое понимание письменных источников. Его взгляды на перспективы модернизации кочевого скотоводства нашли отражение в записках, хранящихся ныне в Национальном архиве Монголии. Приведем извлечение из этого архивного материала: «Развитие производительных сил МНР, в предыдущем развитии скотоводства, с чисто экономической стороны возможно и на старых основах экстенсивного хозяйствования. Но в политических видах, в целях укрепления нового режима и для того, чтобы укоренить антифеодальную революцию в хозяйстве и быте, необходимо наряду с энергичной поддержкой хозяйственной инициативы хотя бы и в прежнем духе всемерное насаждение в Монголии научных способов скотоводства. Тут речь пока не может идти, разумеется, о переходе кочевников на оседлость. Но кочевки ведь не происходят как попало, они имеют для каждой семьи или группы семейств свой определенный район, большей частью <...> незначительный, из которого они не выходят; годовой маршрут кочевника как правило не перемещается; поэтому — кочевой быт. Малейшее изменение <...> условий в районе кочевого маршрута может заставить кочевника изменить календарный план маршрута. Малейшее гидротехническое или агрономическое вмешательство вызовет тот же эффект. Соответствующие меры, как то: открытие новых водопоев, посев кормовых трав — приведут нескоро еще к оседлости, но к сокращению числа и протяженности кочевков, к улучшению питания скота и подъему его производительности. Подобная ин-

тенсификация кочевого хозяйства, хотя бы незначительная в процентном отношении, сразу даст в целом значительный хозяйственный эффект и, что еще важнее для нас в данной связи, заложит впервые настоящий фундамент культурной революции, вызовет существенную переориентировку мировоззрения, т. к. покажет всем и каждому, что улучшение хозяйства и быта происходит путем применения разумных человеческих усилий, науки и труда, никакого ни банченя⁹, ни богдо¹⁰ для этого не нужно. Для этого необходима прежде всего выработка гидротехнического и агрономического минимума (в смысле поливного земледелия) применительно к разным типам хозяйственного ландшафта и проведение его в жизнь. Наряду с ветнадзором и с улучшением товароснабжения, это сейчас основное звено, ухватившись за которое можно повернуть всю неуклюжую телегу монгольской жизни.

Проведение этого неотложного агроминимума не может, однако, проводиться в МНР сколько-нибудь автоматическим путем. Напротив, для этого необходимы очень серьезные и решительные меры, как то: <...> создание специального гидробюро с особым штатом техников и рабочих для открытия водопоев в ряде безводных районов; для этого незначем выискивать специфические засушливые пустынные районы, так как там добыть воду требует больших затрат и долгих сроков, а взять сначала безводные районы, богатые травой, где вода недалеко под почвой <...>»¹¹.

М. И. Тубянский опубликовал в «Современной Монголии» и собственные переводы статей своих современников — монгольских ученых. Большой интерес вызывает информация, содержащаяся в работе Буян-Чуулгана¹², переведенной М. И. Тубянским [Буян-Чуулган, 1936]. Исследователь изучал на территории Китая скотоводческую технику чахаров — этноса, населяющего Внутреннюю Монголию, и проводил сравнительный анализ способов выпаса скота в этом субрегионе и на сопредельной территории МНР. Он показал, что во Внутренней Монголии в большей степени распространены заготовки сена и использование загонов для скота в зимний период, а также наблюдается влияние культур земледельческих этносов. В статье приводятся сведения об этноспецифичных технологиях обработки кожи — дымлении, дублении в молочной сыворотке.

⁹ Банченъ (монг.) — то же, что ринпоче (тиб.) — уважительное именование высших буддийских иерархов в центральноазиатской традиции.

¹⁰ Богдо — имеется в виду титул главы буддистов Монголии «богдо-гэгэн».

¹¹ Национальный Архив Монголии. Ф. 23. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 65—66 об. Публикация и примечания Т. В. Ермаковой.

¹² Буян Чуулган — иммигрировал в Монголию из Чахара — территории Внутренней Монголии в 1912 г. В 1930-х гг. работал в НИКе по направлению истории земледелия по архивным источникам. Переведенная М. И. Тубянским статья представляет собой часть работы Буян Чуулгана «Заметки о хозяйстве».

Не менее интересна и статья заведующего библиотекой НИКа Цэвэля «Монгольские молочные продукты» [Цэвэль, 1936]. Отметим, что для ее адекватной передачи на русском языке М. И. Тубянского пришлось проделать семантический анализ специальной терминологии, связанной с традиционными технологиями обработки молока и названиями продуктов. В статье говорится, в частности, о технологиях изготовления сыра без сычужного фермента и вспенивания кипящего молока для получения топленого масла из пенки при кипячении. Описываются в ней также и способы хранения молока — выпаривание, ежесуточное кипячение, высушивание с добавлением риса или проса, замораживание. Такие технологии применялись главным образом в стационарных условиях.

Отметим, что статья Цэвэля могла быть подготовлена по просьбе М. И. Тубянского. Ее переводу М. И. Тубянский предпослал исторический обзор молочного дела в Европе и в Монголии, обосновав употребление монголами молока и молочных продуктов влиянием буддизма. Научно-практический аспект актуальности этой публикации М. И. Тубянский усматривал в создании базы для рационализации и расширения производства молочных продуктов уже в социалистической экономике, основанной на науке и технике [Тубянский, 1935. С. 71].

Появление таких исследований свидетельствовало о зарождении экономической антропологии¹³ в монголоведении, и М. И. Тубянский стремился ознакомиться с ними российских ученых, работавших в этой новой отрасли социогуманитарного знания. Значительный вклад в ее становление был внесен членом Монгольской комиссии АН СССР А. А. Григорьевым¹⁴, впервые обозначившим круг задач, подлежащих решению методами комплексного эмпирического исследования Монголии. В Архиве РАН сохранился документ, в котором говорится о целях такой научно-исследовательской работы: «Необходимо осветить создавшиеся связи между хозяйственным бытом и материальной и духовной культурой населения, с одной стороны, и природными условиями — с другой; наметить пути интенсификации хозяйства в условиях данного быта и данной географической обстановки и те общие пути прогресса, которые отвечали бы всей сумме бытовых и географических условий страны, отвечая общему духу ее национального развития» [Григорьев, 1992. С. 10].

И именно в соответствии с таким подходом разворачивались эмпирические исследования коллеги М. И. Тубянского по работе в НИКе А. Д. Симукова.

А. Д. Симуков внес новаторский научный вклад в изучение географии и хозяйства Монголии, хотя не

получил высшего образования и во многом являлся автодидактом. Он с юных лет интересовался природой и мечтал стать путешественником. Происходил он из образованной петербургской семьи, окончил классическую гимназию. В 1920 г. А. Д. Симуков поступил в Москве сначала на высшие автотехнические курсы, а затем — в Механико-электротехнический институт. В 1923 г. знаменитый путешественник П. К. Козлов (1863—1935) набирал сотрудников в свою Монголо-Тибетскую экспедицию, и А. Д. Симуков решил воспользоваться возможностью воплотить юношеские мечты. П. К. Козлов зачислил его в штат экспедиции, выбрав из множества претендентов [Симукова, 1994. С. 37—58]. Под руководством П. К. Козлова А. Д. Симуков получил практические навыки экспедиционной деятельности. Монгольский язык он изучил самостоятельно.

В Тибет экспедиция не была допущена, и до 1926 г. работа велась на территории Монголии. По завершении экспедиции А. Д. Симуков получил предложение о работе в НИКе и вскоре был зачислен в штат. В дальнейшем он заведовал Географическим отделением, выполнял экспедиционную и административную работу.

Ученый занимался составлением комплексного описания кочевого хозяйственного уклада монголов, эмпирически выявляя его региональную специфику. Пользуясь методом опроса, он собрал сведения о том, как скотоводы жили до революции, какие изменения образа жизни произошли в 1920-е гг. А. Д. Симуков полагал, что в планах модернизации народного хозяйства должна учитываться исторически сложившаяся традиция кочевого скотоводства. Но антифеодальная направленность преобразований стимулировала ученого к выявлению феодальных элементов в организации хозяйства. Так, им было установлено, что крупные монастыри влияли на практику кочевков — в период религиозных празднеств скотоводы должны были находиться поблизости от монастырей.

А. Д. Симуков впервые установил и описал традиционные формы трудовой кооперации монголов в целях определения перспектив объединения скотоводческих хозяйств уже в новых социально-экономических условиях.

Беспрецедентная по масштабам работа была проведена А. Д. Симуковым по районированию территории МНР в целях оптимизации хозяйственной деятельности. Он выявил типы ландшафтов¹⁵ и соответствующие им типы хозяйств. Это открыло дорогу к прицельному совершенствованию практик кочевого скотоводства.

В ходе обследования пастбищ А. Д. Симуков собирал информацию о хозяйственной жизни скотоводов-кочевников, в том числе методом опроса. Таким

¹³ Экономическая антропология зарождалась на стыке этнографии и экономико-географического исследования историко-культурных регионов. Ее бурное развитие началось в последней четверти XX в.

¹⁴ Григорьев Андрей Александрович (1883—1968) — ученый-географ, первый директор Института географии АН СССР (1931—1951), академик (1939).

¹⁵ Л а н д ш а ф т — в географии: территория, характеризующаяся единым геологическим фундаментом, однородностью рельефа, климата, почв, растительного покрова, животного мира.

образом, он вплотную подступил к изучению антропологического компонента кочевого хозяйства.

А. Д. Симуков обращал внимание на природные по преимуществу факторы устойчивости кочевого хозяйственно-культурного типа. Он опровергал вне-научные представления о том, что кочевой быт является потребностью, коренящейся в «особом духовном складе» кочевого этноса. На основе наблюдений и сбора статистических сведений исследователь пришел к выводу, что протяженность, частота и длительность кочевек зависят главным образом от типологических особенностей местности, определяющих кормовую базу стад [Симуков, 1935. С. 96].

Подробные описания хозяйства и социальной организации скотоводов содержатся в серии статей А. Д. Симукова «Материалы по кочевому быту населения МНР».

В Южно-Гобийском аймаке МНР в 1935 г. ученый выявил наличие такой формы кооперации хозяйственной деятельности, как *хотон* — объединение скотоводов с целью совместных кочевек и ухода за скотом. Такой тип кооперации был обнаружен им в половине хозяйств, причем в хотонах преобладало объединение кровных родственников.

Наряду с анализом форм трудовой кооперации монголов-скотоводов А. Д. Симуков отмечал почти полное отсутствие в Южно-Гобийском аймаке оформленных браков¹⁵, что допускало раздельное ведение

хозяйства фактическими супругами, объединяющими скот только в периоды совместных кочевек [Симуков, 1935. С. 101]. Такая форма кооперации не была обнаружена им в Центральной Монголии.

Анализ форм трудовой кооперации А. Д. Симуков провел в 1935 г. и на материале, полученном в Убурхангайском аймаке (Центральная Монголия), где он обследовал 600 хозяйств, 100 хотонов и определил, что практика совместного выпаса скота несколькими хозяйствами в Центральной Монголии более распространена по сравнению с Гоби. Ученый охарактеризовал также основные принципы социальной организации внутри хотонов. Так, более зажиточные хозяйства привлекали небогатых скотом родственников для совместного труда. Такие объединения возглавлялись «старшими» (*аха*), были добровольными и неформальными — не имели административно-учетного характера и какой-либо формы контракта [Симуков, 1936].

Резюмируя изложенное, отметим, что в трудах М. И. Тубянского и А. Д. Симукова отчетливо прослеживается бережное отношение к культурно-историческому наследию монгольского этноса. В то же время эти труды — бесценные свидетельства интеллектуального подвига ученых-энтузиастов, для которых период работы в Монголии составил, быть может, самую яркую страницу научной биографии.

Использованная литература

- Буян-Чуулган, 1936: *Буян-Чуулган*. Скотоводческая техника чахаров / Пер., введ., пояснительные замечания М. И. Тубянского // Современная Монголия. 1936. № 4—5. С. 121—132 (*Buiyan-Chuulgan. Skotovodcheskaia texnika chaharov / Perevod, vvedenie, poiysniti'l'nye zamechaniya M. I. Tubyanskogo // Sovremennaya Mongolia. 1936. No. 4—5. S. 121—132*).
- Григорьев, 1992: Записка проф. А. А. Григорьева // Международные научные связи Академии наук СССР 1917—1941 гг. М.: Наука, 1992. С. 10—11 (*Zapiska prof. A. A. Grigorieva // Mezhdunarodnye nauchnye svyazi Akademii nauk SSSR 1917—1941 gg. Moscow: Nauka, 1992. S. 10—11*).
- Ермакова, 2011: *Ермакова Т. В.* Документы по деятельности акад. Ф. И. Щербатского 1920-х—начала 1930-х гг. // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб., 2011. С. 206—209 (*Ermakova T. V. Dokumenty po deyateli'nosti akad. F. I. Stcherbatskogo 1920—nachalo 1930 gg. // Chetvertye vostokovednye chteniya pamyati O. O. Rozenberga. Doklady, stat'i, publikatsii dokumentov. SPb., 2011. S. 206—209*).
- Майский, 1959: *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М.: Изд-во вост. лит., 1959 (*Mayskiy I. M. Mongoliya nakanune revolyutsii. M.: Izd-vo vost. lit., 1959*).
- Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927: *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И.* Институт буддийской культуры // Известия АН СССР. Серия 6. 1927. Т. 21. № 18 (*Ol'denburg S. F., Shcherbatskoy F. I., Tubyanskiy M. I. Institut buddiyskoy kul'tury // Izvestiya AN SSSR. Seriya 6. 1927. T. 21. № 18*).
- Островская, 2012: *Островская Е. П.* М. И. Тубянский (1893—1937) как представитель отечественной научной школы // Пятые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Труды участников науч. конф. СПб.: Изд-во А. Голода, 2012. С. 45—60 (*Ostrovskaya E. P. M. I. Tybianskii (1893—1937) kak predstavitel' otechestvennoi nauchnoi shkoly // P'atye vostokoveknye chteniya pamiaty O. O. Rozenberga. Trudy uchastnikov nauch. konf. Spb.: Izd-vo A. Goloda, 2012. S. 45—60*).
- Отчеты, 1998: Отчеты Ф. И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1928 г. / Публикация *Я. В. Василькова* // Orient. Альманах. Вып. 2—3. СПб., 1998. С. 106—112 (*Otchety F. I. Stcherbatskogo o rabote ego uchenikov v Buryatii i Mongolii / Publikatsiya Ia. V. Vasil'kova // Orient. Al'manah. Vyp. 2—3. Spb., 1998. S. 106—112*).
- Симуков, 1935: *Симуков А. Д.* Материалы по кочевому быту населения МНР: Кочевки и хотоны Гурбан-Сайханского района Южно-Гобийского аймака МНР // Совре-

¹⁵ Большинство социальных действий с правовыми последствиями в Монголии начала XX в. осуществлялось на доверии, без документального оформления. То же касалось и брака. Официально заключенным считался брак после уплаты выкупа за невесту. Родители жениха обсуждали размеры выкупа за невесту и приданого. Приданое выдавалось не сразу, а через год после начала семейной жизни. Особое значение в юридическом плане имел выкуп: без этого дети, рожденные в браке, не признавались законными (подробнее см.: [Майский, 1959. С. 65—68]).

- менная Монголия. 1935. № 6. С. 89—104 (*Simukov A. D. Materialy po kochevomu bytu naseleniya MNR: Kochevki i hotony Gurban-Saihanskogo raiona Uzhno-Gobiiskogo aimaka MNR // Sovremennaya Mongoliya. 1935. No. 6. S. 89—104*).
- Симуков, 1936: *Симуков А. Д.* Материалы по кочевому быту населения МНР: Кочевки Убурхангайского аймака // Современная Монголия. 1936. № 2. С. 49—56 (*Simukov A. D. Materialy po kochevomu bytu naseleniya MNR: Kochevki Uburhangaiskogo aimaka // Sovremennaya Mongoliya. 1936. No. 2. S. 49—56*).
- Симукова, 1994: *Симукова И. А.* Имя А. Д. Симукова возвращается в науку // Mongolica-III. СПб., 1994. С. 57—71 (*Simukova I. A. Imya A. D. Simukova vozvrashchayetsya v nauku // Mongolica-III. SPb., 1994. S. 57—71*).
- Три главы, 1935: Три главы из «Наставления» То-вана / введ., пер. и коммент. М. И. Тубянского // Современная Монголия. 1935. № 6. С. 29—47 (*Tri glavy iz «Nastavleniya» To-Vana / vved., per. i komment. M. I. Tubyanskogo // Sovremennaya Mongoliya. 1935. No. 6. S. 29—47*).
- Тубянский, 1935: *Тубянский М. И.* Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия, 1935. № 5. С. 7—30 (*Tubianskii M. I. Nekotorye problemy mongol'skoi literatury dorevolutsionnogo perioda // Sovremennaya Mongoliya. 1935. No. 5. S. 7—30*).
- Тубянский, Беленький, 1935: *Тубянский М. И., Беленький С. Ю.* К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия, 1935. № 3. С. 59—84 (*Tubianskii M. I., Belen'kii S. Yu. K voprosu ob izuchenii tibetskoi meditsyny // Sovremennaya Mongoliya. 1935. No. 3. S. 59—84*).
- Цэвэл, 1936: *Цэвэл.* Монгольские молочные продукты / пер., введ. и примеч. М. И. Тубянского // Современная Монголия. 1936. № 1. С. 64—85 (*Tsevel'. Mongol'skie molochnye produkty / per., vved. i primech. M. I. Tubyanskogo // Sovremennaya Mongoliya. 1936. No. 1. S. 64—85*).
- Юсупова 2006: *Юсупова Т. И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925—1953). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006 (*Yusupova T. I. Mongol'skaya komissiya Akademii nauk. Istoriya sozdaniya i deyatelnosti (1925—1953). SPb.: Izd-vo «Nestor-Istoriya», 2006*).

T. V. Ermakova, E. P. Ostrovskaya
Contribution of Soviet researchers M. I. Tubyansky and A. D. Simukov
into the investigation of nomadic cattle breeding among Mongols

The article treats the investigations of the traditions of nomadic cattle breeding among Mongols, that were made by the orientalist M. I. Tubyansky (1893—1937) and geographer A. D. Simukov (1902—1942) on the base of the Research Committee of Mongolian People's Republic. Both researchers interpreted this tradition as a cultural and historical phenomenon determined by geographical factors. M. I. Tubyansky, relying on his experience got during the work at the Asiatic Museum of USSR Academy of sciences, combined the observations of living tradition with the analysis of Mongolian manuscripts concerning nomadic cattle breeding. A. D. Simukov fulfilled empirical investigations specific for the initial stage of economic anthropology in Mongolian studies. Extracts from Tubyansky's notes on nomadic cattle breeding, that are kept in the National Archive of Mongolia, are for the first time published in the article.

Key words: Mongolia, Mongolian People's Republic, Soviet researchers' work at the Research Committee of Mongolian People's Republic, nomadic cattle breeding among Mongols, M. I. Tubyansky, A. D. Simukov.

Р. Ю. Почкаев

Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве

DOI: 10.25882/fp34-3n22

В статье анализируются записки российских дипломатов XVII в., побывавших в различных монгольских государствах. Автор предпринимает попытку выявить информацию, касающуюся монгольского права и правоотношений в рассматриваемый период. Несмотря на то что такие сведения в дипломатической документации довольно малочисленны, они представляют большой интерес для исследователей, поскольку отражают реально существовавшие правоотношения, действие на практике тех или иных норм известных нам монгольских правовых кодификаций, а также тех, которые не были зафиксированы в официальных правовых актах. Сведения русских дипломатов проливают свет на некоторые особенности правового статуса монгольских правителей (позволяя выявить принципиальные отличия в организации властных отношений в ханствах Восточной Монголии и западно-монгольском Джунгарском ханстве), на правовое положение монгольских женщин и духовенства, регулирование экономических отношений, некоторые аспекты отношений в сфере преступлений и наказаний.

Ключевые слова: Монголия XVII в., Джунгарское ханство, империя Цин, Московское царство, обычное право, русские посольства в Монголию и Китай.

XVII в. стал временем установления и развития отношений Московского царства и монгольских ханств. В течение 1610—1680-х гг. значительное число русских дипломатов посетили государства Восточной Монголии (улусы Тушету-хана, Сэчен-хана), а также ойратские владения в Западной Монголии, в т. ч. Джунгарское ханство. Результаты этих поездок нашли отражение в статейных списках посольств, расспросных речах участников дипломатических миссий и ряде других документов, составленных на основе полученных дипломатами данных.

До сих пор эти сведения использовались преимущественно как источник по политической истории Монголии и русско-монгольских отношений [Гольман, 2017; Дацышен, Модоров, 2010; Златкин, 1983; Слесарчук, 2013]. Предпринимались также попытки привлекать их как материалы по истории монгольского быта, экономики, этнографии [Иргит, 2009; Чимитдоржиева, 2003б] и, конечно же, исторической географии (истории географических открытий и пр.) [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983; 1984]. В рамках данной статьи предпринимаются попытки извлечь из записок русских дипломатов XVII в. сведения о монгольском праве.

Безусловно, право монголов рассматриваемого периода достаточно хорошо известно исследователям — ведь именно в конце XVI—первой половине XVII в. появляется целый ряд кодификаций, содержащих нормы, регулировавшие самые разные сферы правоотношений в монгольском обществе: «Уложение Алтан-хана» (ок. 1577), «Восемнадцать степных законов» (рубеж XVI и XVII вв.), «Их Цааз» (1640),

«Свод законов съезда Кукунора» (1685). Вряд ли можно ожидать от записок русских дипломатов существенного дополнения к содержанию этих правовых памятников, тем более что перед ними ставились вполне конкретные задачи, реализацию которых они старались максимально подробно отразить в своих отчетах: приведение монгольских правителей к шерти, т. е. признанию ими сюзеренитета московских монархов, обеспечение безопасности восточных границ Московского царства, возвращение переправщиков из числа кочевых подданных Москвы и т. п. Поэтому какие-либо дополнительные (помимо содержания переговоров) сведения в их записках, скорее, исключения.

Тем не менее даже немногочисленные упоминания о правовых реалиях монголов, которые присутствуют в отчетах дипломатов XVII в., представляют значительный интерес и ценность для исследователей. Во-первых, они отражают не столько содержание официальных правовых актов, сколько действующие правоотношения, т. е. действие правовых сводов на практике. И, во-вторых, в них присутствует информация о таких аспектах монгольского обычного права, которые не были зафиксированы в упомянутых правовых кодификациях.

Нами проанализированы статейные списки, расспросные речи и «доезды» российских дипломатов, побывавших в различных монгольских государствах и улусах с 1617 по 1690 г. Большинство этих исторических памятников уже многократно изучалось исследователями — в особенности после публикации четырех томов документов по истории русско-

монгольских отношений. В большинстве своем это отчеты о дипломатических миссиях, совершенных представителями сибирской администрации. Кроме того, были привлечены и отчеты о некоторых русских дипломатических миссиях в Китай — ведь их участники также значительную часть пути проделывали по территории Монголии, вступали в контакты с монгольскими правителями. Соответственно, в нашем распоряжении имеется достаточно большой корпус документов, содержащих сведения о разных сторонах монгольской правовой жизни XVII в.

Представляется целесообразным начать анализ со сведений о правовом статусе монгольских правителей, об особенностях их взаимоотношений с собственными подданными и соседними государями — ведь это во многом влияло на само состояние правоотношений во владениях тех или иных монгольских правителей. В связи с этим можно отметить, что монгольские владения делились на три типа, каждый из которых отличался особенностями государственно-правовых отношений.

Первый тип — это южномонгольские владения, правители которых ко времени развития русско-монгольских отношений уже признали власть империи Цин. Сразу обратим внимание на то, что в записках дипломатов сведений о них весьма мало — по-видимому, в силу того, что такие монгольские правители не являлись самостоятельными участниками международных отношений, и с ними участники русских посольств в тесные контакты практически не вступали. Поэтому в анализируемых документах лишь изредка встречаются упоминания об этих монголах, причем, как правило, в записках дипломатов, совершавших поездки именно в Китай, а не Монголию. Так, Федор Исаакович Байков, руководитель дипломатической миссии в Китай в 1654—1656 гг., упоминает о «мугальских тайшах кочевных», которые «отложились от своих мугальцов... а служат китайскому царю» [Демидова, Мясников, 1966. С. 124; РМО, 1974. № 136. С. 403]. При этом дипломат уточняет, что они кочуют около города «Кокототана» и что «называют их тубенцами», — по всей видимости, речь идет о монголах-тумэтах, центр владений которых находился в г. Хухэ-Хото и которые на самом деле уже в первой половине XVII в. признали власть империи Цин. Николай Гаврилович Спафарий, также побывавший в Китае в 1675—1677 гг., упоминает о «китайских ясачных мунгалах» [Спафарий, 1882. С. 130]. Участники дипломатической миссии в Китай 1692—1694 гг. Эбергард Избрант Идес и Адам Бранд упоминают о «монгольском приказе» в Пекине [Идес, Бранд, 1967. С. 244, 245] — по-видимому, предтече будущей «Палаты внешних сношений» (Лифаньюань), которая и появилась для организации управления новыми монгольскими подданными империи Цин.

В некоторых случаях информацию русских дипломатов следует воспринимать критически, с поправкой на то, что в XVII в. отношения Московского царства с Монголией и Китаем еще только начали

устанавливаться и развиваться, и многие особенности политического, правового и даже этнического характера для дипломатов были не вполне ясны. Так, в сообщении вышеупомянутого И. Идеса, члена русской посольской миссии в Китай в 1692—1694 гг., встречается упоминание о посещении посольством города Тунчжоу, губернатор которого «принадлежал, как мне сказал сановник, к высшей аристократии и был монгол, или восточный татарин, по рождению и оказался очень воспитанным и красивым человеком» [Идес, Бранд, 1967. С. 205]. Казалось бы, это позволяет сделать вывод об интеграции монгольской знати в правящую элиту империи Цин (что действительно нередко имело место впоследствии), однако ниже тот же дипломат пишет, что сам китайский император (богдыхан) — «монгол, или восточный татарин» [Идес, Бранд, 1967. С. 218], относя, таким образом, маньчжуров к монгольским народам. Следовательно, и в вышеприведенном сообщении о губернаторе Тунчжоу речь идет, несомненно, о маньчжурском администраторе. Тем более что и другие авторы XVII в. ничего не сообщают о том, что представители монгольской правящей элиты занимали административные должности в империи Цин.

Правители Северной Монголии, как следует из записок русских дипломатов, всячески старались подчеркнуть свою независимость, заявляя, что никому не подчиняются и не платят дани ([РМО, 1974. № 111. С. 351]; см. также: [Оглоблин, 1891. С. 157—158, 165, 166; Слесарчук, 2013. С. 207]). Особенно ярко эту позицию выражали те монгольские ханы и тайджи, которым предлагалось «шертовать» московскому царю, поскольку видели в этом признание некоего «холопства» по отношению к русскому монарху, которому готовы были «служить» и, соответственно, получать за это от него «жалованье», но никак не считаться его данниками [РМО, 1959. № 7. С. 39]¹. Между тем монгольские правители фактически либо выдавали желаемое за действительное, либо лукавили в переговорах с русскими дипломатами: уже вскоре после падения Чахарского ханства, в 1635 и 1637 гг. халхаские правители начали посылать дань цинским властям и вести переговоры о вассалитете, а с 1655 г. даже стали отправлять своих заложников-аманатов в Пекин, что уже прямо свиде-

¹ Стоит отметить, что и в современной исследовательской литературе до сих пор нет единого мнения о правовом значении шерти, т. е. своеобразной клятвы-договора, которую московские монархи в XVI—XVII вв. стремились получить от своих кочевых соседей. Одни специалисты указывают, что целью шерти было отнюдь не подчинение кочевых народов (в частности, монголов) московскому царю и включение их владений в состав России, а обеспечение мира на восточных границах Московского царства, прекращение грабительских набегов кочевников [Слесарчук, 2013в. С. 179]. Другие же авторы считают, что «шертование» означало прямое признание подданства монголов Москве и утрату ими самостоятельности [Чимитдоржиева, 2003а].

тельствоvalo об их подчинении Китаю [Дацышен, Модоров, 2010. С. 22; Гольман, 1986. С. 137].

Неоднократно русские дипломаты приводят свидетельства того, что власть монгольских правителей нередко была весьма ограниченной. Например, Василий Старков в статейном списке по итогам посольства к хотогойтскому Алтын-хану Омбо-Эрдэни в 1638—1639 гг. сообщает, что после отъезда из ханской ставки на посольство напали монголы и ограбили его. Когда же посол спросил сопровождающего их ханского сановника, как хан позволил такое, тот отвечал, что это были люди не хана, а его зятя Тайчин-«табуна», за которых Алтын-хан ответственно не несет [РМО, 1974. № 28. С. 130].

Зависимость ханов от знати русские послы порой умудрялись использовать и в собственных интересах. Так, сын боярский Яков Остафьевич Тухачевский, глава посольства к Алтын-хану в 1635 г., убедившись, что хан не намерен «шертовать» московскому царю, объявил его приближенным «табунам», (т. е. табунангам, ханским и княжеским зятям), заявив, что правитель хочет заставить их принести присягу Москве и, соответственно, нести обязанности, платить дань и пр. В результате монгольские аристократы убедили хана дать шерть русскому послу [РМО, 1959. № 102. С. 207].

Резким контрастом по сравнению с раздробленными северными и восточными монгольскими ханствами и княжествами предстает Джунгарское ханство, возникшее в Западной Монголии в качестве сильного и централизованного государства в 1620—1630-е гг. Сообщения русских послов позволяют сделать вывод о сильной власти верховных ойратских правителей, об их способности контролировать подданных — вплоть до улусных владельцев. Так, например, сын боярский М. Ремезов в статейном списке по итогам своего посольства к Эрдэни-Батуру-хунтайджи в 1640—1641 гг. сообщает о мерах, предпринятых ойратским монархом против влиятельного улусного владельца Кулы-тайши, который даже лично поддерживал дипломатические отношения с русскими властями. Согласно запискам Ремезова, Кула «контайшина приказа не послушал, на думу к нему, контайше не приехал», за что хунтайджи взял с ослушника штраф 200 лошадей, заставил отдать дочь замуж за другого улусного правителя, а самого Кулу-тайши лишил должности, заменив другим наместником-«прикащиком» [РМО, 1974. № 47. С. 209].

Сын и преемник Сенге, несмотря на постоянную борьбу со своими братьями за престол [Златкин, 1983. С. 136], также проявил себя эффективным правителем, контролировавшим ойратских тайджи и вассальные племена Джунгарского ханства. Так, когда русское посольство сына боярского Павла Кульвинского (1666—1667) подверглось нападению и ограблению в ойратских землях, Сенге и его дядя Чохур-Убаши заявили русским послам, что нападавшие являлись подданными нескольких ойратских тайджи, однако, в отличие от халхаских ханов, снимав-

ших с себя ответственность за своих улусных владельцев, обещали начать поиск виновных и похищенного имущества [Материалы, 1996. № 71. С. 152, 154].

Как сообщает другой русский посол к Сенге, сын боярский Василий Литосов, когда хунтайджи узнал, что подвластные ему «белые калмыки» (теленгуты) совершают «воровские» нападения на русские пограничные владения, он «с жесточью» послал князьям Коке и Мачику приказ прекратить эти действия [Материалы, 1996. № 48. С. 108—109]. Тем самым он продемонстрировал русским дипломатам уверенность в возможности контролировать своих вассалов — ведь халхаские ханы в таких случаях отговаривались тем, что не могут углядеть за всеми своими вассальными правителями, поскольку отдавали себе отчет, что их вассалы, пользуясь своей отдаленностью от ставки хана, могли просто-напросто проигнорировать его указ.

Отличаясь более организованной системой власти, ойратские правители могли более эффективно использовать правовые средства по увеличению собственных угодий. Так, согласно статейному списку сына боярского Даниила Даниловича Аршинского о посольстве к Эрдэни-Батуру-хунтайджи в 1646 г., барабинские татары, платившие ясак Джунгарии, жаловались русским властям, что ойратские тайджи прикочевали к их землям и «отняли у них зверовые промыслы» [РМО, 1974. № 85. С. 272]. По-видимому, речь шла о превращении мест для охоты в хориг (курук), т. е. заповедную территорию, охотиться на которой могли только сами правители или с их разрешения (см. подробнее: [Дробышев, 2007. С. 76]).

Большое значение в политической жизни монгольских ханств стали приобретать высокопоставленные представители буддийского духовенства, несмотря на то что буддизм в качестве официальной государственной религии был принят в монгольских ханствах сравнительно недавно. Так, Иван Петлин, совершивший дипломатическую поездку в Китай через Монголию в 1618—1619 гг., сообщал, что «кутуфта (богдо-гэгэн, джебзун-дамба-хутукта. — Р. П.) — то по-нашему патриарх» [Демидова, Мясников, 1966. С. 45; РМО, 1959. № 34. С. 82]. Н. Спафарий также пишет, что «кутухту ламу» «слушают вельми мунгальские все тайши» [Спафарий, 1882. С. 130]. В статейном списке посольства Федора Алексеевича Головина в Китай 1689 г. упоминается, что богдо-гэгэна почитали не только халхаские монголы, но и южномонгольские князья, официально признававшие власть империи Цин [РКО, 1972. С. 180].

Московские дипломаты часто упоминают про участие буддийских лам в политической жизни монгольских ханств, в т. ч. и при проведении дипломатических переговоров. Некоторые из послов ограничиваются краткими упоминаниями о том, что среди ханских приближенных на приеме присутствовали также и ламы («лабы») [РМО, 1959. № 26. С. 71]. Впрочем, эти ламы могли выступать в качестве своего рода секретарей при правителях, поскольку владели грамотой (см.: [Скрынникова, 1988. С. 25]).

Отдельные же священнослужители обладали реальным политическим авторитетом и могли существенно влиять на политику ханов, в т. ч. и на международном уровне. В качестве такового в посольской документации неоднократно упоминается Даин-Мерген-ланза — влиятельный священнослужитель, в свое время являвшийся духовным наставником Алтын-хана Шолоя-Убаши, который его «во всем слушал», а затем и его наследника Омбо-Эрдэни, у которого, как говорили его приближенные русским послам, «с лабою (ламой. — *Р. П.*) все нераздельно» [РМО, 1974. № 8. С. 56; № 29. С. 135]. Как сообщал вышеупомянутый Я. Тухачевский, Даин-Мерген-ланза позволял себе даже публично выговаривать хану за его нежелание «шертовать» русскому царю, на что тот покорно отвечал, что ждал лишь его прибытия, чтобы совершить церемонию принесения шерти [РМО, 1959. № 102. С. 208—209]. К этому священнослужителю московские власти даже отправляли отдельные посольства с официальными посланиями и дарами, например, в 1636—1637 гг. у него побывал сын боярский Б. Карташев, а в 1638—1639 гг. — сын боярский Степан Иудич Неверов [РМО, 1974. № 8, № 29]. В 1686 г. боярский сын Спиридон Ходоногов был отправлен к Ундур-гэгэну [Материалы, 2000. № 8. С. 73—75]. Тушету-хан Чихун-Доржи, принимая в 1677—1678 гг. посольство сына боярского Ф. Михалевского и подьячего Г. Шешукова, сам направил послов в ставку хутукты, т. е. Ундур-гэгэна, главы буддийской церкви в Монголии [Материалы, 1996. № 163. С. 310; Слесарчук, 2013в. С. 100]. Некоторые священнослужители привлекались монгольскими ханами не только как секретари-писари, но и как дипломаты. В частности, сын боярский В. Былин, посетивший джунгарского хунтайджи Сенге в 1667—1668 гг., упоминает, что тот направил в Россию своего посла «лабу» [Материалы, 1996. № 88. С. 185; Слесарчук, 2013а. С. 98; 2013б. С. 130—131]. Наиболее влиятельные священнослужители также направляли собственных послов к московским властям, т. е. имели право осуществлять самостоятельные внешнеполитические контакты [Скрынникова, 1988. С. 25]. Помимо самого богдо-гэгэна официальные контакты с московскими дипломатами осуществлял «шанзаб», т. е. шанцотба, официальный «управляющий делами» главы монгольской церкви [Материалы, 2000. № 22. С. 108—109].

Однако стоит отметить, что русские дипломаты, столь много внимания уделившие статусу монгольских церковных иерархов, являлись современниками весьма влиятельных глав русской православной церкви — таких патриархов, как Филарет (1619—1633) и Никон (1652—1667), титуловавшиеся не только патриархами, но и «великими государями». Есть основания полагать, что московские послы могли в известной степени проводить параллели между высшим духовенством Московского царства и современных ему монгольских государств, рассматривая деятельность буддийских церковных иерархов в тех же категориях, в каких действовали представители

русского высшего православного духовенства. По-видимому, неслучайно вышеупомянутое отождествление И. Петлиным «кутуфты» с патриархом.

Также нельзя не упомянуть, что лишь после долгих лет дипломатических взаимоотношений московские посланцы осознали религиозную принадлежность монголов. Так, В. Тюменец в 1616 г. и Я. Тухачевский в 1635 г. стремились убедить Алтын-ханов, как и ряд последующих дипломатов, «шертовать» «по своей мусульманской вере» «на куране» (Коране. — *Р. П.*) [РМО, 1959. № 22. С. 64; № 103. С. 219]. И только в 1670-е гг. московские послы уже определенно сообщают о поклонении монголов «богом своим бурханом» [Материалы, 1996. № 163. С. 312].

С вопросами государственного управления тесно связана еще одна сфера правоотношений — налоговая система монголов. Впрочем, сразу следует подчеркнуть, что московские дипломаты освещают ее весьма скудно. В посольской отчетной документации чаще всего речь идет о дани, которую московские власти хотели бы (хотя бы чисто формально) получать с монгольских вассалов. Соответственно, эти сведения могут помочь сформировать представления, в какой форме могли собираться налоги и в самой Монголии. Так, вышеупомянутый посол к Алтын-хану В. Старков упоминает, что Даин-нойон направил в Москву дань, которая включала 50 соболей «в козицах», 8 бобровых шкур, 2 шкуры «барса да ирбиса», 2 шкуры росوماхи [РМО, 1974. № 28. С. 126]. Также есть упоминания, что в качестве дани направлялось серебро, специально закупавшееся для этой цели в Китае [РМО, 1974. № 102. С. 330, 332].

Есть сведения и о некоторых повинностях, которые несли монголы. Так, в статейном списке Ф. А. Головина упоминается, что монгольские вассалы китайских императоров должны были поставлять воинов для боевых действий империи Цин (в т. ч. и для нападений на русские пограничные крепости), к чему они, впрочем, были «зело склонны» [РКО, 1972. С. 135]. Дипломаты, побывавшие у северных монгольских князей, сообщают, что ханы отряжали сопровождающих для них, что тоже можно рассматривать как своеобразную повинность [Демидова, Мясников, 1966. С. 132; РКО, 1972. С. 121; РМО, 1974. № 28. С. 130].

Обращает на себя внимание отсутствие упоминаний московскими дипломатами почтовых станций, которые имели широкое распространение в Монголии в имперский период (XIII—XIV вв.), а также в период пребывания страны под маньчжурским владычеством, особенно в XIX—начале XX в. Судя по всему, к XVII в., в связи с феодальной раздробленностью почтовая система в Монголии исчезла, и правители не видели необходимости в ее восстановлении и поддержании.

Как следствие, не было никакой регламентации обеспечения проезжающих официальных лиц транспортом, продовольствием и пр., о чем постоянно упоминают в своих отчетах московские дипломаты — а ведь такое обеспечение еще со времен Мон-

гольской империи было чрезвычайным сбором, взимавшимся с населения той местности, по которой проезжали послы. При этом степень обеспечения их кормами и лошадьми зависела либо от доброй воли принимавших их монгольских правителей, либо же от содержания привозимых ими посланий российских властей. Так, одни дипломаты выражают полное довольство получаемыми кормами во время поездки к монгольским правителям и пребывания в их ставках [РМО, 1959. № 22. С. 64; № 26. С. 70; 1974. № 57. С. 228; Материалы, 1996. № 25. С. 74; № 37. С. 89; № 48. С. 108]. Другие же говорят, что их весьма скудно снабжали «кормом» [РМО, 1974. № 28. С. 105; Материалы, 1996. № 118. С. 233; Филиппов, 1958. С. 139]. В отдельных случаях причины недостаточного снабжения дипломатов продовольствием и транспортом оговариваются специально. Так, когда Алтын-хан Омбо-Эрдэни убедился, что посол В. Старков и его спутники не намерены отходить от жестких инструкций, данных им московскими властями, он существенно урезал количество продовольствия, предоставлявшегося им [РМО, 1974. № 28. С. 120]; то же самое случилось с посольством Василия Бубенного к джунгарскому Сенге-хунтайджи в 1666 г.: после переговоров, в ожидании его решения, послы получали «корма» вдвое меньше, так что приходилось его докупать за свой счет [Материалы, 1996. № 67. С. 141]. А вот, например, служилый бухарец Сеиткул Аблин, ездивший в Монголию и Китай для ведения переговоров о торговле, сообщал, что ойратский Аблай-тайджи «корм де им... давал небольшой» не с намерением причинить «тесноту и обиду», а потому, что недавно подвергся вражескому набегу и разорению [Материалы, 1996. № 118. С. 233].

Послы же, проезжавшие через Монголию в Китай, как правило, жалуются на практически полное отсутствие продовольственного и транспортного обеспечения. И. Петлин после своей поездки в Монголию и Китай даже направил специальную челобитную царю Михаилу Федоровичу, прося «пожалования» за то, что во время путешествия он и его спутники «и голод и нужу терпели и всякой скоромели» [Мясников, 1958. С. 150]. Ф. Байков тоже жалуется, что монгольские провожатые не то что не предоставляли им корма, лошадей и верблюдов, но даже запрещали послам покупать их в попутных монгольских стойбищах [Демидова, Мясников, 1966. С. 132]. Н. Спафарий пишет о необходимости покупать лошадей и верблюдов у местных тайшей, что приходилось делать нередко, поскольку монголы нередко воровали у них скот по пути следования [Спафарий, 1882. С. 131, 135]. Спутники Ф. А. Головина, направленные к Тушету-хану, сообщали, что он им провожатых дал, «а в подводах де и в кормах отказали» [РКО, 1972. С. 121]. По всей видимости, монгольские правители не считали себя обязанными как-то обеспечивать иностранных дипломатов, которые всего лишь «транзитом» следовали через Монголию в другое государство.

Продолжая тему правового регулирования экономических отношений в Монголии XVII в., на основе сообщений русских дипломатов можно сделать вывод, что торговля в монгольских ханствах в этот период развивалась довольно стихийно и фактически никак не регулировалась. В посольской документации есть краткие упоминания о том, что китайские власти не пускали монголов для торговли дальше своих пограничных городов, сами брали от них скот и меха, в обмен предоставляя серебро, а также ткани — камку, кумач, бязь, атлас [РМО, 1959. № 37. С. 88; 1974. № 28. С. 119]. Так что, конечно же, монголы были заинтересованы в ведении дел непосредственно на территории иностранных государств, где можно было выгоднее сбыть свои товары и приобрести местную продукцию гораздо дешевле, чем в приграничных районах. Это объясняет, в частности, активность ойратского тайджи Мангита, который в переговорах с сыном боярским В. Волковым и толмачом Ф. Дербышалиевым в 1623 г. старался договориться об отправке 500 лошадей для продажи в Уфу [РМО, 1959. № 64. С. 125]. Впрочем, русские также не стремились создать монгольским торговцам «режим наибольшего благоприятствования» и старались использовать неопытность последних в торговой деятельности. Так, вышеупомянутый С. Аблин упоминает, что ему было дано указание приобрести верблюдов в ойратских улусах, где их стоимость была 5—7 рублей, тогда как в Тобольске они стоили 10—12, а в империи Цин — уже 20—30 руб. [Материалы, 1996. № 66. С. 138]. Незрелость торговли в Монголии XVII в. подчеркивается также отсутствием каких-либо упоминаний московскими дипломатами (в т. ч. и ездившими в Монголию и Китай с торговыми целями) о системе торговых сборов или о чиновниках, контролирующих сделки.

Находясь под строгим надзором монгольских чиновников, московские дипломаты практически не имели возможности ознакомиться с повседневной жизнью монголов и, соответственно, с особенностями их семейных отношений. Тем не менее в их записках встречаются небезынтересные сведения, в частности, о статусе монгольских женщин.

В первую очередь, речь идет о распространенной среди тюрко-монгольских кочевников традиции участия представительниц знати в политической жизни и наличии у них собственных улусов. Ряд послов упоминают, что ханские жены участвовали в официальных дипломатических приемах [РМО, 1959. № 26. С. 71; 1974. № 47. С. 207; № 122. С. 369]. Неудивительно, что некоторые дипломаты сразу направлялись московскими властями с поручением дары «поднести честно» не только самому монгольскому монарху, но «и женам ево» [РМО, 1974. № 122. С. 368]. Не только жены, но и матери ханов участвовали в дипломатических отношениях. Так, Алтын-хан Омбо-Эрдэни в 1635 г. принимал посольство Я. Тухачевского в улусе своей матери, у которой они и оставались в ожидании его ответа [РМО, 1959. № 102. С. 206; № 103. С. 218]. Когда Б. Карташев посетил с

дипломатической миссией вышеупомянутого Даин-Мерген-ланзу, к нему прибыли чиновники матери Алтын-хана «Чечен-катуны» (Сэчен-хатун) для ведения переговоров, так же активно она взаимодействовала и с посольством С. Неверова [РМО, 1974. № 8. С. 59; № 29. С. 145]. Супруга ойратского Галдана Бошугту-хана «Аной» (Ану) в 1680 г. принимала у себя посольство во главе с сыном боярским Яковом Неприпасовым [Материалы, 1996. № 192. С. 364].

Представительницы правящего рода не только владели собственными улусами, но и время от времени, как и в период Монгольской империи, принимали на себя бразды правления тем или иным владением — вплоть до ханского аймака. Казак И. Петлин дает яркое описание правления некоей «Манчики-царицы» (в другой версии — «Манчикакут» или Малчикатунь) из «Широмугальской земли», которая правит кочевьями и городами и даже выдает «грамоту за своей печатью», с которой «пропустят за рубеж в Китайскую землю» [РМО, 1959. № 34. С. 81; Демидова, Мясников, 1966. С. 43]². Толмач Панфил Семенов, отправленный в качестве посла к Сэчен-хану Шолою, прибыл в его владения, когда хан уже скончался, и все переговоры с русским дипломатом вела его вдова «Тайка»³ вместе со своим зятем Турукай-«табуном» [РМО, 1974. № 111. С. 348]. Сын боярский Игнатий Михайлович Милованов по итогам поездки в урочище Керулен в 1690 г. сообщал, что ранее здесь «кочевала мунгальская баба Далай-катуны, а после де ее кочевал в тех урочищах ее сын Ахай Дайчин» [Материалы, 2000. № 106. С. 273], т. е. даже при наличии наследника мужского пола его мать являлась полноправной правительницей.

В записках дипломатов также встречаются сообщения об особенностях семейно-правовых, а именно брачных отношений, которые (как и в более поздние времена) отличались высокой степенью свободы отношений супругов. Так, вышеупомянутый толмач П. Семенов под 1620 г. упоминает, что сибирский царевич Ишим (сын хана Кучума), нашедший убежище у ойратов, женился на знатной ойратке, но когда он был в походе, «ево жона покинула да шла без нево замуж», после чего он женился на другой представительнице правящего рода ойратов — дочери Байбагиша (Бабагас-хана) [РМО, 1959. № 50. С. 105].

² Согласно о. Палладию (Кафарову), под именем «Манчики царицы» упоминается правительница Ордоса, фигурирующая в китайской историографии под именем Саньнян-цзы, т. е. «троекратная боярыня», получившая его из-за своих трех браков, и, несмотря на наличие сыновей и внуков, самостоятельно управлявшая своим владением, при этом признавая власть империи Мин и получив от ее властей титул «Чжун-шунь фу-жень», т. е. «верная и покорная боярыня» [Палладий, 1892. С. 306—307]. Можно предположить, что сохранение власти за ней гарантировали именно китайские сюзерены.

³ Тайка (Ахай-хатун) — старшая жена Шолой Цецен-хана. Носила титул *дайху* («императрица»). П. Семенов принял ее титул за собственное имя, отсюда «Тайка».

В статейном списке Ф. А. Головина упоминается, что из Селенгинска бежала «мунгальская баба», «не захотя жить с ним (мужем. — Р. П.)» из-за дурного обращения, и русские власти потребовали у монгольских правителей ее выдачи как русско-подданной, при этом не упоминается, планировалось ли вернуть ее мужу [РКО, 1972. С. 260].

Вместе с тем женщины низкого происхождения у монголов, как и прежде, нередко являлись имуществом, которое можно было продать или даже подарить. Я. Тухачевский совершенно спокойно упоминает, что в качестве ответного дара от Алтын-хана он и один из его спутников получили по «девке» [РМО, 1959. № 102. С. 213].

Что касается наследственных отношений у монголов XVII в., то о них нам удалось найти всего пару упоминаний, и оба они связаны с наследованием власти правителя. Так, Турукай-«табун», зять покойного Сэчен-хана Шолоя, сообщил русскому толмачу П. Семенову, что после хана осталось 12 сыновей, «и меж ими ныне [смятенье]» [РМО, 1974. № 111. С. 352], т. е. отсутствие порядка престолонаследия, в свое время вызвавшее немало смут в Монгольской империи и государствах Чингизидов, оставалось актуальным и для Монголии в рассматриваемый период.

Точно так же новый хан мог подтвердить, а мог и отвергнуть любые волеизъявления своего предшественника, включая его обязательства международно-правового характера. Тот же Турукай заявлял, что как только новый хан будет избран, ситуация с шертью московскому царю вновь будет обсуждаться [РМО, 1974. № 111. С. 352]. Другой же монгольский правитель, Сэчэн-нойон, в отличие от своего покойного отца, решил «быть в совете» с московскими государями [РКО, 1972. С. 167].

Наконец, в посольской документации имеются также немногочисленные, но яркие сообщения об отношениях в сфере преступлений и наказаний. Традиционно суровые наказания предусматривались за преступления в сфере государственного управления. Выше мы уже упоминали, как Эрдэни-Батур-хунтайджи сурово наказал за невяку на съезд знати улусного правителя Кулу-тайши. За подобные правонарушения монгольские кодификации этого периода предусматривали штраф в 100 лошадей и 10 верблюдов [ВСС, 2002. С. 46; Их Цааз, 1981. С. 14]. Более суровое наказание Кулу-тайши, по-видимому, объяснялось тем, что он не был владетельным князем, а являлся, как отмечал М. Ремезов, «приказным человеком в тех улусех», т. е. всего лишь ханским чиновником, для которого столь вопиющее неповиновение, несомненно, являлось более тяжким нарушением, чем если бы его допустил владетельный ойратский феодал. Еще один пример наказания за преступление в сфере управления приводит С. Неустроев, также побывавший во владениях Эрдэни-Батура-хунтайджи. Во время его пребывания при дворе джунгарского правителя к тому явились его данники барабинские татары и пожаловались, что некий «Кутенко» от имени хунтайджи требовал с них ясак, а

также «имал... сильно и держал у себя на постеле» дочь одного из жалобщиков. Эрдэни-Батур, выяснив, что тот действовал самовольно, приказал взять с него штраф 9 лошадей [РМО, 1974. № 50. С. 216]. Такое наказание полностью соответствовало нормам «Их Цааз» за попытку выдать себя за ханского чиновника [Их Цааз, 1981. С. 17]. Примечательно, что решение хунтайджи не предусматривало ответственности его подданного за насилие над «девкой», хотя за сожительство с женщиной помимо ее воли та же кодификация предусматривала штраф в размере 5—7 голов скота или одного верблюда [Их Цааз, 1981. С. 20]. По-видимому, ойратский правитель считал, что на его данников законы Джунгарского ханства не распространяются, тогда как штраф был взят не столько за причинение «обиды» барабинским татарами, сколько за то, что виновный присвоил себе властные полномочия, тем самым нарушив порядок управления.

В пользу такого предположения говорят и сообщения русских дипломатов о преступлениях, жертвами которых становились подданные московских царей. Одним из самых распространенных имущественных преступлений среди монголов был угон скота — зачастую во время набегов на русские пограничные территории. Когда дипломаты в переговорах с ханами поднимали вопрос о возвращении похищенного и наказании виновных, монгольские правители обещали не только вернуть скот, но и сурово наказать похитителей — вплоть до казни тех, кто будет признан виновным в подстрекательстве к набегу или укрывании похищенного скота [РКО, 1972. С. 197, 199]. Между тем, согласно официальному монгольскому законодательству, смертная казнь для конокрадов не предусматривалась вообще — с них лишь взымали штраф в зависимости от количества похищенного [ВСС, 2002. С. 44]. Таким образом, есть все основания полагать, что подобная реакция ханов была не более чем дипломатической уловкой, обещанием, которое они изначально не собирались выполнять.

То же касалось и преступлений в отношении самих дипломатов, также порой становившихся жертвами грабителей. Как уже отмечалось выше, халхаские правители чаще всего отказывались нести ответственность за действия подданных своих улусных владетелей, тогда как ойратские правители обещали провести розыск, найти грабителей и похищенное. Однако чаще и это являлось голословным обеща-

ем. Например, в 1687—1688 гг. посольство под руководством жильца С. Я. Коровина проезжало через владения богдо-гэгэна в Цинскую империю, у дипломатов были похищены 18 лошадей, шанцзотба пообещал провести розыск и вернуть похищенное. Однако были возвращены только 11 лошадей, вместо семи остальных были даны семь жеребят [Материалы, 2000. № 22. С. 113—114]. Еще больше пострадали вышеупомянутый служилый бухарец С. Аблин и казак И. Тарутин, ездившие в Цинскую империю в 1671 г.: у них украли лошадей и верблюдов вместе с навьюченными на них товарами. Местные тайджи пообещали устроить розыск, однако Аблин весьма язвительно описал его результаты: «а сыскал (зайсан, которому тайджи поручили розыск. — *Р. П.*) ли те верблюды и лошади и камки, того они (Аблин и Тарутин. — *Р. П.*) не ведают, только де им тово не отдали» [Материалы, 1996. № 118. С. 235].

Таким образом, можно отметить, что кризис власти и управления в монгольском обществе имел следствием и достаточно слабо организованную правоохранительную деятельность, включая розыск преступников и привлечение их к ответственности. Между тем наряду с традиционными монгольскими видами наказаний (штраф, телесные наказания, смертная казнь) в этот период времени появляется и новый — тюремное заключение. Сын боярский М. Ржицкий, ездивший к джунгарскому правителю Сенге в 1669—1670 гг., упоминает, что в подвластном ему «бухарском городе» (в Восточном Туркестане, недавно подчиненном Джунгарией) имелась «земельная тюрьма», причем узнал посол о ней не понаслышке: его самого туда посадили и продержали около трех месяцев [Материалы, 1996. № 101. С. 209].

Как видим, в русской дипломатической документации содержится немало информации о правовых реалиях Монголии XVII в. С одной стороны, можно наблюдать преемство некоторых традиций и обычаев со времени Монгольской империи, с другой — появляются новые веяния, прежде всего нашедшие отражение в разработке законодательных сводов. Однако эффективная реализация принятых правовых актов не всегда была возможна из-за слабости власти правителей, их постоянной борьбы между собой. Таким образом, XVII в. стал временем правовой неопределенности, выходом из которой стало признание сюзеренитета империи Цин в ожидании наступления некоторой упорядоченности в политической и правовой сферах.

Использованная литература

ВСС, 2002: Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI—XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 (Vosemnadtsat' stepnykh zakonov: Pamyatnik mongol'skogo prava XVI—XVII vv. / Per. s mong., komment. i issled. A. D. Nasilova. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002).

Гольман, 1986: Гольман М. И. Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х—80-е годы XVII века // Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова, 1884—1931. М.: Наука, 1986. С. 137—149 (Gol'man M. I. Russkie arkhivnye dokumenty po istorii Mongolii v seredine 50-kh—80-e gody XVII veka // Mongolica. Pamyati akademika B. Ya. Vladimirtsova, 1884—1931. M.: Nauka, 1986. S. 137—149).

- Гольман, 2017: *Гольман М. И.* Первые 30 лет в отношениях России и Монголии в XVII в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 6. С. 105—112 (*Gol'man M. I.* Pervye 30 let v otnosheniyakh Rossii i Mongolii v XVII v. // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2017. № 6. S. 105—112).
- Дацышен, Модоров, 2010: *Дацышен В. Г., Модоров Н. С.* Посольская миссия Ф. И. Байкова в Китай и ее результаты (1654—1658) // Мир Евразии. 2010. № 2 (9). С. 18—29 (*Datsyshen V. G., Modorov N. S.* Posol'skaya missiya F. I. Baykova v Kitay i ee rezul'taty (1654—1658) // Mir Evrazii. 2010. № 2 (9). S. 18—29).
- Демидова, Мясников, 1966: *Демидова Н. Ф., Мясников В. С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова) / предисл. Л. И. Думана. М.: Наука, 1966 (*Demidova N. F., Myasnikov V. S.* Pervye russkie diplomaty v Kitae («Rospis» I. Petlina i stateynyy spisok F. I. Baykova) / Predisl. L. I. Dumana. M.: Nauka, 1966).
- Дробышев, 2007: *Дробышев Ю. И.* Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве // Mongolica-VII. 2007. С. 71—82 (*Drobyshev Yu. I.* Ekologicheskie syuzhety v srednevekovom mongol'skom zakonodatel'stve // Mongolica-VII. 2007. S. 71—82).
- Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983 (*Zlatkin I. Ya.* Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635—1758). 2-e izd. M.: Nauka, 1983).
- Идес, Бранд, 1967: *Избрант Идес и Адам Бранд.* Записки о посольстве в Китай. М.: Наука, 1967 (*Izbrant Ides i Adam Brand.* Zapiski o posol'stve v Kitay. M.: Nauka, 1967).
- Иргит, 2009: *Иргит Ч. К.* Этнографические сведения из «Расспроса» Василия Тюменца и Ивана Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (83). С. 154—157 (*Irgit Ch. K.* Etnograficheskie svedeniya iz «Rassprosa» Vasiliya Tyumentsa i Ivana Petrova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 5 (83). S. 154—157).
- Их Цааз, 1981: Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981 (*Ikh Tsaaz* («Velikoe ulozhenie»): Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. / Per., vved. i komment. S. D. Dylykova. M., 1981).
- Магидович И. П., Магидович В. И., 1983: *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II: Великие географические открытия (XV—середина XVII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983 (*Magidovich I. P., Magidovich V. I.* Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. T. II: Velikie geograficheskie otkrytiya (XV—seredina XVII v.). 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prosveshchenie, 1983).
- Магидович И. П., Магидович В. И., 1984: *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII—XVIII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984 (*Magidovich I. P., Magidovich V. I.* Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. T. III: Geograficheskie otkrytiya i issledovaniya novogo vremeni (seredina XVII—XVIII v.). 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prosveshchenie, 1984).
- Материалы, 1996: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654—1685 / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996 (*Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1654—1685 / sost. G. I. Slesarchuk; otv. red. N. F. Demidova. M.: Vost. lit., 1996*).
- Материалы, 2000: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685—1691 / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 2000 (*Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1685—1691 / Sost. G. I. Slesarchuk; otv. red. N. F. Demidova. M.: Vost. lit., 2000*).
- Мясников, 1958: *Мясников В. С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146—151 (*Myasnikov V. S.* Novye dokumenty o poezdke v Kitay Ivana Petlina // Sovetskoe kитаеведение. 1958. № 1. S. 146—151).
- Оглоблин, 1891: *Оглоблин Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. Т. 46. С. 156—171 (*Ogloblin N.* Sibirskie diplomaty XVII veka (Posol'skie «stateynye spiski») // Istoricheskiy vestnik. 1891. T. 46. S. 156—171).
- Палладий, 1892: Заметки архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина // Зап. вост. отд-ния Рос. археол. о-ва. Т. VI. 1892. С. 305—308 (*Zametki arkhimandrita Palladiya o puteshestvii v Kitay kazaka Petlina // Zap. vost. otd-niya Ros. arkheol. o-va. T. VI. 1892. S. 305—308*).
- РКО, 1972: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686—1691. М.: Наука, 1972 (*Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v. Materialy i dokumenty. T. 2. 1686—1691. M.: Nauka, 1972*).
- РМО, 1959: Русско-монгольские отношения 1607—1636 / сост. Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Изд-во вост. лит., 1959 (*Russko-mongol'skie otnosheniya 1607—1636 / Sost. L. M. Gataullina, M. I. Gol'man, G. I. Slesarchuk; otv. red. I. Ya. Zlatkin, N. V. Ustyugov. M.: Izd-vo vost. lit., 1959*).
- РМО, 1974: Русско-монгольские отношения 1636—1654 / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Наука, ГРБЛ, 1974 (*Russko-mongol'skie otnosheniya 1636—1654 / Sost. M. I. Gol'man, G. I. Slesarchuk; otv. red. I. Ya. Zlatkin, N. V. Ustyugov. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1974*).
- Скрынникова, 1988: *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI—начало XX в. Новосибирск, 1988 (*Skrynnikova T. D.* Lamaist-skaya tserkov' i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya XVI—nachalo XX v. Novosibirsk, 1988).
- Слесарчук, 2013: *Слесарчук Г. И.* Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013 (*Slesarchuk G. I.* Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013).
- Слесарчук, 2013а: *Слесарчук Г. И.* О поездке тобольского сына боярского Ф. Е. Михалевского и подьячего Г. Шешукова в монгольские улусы // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 94—102 (*Slesarchuk G. I.* O poezdke tobol'skogo syna boyarskogo F. E. Mikhalevskogo i pod'yachego G. Sheshukova v mongol'skie ulusy // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 94—102).
- Слесарчук, 2013б: *Слесарчук Г. И.* Из истории посольских отношений России с северомонгольскими ханами в 60—70-е годы XVII века // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 127—133 (*Slesarchuk G. I.* Iz istorii posol'skikh otnosheniy Rossii s severomongol's-

- skimi khanami v 60—70-e gody XVII veka // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 127—133).
- Слесарчук, 2013в: *Слесарчук Г. И.* Русские архивные материалы о подданстве джунгарского тайджи Сенге // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 178—185 (*Slesarchuk G. I. Russkie arkhivnye materialy o poddanstve dzhungarskogo taydzhi Senge* // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 178—185).
- Слесарчук, 2013г: *Слесарчук Г. И.* Русские архивы о Цецен-хане Шолое // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 204—208 (*Slesarchuk G. I. Russkie arkhivy o Tsetsen-khane Sholoe* // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 204—208).
- Спафарий, 1882: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб., 1882 (*Puteshestvie chrez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vved. i primech. Yu. V. Arsen'eva. SPb., 1882*).
- Филиппов, 1958: *Филиппов В. М.* Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина // Советское китаеведение. 1958. № 2. С. 136—143 (*Filippov V. M. Novye dannye o posol'stve Seitkula Ablina* // Sovetskoe kitaevedenie. 1958. № 2. S. 136—143).
- Чимитдоржиева, 2003а: *Чимитдоржиева Л. Ш.* Проблема шерты на русско-монгольских (алтан-хановских) переговорах в начале XVII в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. С. 37—39 (*Chimitdorzhieva L. Sh. Problema sherti na russko-mongol'skikh (altan-khanovskikh) peregovorakh v nachale XVII v. // Tsentral'naya Aziya i Sibir'. Pervye nauchnye chteniya pamyati E. M. Zalkinda. 14 maya 2003 g. Barnaul: Alt. gos. un-t, 2003. S. 37—39*).
- Чимитдоржиева, 2003б: *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608—1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003 (*Chimitdorzhieva L. Sh. Russkie posol'stva k mongol'skim Altan-khanam. 1608—1681 gg. Dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2003*).

R. Yu. Pochekaev

Information of Russian diplomats of the 17th century on the Mongolian law

The article is an analysis of notes of Russian diplomats of the 17th c. who visited different Mongol states. Author attempts to clarify information on the Mongolian law and legal relations during this period. Such information is not numerous, but it is of great interest for researchers as reflects real legal relations, implementation of Mongolian legal codes and even legal rules which were not fixed in these codes. Information of Russian diplomats concern legal status of Mongol rulers (especially specific features of this status in Eastern Mongolian uluses and Western Mongolian khanate of Jungharia), status of Mongolian women and clergy, regulation of economic relations, some aspects in the field of crimes and punishments.

Key words: Mongolia in the 17th c., Junghar Khanate, Qing Empire, Moscow state, customary law, Russian embassies to Mongolia and China.

Т. И. Юсупова

Международные научные отношения «нового типа»: советско-монгольское научное сотрудничество, 1920—1930-е гг.¹

DOI: 10.25882/n81t-d785

В статье анализируется имевшее место в советской историографии определение советско-монгольских научных контактов как отношений нового типа. В связи с поставленной задачей кратко освещаются предпосылки и история установления в середине 1920-х гг. тесного взаимодействия Академии наук СССР и Ученого комитета МНР (первого монгольского научного учреждения), его специфика и основные дисциплинарные направления. Отмечается, что практически на всем протяжении указанного периода сотрудничество Академии наук с Ученым комитетом (с 1930 г. Комитетом наук) было организационно обособлено от научных контактов с другими странами и проходило в условиях ограниченности международных коммуникаций исследователей как СССР, так и МНР. Внимание уделяется причинам интереса советских ученых к работе в Монголии, роли С. Ф. Ольденбурга и Ц. Ж. Жамцарано в выработке конфигураций сотрудничества, рассматриваются его количественные характеристики. Показано, что Академия наук, откликаясь на просьбы Ученого комитета о помощи в изучении страны, смогла получить поддержку советского правительства, благодаря которой развернула совместно с Ученым комитетом широкую исследовательскую деятельность в Монголии. Автор приходит к выводу, что вынесенное в название статьи определение советско-монгольского научного взаимодействия отражает реальные особенности контактов Академии наук с Ученым комитетом (Комитетом наук), отличные от сотрудничества с другими ее международными партнерами.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Комитет наук МНР, Монгольская комиссия, научное сотрудничество, изучение Монголии, особенности и специфика взаимодействия.

«Настало время для Монголии работать новыми методами»

Среди направлений международной деятельности Академии наук СССР в 1920—1930-х гг. особенно выделяются по интенсивности и содержанию научные контакты с Монголией, с ее первым научно-исследовательским учреждением — Ученым комитетом (Комитетом наук)². И сегодня взаимодействие академических институтов с монгольскими научными учреждениями продолжает активно развиваться. Тем не менее история монгольского направления деятельности Академии наук советского периода остается в тени ее взаимодействия с другими странами,

прежде всего европейскими. Во многом это связано с имеющим место стереотипом восприятия сотрудничества с Комитетом наук Монгольской Народной Республики (МНР) как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс советских ученых и убеждением в превалировании политико-идеологической значимости этих контактов над их содержательной стороной.

Между тем история установления советско-монгольского научного взаимодействия важна для понимания специфики международной деятельности Академии наук в конкретный исторический период. Что касается монгольского направления, то характерной особенностью этого временного промежутка являются два обстоятельства. Во-первых, до 1946 г. научные связи между двумя странами проходили в условиях непризнания мировым сообществом независимости МНР. Эта ситуация препятствовала развитию научных контактов Комитета наук с другими странами. Ограниченными были в эти годы, в силу целого ряда хорошо известных внешне- и внутриполитических причин, и международные контакты Академии наук СССР.

Во-вторых, на всем протяжении этого периода сотрудничество с Комитетом наук было организаци-

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-03-00475а).

² В ноябре 1921 г. было создано первое научно-исследовательское учреждение Монголии *Судар бичгийн хурээлэн* (Комитет книг и рукописей). В литературе на русском языке, как правило, употребляется другой перевод — Ученый комитет. В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться *Шинжлэх ухааны хурээлэн* (Комитет наук); на его базе в 1961 г. была образована Академия наук МНР. В данной статье мы будем использовать оба названия — в зависимости от хронологии повествования.

онно обособлено от других международных партнеров Академии наук. Для его координации была образована специальная академическая Монгольская комиссия (1927—1953). После создания в 1961 г. Академии наук МНР монгольское направление организационно уже не выделялось и координировалось, наряду с сотрудничеством с другими странами, Иностранным отделом Президиума Академии наук.

Следует отметить, что в настоящее время существуют два основных подхода к освещению работы советских ученых в Монголии. В первом случае авторы, продолжая традиции советской историографии, фокусируются исключительно на ее результативности и плодотворности и не включают в число своих задач анализ контекстов научного взаимодействия. Во втором случае, напротив, содержательные аспекты остаются в стороне, деятельность ученых вписывается в идеолого-политические или даже геополитические контексты и рассматривается исключительно как один из инструментов для укрепления советского влияния в Монголии. Продолжительное время именно такая интерпретация является наиболее популярной в академических дискурсах западных историков [Юсупова, 2016. С. 193—202].

В то же время в историографии истории Академии наук СССР сотрудничество с Комитетом наук нередко характеризуется как «международные научные отношения нового типа» [Иоффе, 1969. С. 135]. Что стоит за этим определением? Идеологический штамп в ряду аргументов против укоренившегося в западной литературе стереотипа Монголии как советского сателлита или действительно оно имеет реальное содержательное наполнение и отражает характерные черты научного взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук МНР в эти годы, отличные от сотрудничества с другими странами?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы хотели бы кратко осветить причины установления взаимодействия Академии наук и Ученого комитета (Комитета наук), его главные особенности, участников и их мотивации, опираясь на ранее проведенные автором исследования и полученные статистические данные [Юсупова, 2006; 2011].

«Непочатый край для работы»

Интерес к Монголии в Академии наук начал складываться с первых лет ее существования. Он был обусловлен государственным запросом на получение знаний о природе, хозяйстве и населении приграничных районов Сибири, а также и самой соседней страны. В результате проведенных за два века работ в академических учреждениях были накоплены богатые естественнонаучные и археологические коллекции и документальные памятники из Монголии. Они способствовали формированию специалистов различного профиля по изучению природы и населения Монголии и дальнейшей активизации деятельности в этом территориальном направлении. Революционные события 1917 г. и Гражданская война прервали широкие исследования, которые развернули академические учреждения.

Именно поэтому обращение Монгольского Ученого комитета (Учкома) в начале 1920-х гг. об оказании помощи по организации изучения страны нашло живой отклик у руководства Академии наук. Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург (1863—1934) инициировал обсуждение помощи Учкому на правительственном уровне. Предложение академического сообщества оказалось весьма актуальным для данного политического момента: Монголия занимала важное место в геополитической стратегии СССР в Дальневосточном регионе [Лузянин, 2000], и инициатива С. Ф. Ольденбурга была поддержана. Заседание специально созданной для рассмотрения этого вопроса правительственной Комиссии состоялось 31 января 1925 г. в Ленинграде [Юсупова, 2017]. Выступавшие ученые подчеркивали важность продолжения изучения Монголии, используя понятную властям риторику, выдвигая в качестве аргументов не только научную, но и экономическую (для Монголии) и политическую (для СССР) необходимость. Так, например, ботаник Н. В. Павлов (1893—1971) обратил внимание присутствующих на заинтересованность Ученого комитета в его работах по изучению растительности Монголии с точки зрения ее кормовых возможностей³. Академик А. Е. Ферсман (1883—1945) подчеркнул, что минералогические исследования — и уже сделанные по его поручению, и будущие — имеют важное практическое значение для развития производительных сил Монголии⁴. По мнению почвовед Б. Б. Полынова (1877—1952), запланированное изучение рельефа и почвенного покрова страны также представляет интерес и с чисто научной, и с практической точки зрения, поскольку связано с хозяйственными вопросами. Геолог И. П. Рачковский (1878—1961) напомнил присутствующим о разработанном еще в 1917 г. Геологическим музеем плане исследования Монголии, целью которого являлось составление карты геологического строения страны, чья актуальность была очевидна в свете задач по ее экономическому развитию⁵.

В развернувшейся далее дискуссии о характере исследований А. Е. Ферсман призвал, учитывая современные политические и экономические реалии, работать в Монголии «новыми методами»⁶. Именитый ученый считал обязательным условием при разработке исследовательских программ согласовывать их с задачами, поставленными монгольским правительством перед Ученым комитетом. То есть больше внимания уделять вопросам изучения производительных сил Монголии⁷.

³ Стенограмма заседания Комиссии, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 102.

⁴ Там же. Л. 101.

⁵ Там же. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 73.

⁷ Там же. С. 72.

Доводы ученых оказались убедительными. Председательствующий на заседании Комиссии управляющий делами СНК СССР Н. П. Горбунов (1892—1938) согласился, что Монголия действительно представляет собой «непочатый край» для научной работы и Академия наук сможет, решая свои исследовательские задачи, оказать помощь Ученому комитету Монголии.

«Имеющиеся научные силы и наблюдающийся интерес»

Итогом обсуждения стало решение правительства от 31 марта 1925 г. о создании специальной Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (или Монгольской комиссии)⁸. Ее возглавил Н. П. Горбунов, заместителем стал С. Ф. Ольденбург. Два года Комиссия функционировала при правительстве, а в 1927 г. была передана в ведение Академии наук СССР, где работала до 1953 г. Возглавляли Монгольскую комиссию в разные годы академики С. Ф. Ольденбург (1927—1929), В. Л. Комаров (1930—1945) и В. А. Обручев (1946—1953). В ее состав входили ведущие советские ученые по разным отраслям знания, в том числе: монголоведы Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Н. Н. Поппе, археологи Г. И. Боровка, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, геолог И. П. Рачковский, путешественник П. К. Козлов, почвовед Б. Б. Польшов и др.; с монгольской стороны: Ц. Ж. Жамцарано, А. Амар, Л. Дэндэв и др.

В этой истории особую роль сыграл С. Ф. Ольденбург. Здесь ярко проявилось его умение вести диалог с властью и отстаивать интересы Академии наук. С. Ф. Ольденбург сумел использовать сложившуюся политическую конъюнктуру в советско-монгольских отношениях в начале 1920-х гг. и просьбы Ученого комитета о помощи, чтобы получить в очень непростой экономической ситуации в стране финансирование для одного из международных направлений деятельности Академии наук, т. е. фактически — государственный заказ на изучение Монголии.

В Положении о Монгольской комиссии АН СССР основными целями ее деятельности определялись «систематическое и всестороннее научное изучение» Монголии и содействие развитию ее научно-исследовательских учреждений. При этом обязательным условием работы Комиссии утверждалось согласо-

вание планов советских ученых с задачами Ученого комитета⁹.

О желании Академии наук как можно скорее начать работы в Монголии свидетельствует письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. П. Горбунову от 16 апреля 1925 г. Непременный секретарь просил ускорить решение организационных проблем, поскольку «вопрос этот живо интересуется как монголов, так и наши учреждения, собирающиеся принять участие в этих исследованиях...»¹⁰. «Складывающаяся ситуация, — продолжал С. Ф. Ольденбург, — указывает на необходимость возможно скорее осуществить намеченное важное предприятие, чтобы использовать имеющиеся у нас научные силы и наблюдающийся теперь интерес к этому делу»¹¹.

Заинтересованность Ученого комитета Монголии, готовность академического сообщества приступить к исследованиям и поддержка правительства определили быструю и успешную организацию работ в Монголии. Намерение участвовать в них выразил целый ряд академических учреждений: Азиатский музей, Ботанический, Зоологический, Геологический и Минералогический музеи, Почвенный институт, Палеонтологический институт и др. Отбор заявок происходил на заседаниях Монгольской комиссии. Одним из главных условий их одобрения являлись предварительная договоренность с Ученым комитетом и соблюдение интересов монгольской стороны.

Было еще одно обстоятельство, которое, по нашему мнению, имело важное значение в выработке конфигурации сотрудничества. Ученого секретаря Монгольского Ученого комитета Ц. Ж. Жамцарано (1881—1942) связывали с С. Ф. Ольденбургом тесные дружеские отношения, которые завязались во время учебы молодого бурята в Санкт-Петербургском университете. Сходное понимание С. Ф. Ольденбургом и Ц. Ж. Жамцарано целей и задач сотрудничества определило его основные принципы и одновременно отразило взгляд С. Ф. Ольденбурга на характер взаимодействия России со странами Востока: уважительный, основанный на научном знании и искреннем желании оказать помощь в развитии национальных научных институтов.

«Сочувственное отношение со стороны монгольского правительства»

Отношение к советским ученым со стороны Ученого комитета было очень доброжелательным. Так, Н. В. Павлов писал С. Ф. Ольденбургу: «В Урге нас встретили прекрасно. Жамцарано и Лисовский¹² обо

⁸ В дальнейшем предполагалось включить в поле деятельности Комиссии Танну-Туvinскую Народную Республику и Бурят-Монгольскую АССР. Поэтому с конца 1925 г. она стала официально называться Комиссией по исследованию Монгольской и Танну-Туvinской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Однако, как правило, использовали ее сокращенное название — Монгольская комиссия; с 1930 г. именно это название стало официальным.

⁹ Положение о Комиссии, 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 141.

¹⁰ Письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. П. Горбунову, 16 апреля 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 87.

¹¹ Там же.

¹² В. И. Лисовский (1888—1958) — инженер-мелиоратор, сотрудник Ученого комитета Монголии в 1921—1927 гг.

всем позаботились, было готово помещение и обдуманы все потребные для нас бумаги»¹³. Б. Б. Полюнов в своем докладе на заседании Комиссии 4 ноября 1926 г. отметил, что академические исследователи встретили «сочувственное отношение со стороны монгольского правительства и всех представителей Научного комитета <...> Отношение к экспедиции, к нашей Комиссии, к Академии наук самое благожелательное <...> как со стороны главы правительства, у которого мы были в первый день своего приезда, так, особенно, со стороны председателя Научного комитета»¹⁴. А в опубликованном позже отчете добавил, что о пребывании в Монголии участники экспедиции сохраняют воспоминания «как о светлом времени дружной, согласной совместной работы» [Предварительный отчет, 1930. С. 2].

Обсуждая планы следующего года (1927), Ц. Ж. Жамцарано просил продолжить в первую очередь геохимические и почвенные исследования, тесно связанные с решением ряда актуальных хозяйственных

проблем Монголии. Одновременно он приглашал российских ученых приезжать в Учком на продолжительное время, в том числе и для постоянной работы. В частности, срочно требовался «геолог по части полезных ископаемых» и палеонтолог. Ц. Ж. Жамцарано предлагал и другую форму сотрудничества: приехать в Монголию, поработать, а потом «направлять и руководить» монгольскими исследователями из Ленинграда. Самое главное, подчеркивал он, важна «работа для Учкома», но не обязательно при Учкоме [Решетов, 1998. С. 78]. Но желание приехать в Монголию на долгий срок, как оказалось, имелось только у востоковедов (буддолог М. И. Тубянский (1893—1937) работал в Учкоме в 1927—1936 гг., монголовед П. И. Воробьев (1892—1937) — в 1936—1937 гг.). Если говорить о «естественниках», то они предпочитали краткосрочные экспедиционные поездки, поскольку условия для научной работы в Монголии (библиотеки, архивы, лаборатории, научное сообщество) еще только начинали складываться.

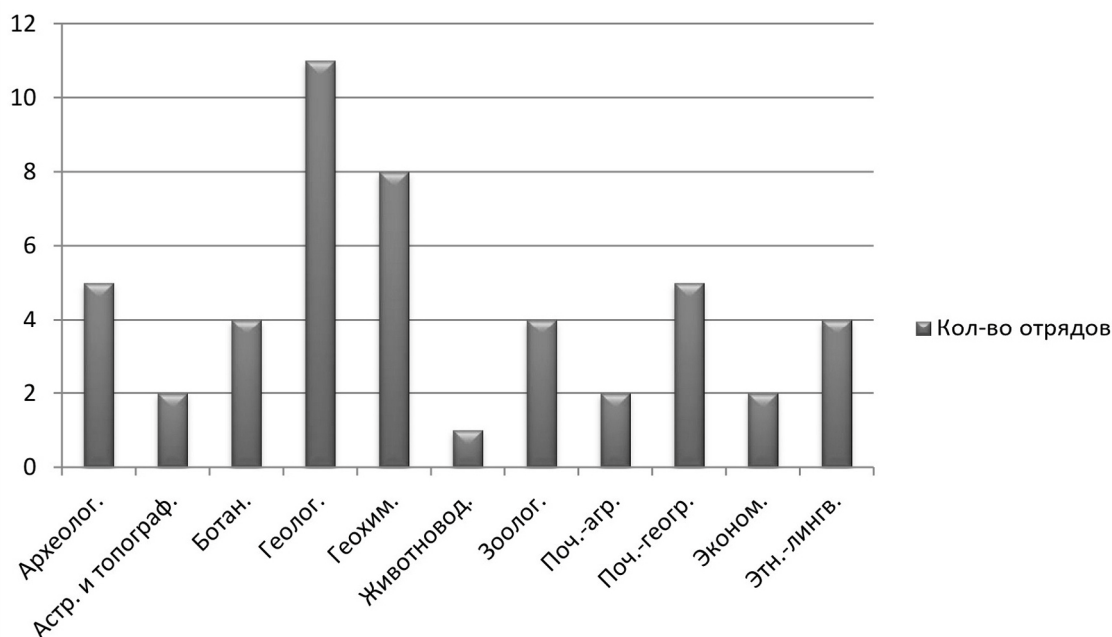

Рис. 1. Распределение исследований Академии наук в Монголии по научным направлениям в 1925—1933 гг.¹⁵

Основной формой сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР являлось проведение экспедиционных исследований. В 1925—1933 гг. было организовано более 40 экспедиций, в работе которых приняло участие более 60 исследователей из Азиатского, Ботанического, Зоологического, Геологического, Минералогического музеев, институтов Академии наук, Почвенного института и других учреждений. Планы работ всегда согласовывались с Комитетом наук (Ученым комите-

том). При необходимости академические экспедиции брали на себя выполнение заданий Комитета наук (Ученого комитета). В этом случае в состав экспедиций Академии наук включались монгольские исследователи. При этом их деятельность финансировал Комитет наук (Ученый комитет).

В ходе проведенных в 1925—1933 гг. работ были осуществлены археологические, ботанические, геологические, гео- и гидрохимические, зоологические, почвенно-географические и этнолингвистические ис-

¹³ Письмо Н. В. Павлова к С. Ф. Ольденбургу, 1 июля 1926 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1—1926. Д. 58. Л. 61.

¹⁴ Протокол заседания Монгольской комиссии 4 ноября 1926 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 84.

¹⁵ Диаграммы построены по данным из: [Юсупова, 2006. С. 222—245].

следования. Если в первые четыре года преобладали работы гуманитарного и естественнонаучного характера, то в 1930 г. началась переориентация исследовательских программ на прикладные задачи, актуальные для хозяйственно-экономического развития Монголии. Основными направлениями сотрудниче-

ства стали почвенно-агрономические, животноводческие, геологические, гидрологические исследования. В целом эти изменения отражали усиление государственного администрирования деятельности Академии наук. Подобные процессы происходили и в Монголии.

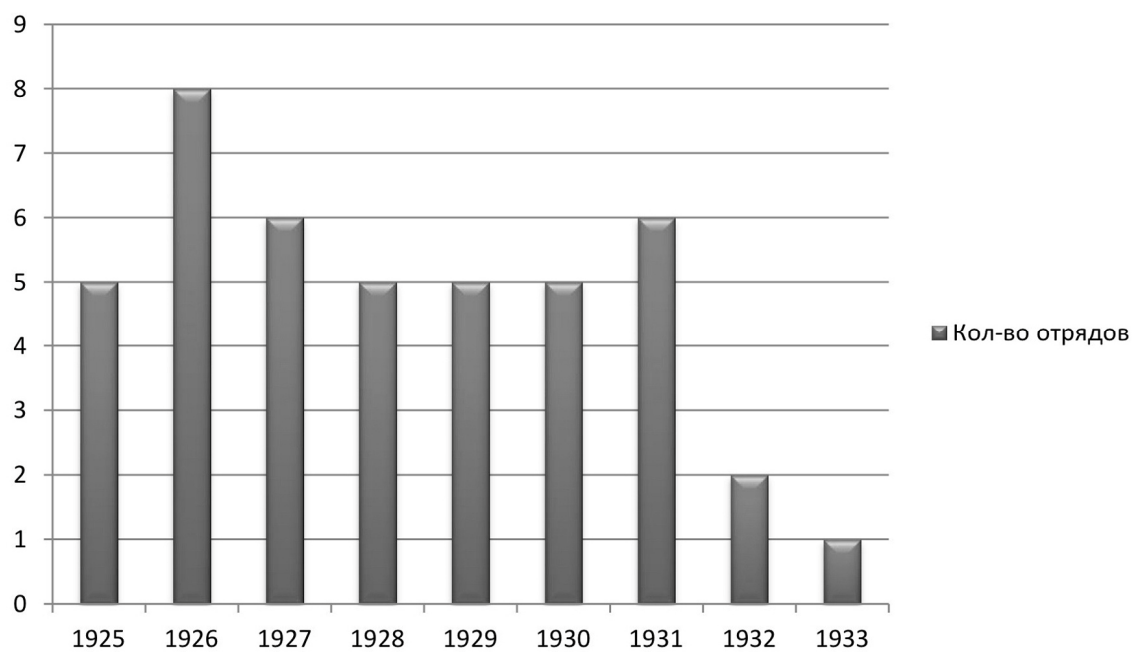

Рис. 2. Количество экспедиционных отрядов, направленных Академией наук в Монголию в 1925—1933 гг.

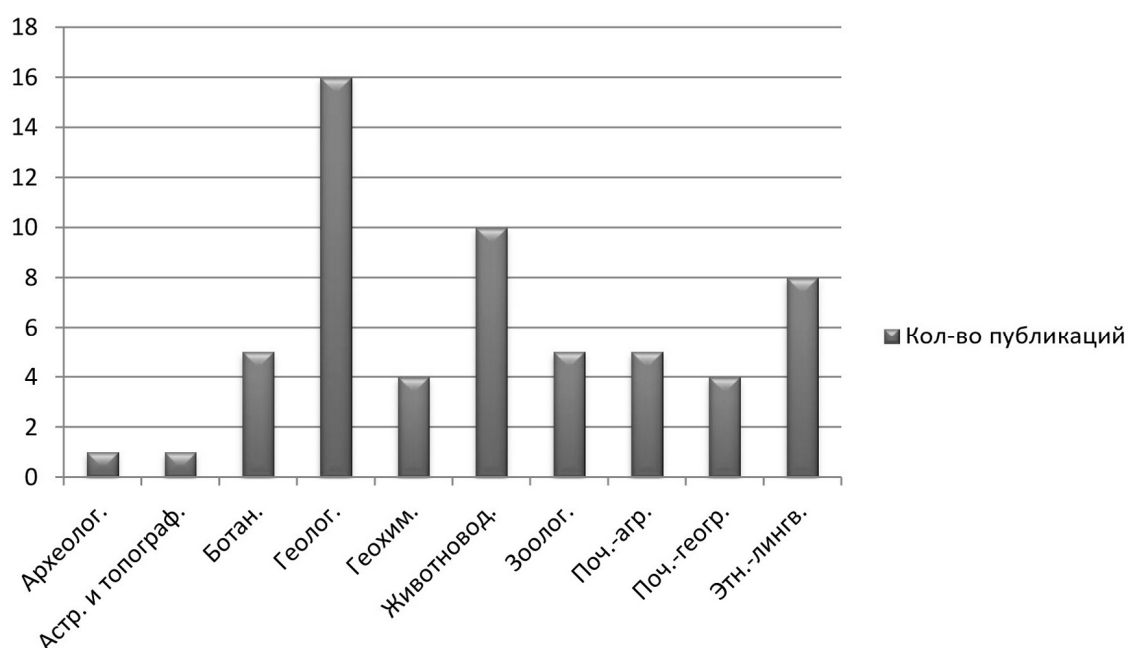

Рис. 3. Распределение публикаций Монгольской комиссии в 1925—1933 гг. по научным направлениям наук¹

¹ Библиографию публикаций Монгольской комиссии см.: [Юсупова, 2006. С. 212—221].

Причиной сокращения количества экспедиций в 1932 г. и прекращения их после 1933 г. явилась сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в Монголии и вокруг Монголии: народные восстания, военные столкновения на монгольско-маньчжурской границе, военный конфликт с Японией на Халхин-Голе. Одновременно у научного сообщества СССР наблюдался спад интереса к Монголии, что было связано с расширением исследований в советских республиках, организация работ в которых была значительно проще на фоне ужесточения контроля за любыми зарубежными поездками. Последовавшие далее политические репрессии 1937 г. еще более обострили наметившиеся в сотрудничестве с Комитетом наук проблемы. Многие советские ученые, работа которых была связана с Монголией, подверглись репрессиям. Большой кадровый урон был нанесен и монгольскому научному сообществу, где также развернулись трагические события. Взаимодействие между Академией наук и Комитетом наук практически прекратилось. Контакты до 1945 г. ограничивались редкими командировками советских ученых в Монголию (в 1940 г. — геолог Э. М. Мурзаев и почвовед Н. Д. Беспалов), обменом литературой, обучением немногочисленных монгольских аспирантов в академических учреждениях СССР.

Хотелось бы отметить еще одну особенность научных связей с Комитетом наук. Результаты практически всех проведенных в этот период советскими учеными исследований были опубликованы в изданиях Монгольской комиссии: в трех выпусках сборника «Северная Монголия» (1926—1928), в пятнадцати выпусках «Материалов» Комиссии¹ (1929—1931) и в шестидесяти девяти выпусках «Трудов Монгольской комиссии» (1932—1957). «Труды» выходили под двумя грифами — Академии наук СССР и Комитета наук МНР.

«Особое разрешение от монгольского правительства»

Взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР строилось в рамках межгосударственных соглашений и оформлялось договорными обязательствами между двумя научными учреждениями, вначале ежегодными, затем долгосрочными как общего характера, так и частного — о выполнении конкретных совместных проектов. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества и снимали вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии. Первый довоенный пятилетний договор между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР о совместных научных исследованиях был составлен на 1930—1934 гг.; второй — на 1935—1939 гг.

¹ Полное название: Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР.

Особо хотелось бы отметить, что Монголия, одна из первых стран Центральной Азии, приняла закон «Об охране памятников старины» (сентябрь 1924 г.), который регулировал деятельность иностранных ученых на ее территории и регламентировал порядок вывоза из страны научных коллекций. По этому поводу Ц. Ж. Жамцарано писал С. Ф. Ольденбургу: «Недавно опубликован монгольским правительством закон „Об охране памятников старины“ <...>. Все памятники древности объявлены национальной собственностью и вывозу не подлежат. Если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета»².

По условиям договоров советские ученые предоставляли Комитету наук свои обстоятельные отчеты о проведенной работе, копии сделанных топографических схем и карт, дубликаты фотографий и другие материалы, а также оговоренную в договоре часть собранных коллекций. Экземпляры трудов, которые издавались в СССР по итогам работы советских ученых в Монголии, также передавались в Комитет наук.

Советские ученые с ответственностью относились к выполнению обязательств перед Комитетом наук. Свидетельством этого являются хранящиеся в архивах Монголии материалы их экспедиционных исследований, а в музеях страны — собранные коллекции. К тому же ход реализации соглашений контролировался советским представительством в Монголии и, соответственно, Наркоматом иностранных дел. Такое внимание со стороны директивных органов подчеркивало значимость для советского правительства выстраивания доверительных межгосударственных отношений с МНР, частью которых являлось научное сотрудничество.

В качестве заключения: научные отношения «нового типа»?

Географическая близость двух стран, усиленная в 1920—1930-х гг. их международной изоляцией, не могла не сказаться на особой роли советских ученых в развитии национальных монгольских институций. Однако сотрудничество Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета), по нашему мнению, нельзя рассматривать только в рамках советской идеологической экспансии в Монголию. Инициатива проведения изучения Монголии исходила от Ученого комитета и была с большим вниманием воспринята в Академии наук, поскольку в ее учреждениях исторически сложился интерес к территории Монголии, ее природе и истории. Он был обусловлен необходимостью решения целого ряда проблем, прежде всего естественнонаучных дисциплин. Известный зоолог, сотрудник Зоологического музея Академии наук

² Письмо Ц. Ж. Жамцарано к С. Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 23. Л. 69.

А. Я. Тугаринов (1880—1948) по этому поводу писал: «Можно с уверенностью сказать, что изучение ряда явлений, имеющих место на территории современной Монголии, может дать ключ к пониманию многих особенностей <...> прилегающих частей Сибири <...>. А если прибавить сюда то крупное значение, которое играла территория Монголии в более отдаленные времена, то всестороннее изучение огромных монгольских пространств приобретает исключительное значение для науки» [Тугаринов, 1927. С. 802].

Ученый комитет (Комитет наук) предоставил Академии наук возможность реализовать ее широкие, складывавшиеся не одно десятилетие исследовательские программы в Монголии, а советские ученые, в свою очередь, оказали помощь монгольским коллегам в организации их собственных исследований. Модель и структура научных отношений выстраивались в зависимости от внешних (международная изоляция Монголии до 1946 г.) и внутренних (национальные научные кадры и институты) факторов в рамках межгосударственных договоров на основа-

нии соглашений между Академией наук и Ученым комитетом (Комитетом наук).

На всем протяжении указанного периода научное взаимодействие Академии наук и Ученого комитета (Комитета наук) носило содержательный, конструктивный и взаимовыгодный характер. Вынесенное в название статьи определение отражает, по убеждению автора, реальные особенности контактов между советскими и монгольскими исследователями, отличные от особенностей сотрудничества с другими международными партнерами Академии наук.

Когда в начале 1990-х гг. на волне кардинальных изменений политических и экономических систем в наших странах произошла переоценка безусловной позитивности для Монголии тесных отношений с СССР, менее всего подверглось критике академическое сотрудничество. Научные контакты между советскими и монгольскими учеными в силу международного характера науки явились надежными звеньями межгосударственного общения, которые и сегодня продолжают развиваться и расширяться, опираясь на позитивный опыт прошедших десятилетий.

Литература

- Иоффе, 1969: *Иоффе А. Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932. М.: Наука, 1969 (*Ioffe A. E.* Internacional'nye, nauchnye i kul'turnye svyazi Sovetskogo Soiuz. 1928—1932. M.: Nauka, 1969).
- Лузянин, 2000: *Лузянин С. Г.* Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000 (*Luzianin S. G.* Rossiia—Mongoliia—Kitai v pervoi polovine XX v. Politicheskie vzaimootnosheniia v 1911—1946 gg. M.: IDV RAN, 2000).
- Предварительный отчет, 1930: Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930 (*Predvaritel'nyi otchet pochvenno-geograficheskoi ekspedicii v Severnuyu Mongoliyu v 1926 g.* L.: Izd-vo AN SSSR, 1930).
- Решетов, 1998: *Решетов А. М.* О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах. Вып. 2—3 / гл. ред. Е. А. Хамаганова.* СПб.: Утпала, 1998. С. 56—89 (*Reshetov A. M.* O perepiske C. Zh. Zhamcarano s S. F. Ol'denburgom i B. Ya. Vladimircovym // *Orient. Al'manah. Vyp. 2—3 / gl. red. E. A. Hamaganova.* SPb.: Utpala, 1998. P. 56—89).
- Тугаринов, 1927: *Тугаринов А. Я.* Из поездки по Монголии // *Природа. 1927. № 10. С. 802—808 (Tugarinov A. Ya.* Iz poezdki po Mongolii // *Priroda. 1927. No. 10. P. 802—808).*
- Юсупова, 2006: *Юсупова Т. И.* Монгольская комиссия Академии наук СССР. История создания и деятельности (1925—1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006 (*Yusupova T. I.* Mongol'skaia komissiiia Akademii nauk SSSR. Istoriia sozdaniia i deiatel'nosti (1925—1953 gg.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2006).
- Юсупова, 2016: *Юсупова Т. И.* История изучения российско-монгольского научного сотрудничества // *Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII—первой половине XX в.: Исторические очерки / отв. ред. Ю. М. Батурин, ред.-сост. Г. И. Смагина.* СПб.: Росток, 2016. С. 193—202 (*Yusupova T. I.* Istoriia izucheniya rossiisko-mongol'skogo nauchnogo sotrudnichestva // *Akademiiia nauk v kontekste istoriko-nauchnyh issledovaniia v XVIII—pervoi polovine XX v.: Istoricheskie ocherki / отв. red. Yu. M. Baturin, red.-sost. G. I. Smagina.* SPb.: Rostok, 2016. P. 193—202).
- Юсупова, 2017: *Юсупова Т. И.* Намечается большая совместная работа с Монголией: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР // *Mongolica-XVIII. СПб., 2017. С. 82—89 (Yusupova T. I.* Namechaetsia bol'shaia sovmestnaia rabota s Mongoliei: k istorii organizacii Mongol'skoi komissii SNK SSSR // *Mongolica-XVIII. SPb., 2017. P. 82—89).*

Tatiana I. Yusupova

International scientific relations of the «new type»: Soviet-Mongolian academic cooperation, 1920s—1930s

The article examines what is behind the definition of Soviet-Mongolian scientific connections that took place in Soviet historiography as a relationship of a new type. Regarding this objective, the prerequisites and history of establishment in the mid 1920s of close cooperation between the Academy of Sciences of the USSR and the Committee of Sciences of the Mongolian People's Republic (the first Mongolian scientific institution), its specifics, the main disciplinary fields, and some quantitative results are discussed. It is noted that almost during all this

period the cooperation of the Academy of Sciences with the Committee of Sciences was organizationally separated from its other contacts and took place in the conditions of limited international communications of the two countries' researchers. A certain attention is paid to the reasons for the interest of Soviet scientists in studies of Mongolia. It is shown that the Academy of Sciences could obtain government support in organizing research activities in Mongolia in response to the requests of the Committee of Sciences to assist in the study of the country. The model and structure of scientific relations were built according to external factors (international isolation of Mongolia until 1946) and internal factors (development of national scientific society and institutions), within the framework of international treaties, and on the basis of agreements between the Academy of Sciences and the Committee of Sciences. The author concludes that Soviet-Mongolian academic cooperation today cannot be considered only within the framework of Soviet expansion into Mongolia. The definition given in the title of the article reflects the actual aspects of contacts between Soviet and Mongolian researchers that differed from the cooperation with other international partners. The Committee of Sciences provided the Academy of Sciences with an opportunity to implement its wide-ranging and decades-long research programs on the territory of Mongolia, and the Soviet researchers assisted the Committee of Sciences in studying of the country and in the development of Mongolian scientific institutions.

Key words: Academy of Sciences of the USSR, Committee of Sciences of the MPR, Mongolian Commission, scientific cooperation, features and specificity of interaction.

К. В. Алексеев

Об одном неучтенном тексте в рукописной редакции монгольского Ганджура¹

DOI: 10.25882/d98j-5z61

Статья посвящена исследованию текста небольшого заклинания-*дхарани* в рукописной редакции монгольского Ганджура, оставшегося неучтенным в процессе составления каталога петербургского списка этого канонического сборника. В ней приводится полная транскрипция текста и его дублей в составе двух редакций монгольского буддийского канона, а также результаты текстологического сличения *дхарани* в сохранившихся списках монгольского Ганджура.

Ключевые слова: Ганджур, монгольская переводная литература, текстология, манускриптология.

Монгольский Ганджур (Тиб. *bKa'* 'gyur, Монг. *Ganjur, Ganjuur, Ganjuur*²), сборник переводных текстов, авторство которых приписывается Будде, дошел до наших дней в двух базовых редакциях — рукописной, осуществленной в 1628—1629 гг. в правление Лигдэн-хана Чахарского (1592—1634), и ксилографической, выполненной под эгидой цинского императора Канси (1654—1722) в 1717—1720³ гг. в Пекине.

Долгое время список монгольского Ганджура, хранящийся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского Государственного Университета, и его каталог, опубликованный в 1993 г. З. К. Касьяненко (1925—2016) [Касьяненко, 1993], служили основными источниками для изучения рукописной редакции этого канонического сборника. Источники, введенные в науч-

ный оборот в последние годы⁴, позволяют не только получить новые данные о генезисе и бытовании рукописной редакции монгольского буддийского Канона, но и скорректировать представления о ее составе и структуре. Одним из продуктивных направлений изучения рукописной редакции монгольского Ганджура является текстологическое сличение отдельных его сочинений по всем имеющимся спискам. Такая работа позволяет не только установить различия между копиями с целью выявления старшей из них, но и, в отдельных случаях, уточнить границы между текстами или даже обнаружить ранее неучтенные сочинения благодаря их более эксплицитному оформлению в некоторых списках Ганджура.

Одним из примеров такого рода является текст небольшого заклинания-*дхарани* (санскр. *dhāraṇī*, тиб. *gzungs*, монг. *tarni*), оставшийся неучтенным в каталоге З. К. Касьяненко. В петербургском списке (РК) он занимает всего три строки на листе 72v в томе *ra* раздела *Dandir-a* и вплотную приписан к колофону монгольского перевода сутры «Арья-вайшали-правеша» (санскр. *Ārya-vaiśālī-praveśa-mahāyāna-sūtra*; тиб. *'Phags pa yangs pa'i grong khyer du 'jug pa'i mdo chen po*; монг. *Qutuy-tu vaysali balyasun-tu oroy-san neretü yeke sudur*), что и позволило автору каталога отнести к нему как к части предыдущего текста [Касьяненко, 1993, № 515 (14)]. Текст имеет только конечное название: *Yerü tegüncilen iregsed-ün jirüken-ü dayan duradqui*. Его тибетским оригиналом является сочинение *De bzhin gshegs pa spyi'i snying*

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-00376 «„Золотые“ рукописные фрагменты из джунгарских монастырей — уникальный источник по истории буддийского Канона в Монголии: комплексное историко-филологическое исследование и подготовка к изданию».

² В транскрипции монгольского текста в статье «с» и «j» даются без диакритических знаков.

³ Зачастую в монголоведческой литературе в качестве даты начала издательского проекта Канси указывается 1718 г. Тем не менее каталог ксилографического издания отмечает, что о нем было объявлено на 56-м году «восшествия [Канси] на золотой трон» (монг. ... *delekei-dekin-i ejelegci qaγan altan siregen deger-e γaruγsan-u tabin jiryudu-γar on-u γurban sar-a-yin arban yisün-e: mongγol bka' 'gyurun keb бүтүгекүй-йи ... бүгүдө-дүр соносqayтun kemen ...*), что соответствует 1717 г. европейского летоисчисления ([Ligeti, 1942—1944. С. 336—337]. См. также: [Kollmar-Paulenz, 2018. P. 10, fn. 5; Secenbilig, 2018. P. 117—118]).

⁴ Обзор доступных для изучения списков монгольского Ганджура см., например, в: [Алексеев, 2015. С. 201—212].

по *rjes su dran pa*⁵, относящееся к классу *крия–тантра* (санскр. *kriyā-tantra*, тиб. *bya ba'i rgyud*) [Hackett, 2012. Nos. 562, 881] и известное исследователям уже по дунхуанским рукописным фрагментам⁶.

Анализ других дошедших до нас списков показал, что, по всей вероятности, наличие этого текста в томе *ra* раздела *Dandir-a* было закономерностью для рукописной редакции монгольского Ганджура. Помимо РК этот текст присутствует и в других списках: в «золотом» Ганджуре, хранящемся в Академии общественных наук Внутренней Монголии (АК, *Dandir-a, ra*, 331r)⁷, а также в Ганджуре Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (УУК: *Dandir-a, ra*, 331r)⁸. В обоих случаях, как и в РК, текст *дхарани* присоединен к колофону предыдущего сочинения. Это позволяет сделать предположение о том, что и переписчиками данного тома Ганджура текст *дхарани* не воспринимался как самостоятельный. В томе *ra* раздела *Dandir-a* «черного» Ганджура из коллекции Академии общественных наук Внутренней Монголии (ННК1) этот текст утерян вместе с колофоном предыдущего сочинения, а в собрании Национальной библиотеки Монголии (УБК) отсутствует том *ra* раздела *Dandir-a*⁹. Ниже приводится полный текст *дхарани* из АК, который на данный момент представляется автору статьи самым старшим из сохранившихся списков монгольского Ганджура, с результатами текстологического сличения с РК и УУК¹⁰.

[АК: *Dandir-a, ra*, 331r] *nam-a*¹¹ *sarva d'ata*¹² *ga*¹³ *ta*¹⁴ *hriday-a*¹⁵ *a*¹⁶ *nugad'e*¹⁷ *om*¹⁸ *k'urum*¹⁹ *gani*²⁰ *sva*²¹ *ha*²² *egün-i*²³ *nigen-de*²⁴ *ungsiysan-iyar*²⁵ *naiman mingyan lagsa*²⁶ *toyatan*²⁷ *galab-tur*²⁸ *quriyaysan jayayan-u*

⁵ Восстановленное санскритское название текста: [*Sā-mānya-tathāgata-hṛdayānusr̥m̐ti*].

⁶ См. описание рукописи в: [Dalton, Van Schaik, 2006. No. 312/6; La Vallée Poussin, 1962. No. 312/4].

⁷ О нем см.: [Alekseev, Turanskaya, 2013].

⁸ См. описание улан-удинского списка в: [Alekseev, Tsyrempilov, Badmatsyrenov, 2016].

⁹ Об этих списках см.: [Алексеев, 2015. С. 205—207].

¹⁰ Для обозначения редакторской правки, монгольского *Галика* и орфографических особенностей текста в статье используются следующие символы: <...> — глоссы и интерполяции; {...} — вычеркнутый или исправленный текст; а" — , d' — , d" — , e' — , h' — , g' — , k' — , m' — , o' — , γ — «γ» с одной диакритической точкой; п — «п» с диакритической точкой; ○ — золотые круги на центральной оси листов АК, имитирующие отверстия для сшивания пальмовых листов индийских рукописей.

¹¹ УУК: *nam-a*.

¹² РК: *d'a ta-a gata-a*; УУК: *d'a ta-a g'ata-a*.

¹³ РК: *a-a nugate*; УУК: *nūgate*.

¹⁴ РК: *o'm*.

¹⁵ РК: *kurum*.

¹⁶ РК, УУК: *gan-i*.

¹⁷ РК: *suva ha-a*, УУК: *sūva ha-a*.

¹⁸ УУК: *egūni*.

¹⁹ РК: *lagsan*.

*tüidker*²² *arilqu boluyu*: ○ *yerü tegüncilen iregse*<d>²³ *ün*²⁴ *jirüken-i*²⁵ *dayan duradqui tegüsbei*²⁶ :: ::

Также в томах '*a* (*chung*)' раздела *Dandir-a* рукописной редакции Лигдэн-хана есть дубль этого текста [Касьяненко, 1993. № 339 (25)]. В АК и УБК этот том отсутствует. В РК дубль *дхарани* находится на листе 31v, в ННК1 — 79r, в УУК — 126r указанного тома. Во всех трех случаях тексты эксплицитно оформлены как отдельные сочинения. Ниже приводится полный текст дубля *дхарани* из РК с результатами текстологического сличения с другими списками.

[РК(dup.): *Dandir-a, 'a*, 31v] *namo' buddha ya sarve' bhi yah*²⁶ *nam-ah*²⁷ *sarva* (*d'a ta-a*)²⁸ *gata*²⁹ *hriday-a*³⁰ *a-a nugate*³¹ *o'm*³² *ku rum' gani süva ha-a*: *egüni nigen-de uriysan-iyar naiman mingyan lags*³¹ *toyatan galab-tur quriyaysan nigül tüidker ber baraydaq boluyu: tegüncilen iregsen yerü-yin jirüken-i duradqui tegüsbei* :

Пекинское издание тибетского Ганджура (Q) также включает дубли этого текста, находящиеся в разделе *rGyud*, в томах *na* и '*a* (*chung*)' [Suzuki, 1962. Nos. 154b, 494; bKa' 'gyur pe cin par ma, 2010, rGyud: *na*, 29v/5–6; '*a*', 86v/5–6]. Оба текста практически идентичны друг другу за исключением минимальных разночтений в написании самого заклинания³².

Дубли исследуемого текста *дхарани* включены и в ксилографическое издание монгольского Ганджура (МК), для которого Q является структурным образцом [Ligeti, 1942—1944. Nos. 156 (18), 510 (25)]. В МК они занимают те же позиции что и в Q — в томах *na*, 33r и '*a* (*chung*)', 120r раздела *Dandir-a*. Ниже приводятся результаты текстологического сличения дублей *дхарани* в МК.

[МК: *Dandir-a, na*, 33r] *nam-ah*³³ *sarva d'a ta-a g'ata*³⁴ *hriday-a*³⁵ *a-n ugate*³⁶ *o'm*³⁷ *ku rum' gini*³⁸ *süva ha-a*: *egün-i nigen-te uriysan-iyar naiman mingyan*

²⁰ РК: *toyatan*, УУК: *toyata* (sic).

²¹ УУК: *g'alab-tur*.

²² УУК: —.

²³ РК, УУК: *iregsed-ün*.

²⁴ РК, УУК: *jirüken-ü*.

²⁵ РК, УУК: *tegüsbe*.

²⁶ ННК1: *bhiy-a*; УУК: *bhiy ah'*.

²⁷ ННК1: *tus*; УУК: —.

²⁸ УУК: *ta d'a-a*.

²⁹ ННК1: {*gta*} *gata*.

³⁰ ННК1: *hiridhiy-a*; УУК: *hiridhay-a*.

³¹ ННК1: *lagas*.

³² Аналогичным образом и в других изданиях тибетского Ганджура дубли этого текста отличаются лишь спеллингом отдельных слов. См., например, результаты текстологического сличения *дхарани* в дэгэском, литанском, лхаском, нартанском, пекинском, ургинском и чонэском изданиях тибетского Ганджура в: [KPDM, 2006—08. Vol. 88. P. 322—323; Vol. 97. P. 255—256].

³³ МК(dup.): *gata*.

³⁴ МК(dup.): *a-n ugatte'*.

³⁵ МК(dup.): *gini*.

lagas-a³⁶ toyatan galab-tur quriyaysan nigül tüidker ber³⁷ baraydaqu boluyu: tegüncilen iregsen yerü-yin jirüken-i d'ayan duradqu tegüsbe: : ::

Текстологическое сличение дублей текста *дхарани* показывает, что, в то время как в МК они практически идентичны, дубли в рукописной редакции Ганджура обнаруживают значительные разночтения. Прежде всего, в томе 'а раздела *Dandir-a* рукопис-

ной редакции тексту *дхарани* предшествует транскрипция молитвенной формулы на санскрите *namo' buddha ya sarve' bhi yaH* (=? санскр. *namo buddhāya sarvebhyah*), которой нет в известных автору статьи тибетских оригиналах текста³⁸. Помимо этого в текстах присутствуют следующие существенные разночтения:

Q:	'di lan geig bzlas pas kyang
Рук. ред.:	egün-i nigen-de ungsiysan-iyar
Рук. ред. (дубль):	egüni nigen-de uriysan-iyar
МК:	egün-i nigen-te uriysan-iyar
Q:	las kyi sgrib pa yang zad par 'gyur ro
Рук. ред.:	jayayan-u tüidker arilqu boluyu
Рук. ред. (дубль):	nigül tüidker ber baraydaqu boluyu
МК:	nigül tüidker ber baraydaqu boluyu
Q:	de bzhin gshegs pa spyi'i snying po rjes su dran pa rdzogs sho
Рук. ред.:	yerü tegüncilen iregsed-ün jirüken-i dayan duradqui tegüsbei
Рук. ред. (дубль):	tegüncilen iregsen yerü-yin jirüken-i duradqu tegüsbei
МК:	tegüncilen iregsen yerü-yin jirüken-i dayan duradqu tegüsbe

Характер существенных разночтений в текстах дублей заклинания-*дхарани* в рукописной редакции указывает на то, что они являются разными версиями одного текста, а возможно, и разными его переводами. За основу ксилографической версии текста в обоих случаях был взят дубль *дхарани* из тома 'а раздела *Dandir-a* рукописной редакции. Сложно сказать, знали ли составители пекинского издания о наличии другой версии сочинения в рукописном

сборнике. В ходе исследования текстов монгольского Ганджура автором статьи было зафиксировано несколько случаев, когда при наличии двух версий одного и того же сочинения в рукописной редакции монгольского Ганджура редакторы ксилографического издания выбирали лишь одну из них, наиболее соответствующую их представлениям о качестве перевода, и включали ее в свой сборник в качестве идентичных дублей.

Использованная литература

- Алексеев, 2015: *Алексеев К. В.* Монгольский Ганджур: генезис и структура // Страны и народы Востока. М.: Наука; Вост. лит., 2015. С. 190—228 (*Alekseev K. V.* Mongolskiy Gandzhur: genezis i struktura // Strany i narody Vostoka. M.: Nauka; Vost. lit., 2015. S. 190—228).
- Касьяненко, 1993: *Касьяненко З. К.* Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указ. З. К. Касьяненко // Памятники письменности Востока. СII. Bibliotheca Buddhica XXXIX. М.: Наука, 1993 (*Kas'yanenko Z. K.* Katalog peterburgskogo rukopisnogo «Gandzhura» / Sostavleniye, vvedeniye, transliteratsiya i ukazateli Z. K. Kas'yanenko // Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. СII. Bibliotheca Buddhica XXXIX. М.: Nauka, 1993).
- Alekseev, Tsyrempilov, Badmatsyrenov, 2016: *Alekseev K., Tsyrempilov N., Badmatsyrenov T.* Ulan-Ude Manuscript Kanjur: An overview, analysis and brief catalogue // Buddhist Studies Review 33. No. 1—2. 2016. P. 241—269.
- Alekseev, Turanskaya, 2013: *Alekseev K., Turanskaya A.* An Overview of the Altan Kanjur Kept at the Library of the Academy of Social Sciences of Inner Mongolia // Asiatische Studien LXVII. No. 3. 2013. P. 755—782.
- Dalton, Van Schaik, 2006: *Dalton T, Van Schaik S.* Tibetan Tantric Manuscripts from Dunhuang: a descriptive catalogue of the Stein Collection at the British Library. Leiden, Boston: Brill, 2006.
- Hackett, 2012: *Hackett P. G.* A catalogue of the Comparative Kangyur (Bka - gyur dpe bsdur ma). New York: American Institute of Buddhist Studies, 2012.
- bKa' 'gyur pe cin par ma, 2010: bKa' 'gyur pe cin par ma. Woodblock print preserved at National Library of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia. Digitally published and distributed by Digital Preservation Society. Tokyo, 2010.
- Kollmar-Paulenz, 2018: *Kollmar-Paulenz K.* The Mongolian Kanjur — Some Remarks about the Current State of Research // Монгол Ганжуур. Улаанбаатар, 2018. P. 9—28.
- KPDM, 2006—08: Bka gyur: krung go'i bod rig pa zhib jug lte gnas kyi bka bstan dpe sdur khang gis bsdur zhus [Comparative edition of the Tibetan canon, based on the Derge edition, with references to variants in the Chone, Lhasa, Lithang, Narthang, Peking and Urga editions]. Peking: Krung go'i bod rig pa dpe sdur khang, 2006—08.

³⁶ МК(dup.): lags'-a.

³⁷ МК(dup.): bei (sic).

³⁸ См. перечень рукописных и ксилографических изданий тибетского Ганджура, содержащих текст исследуемого *дхарани* в: [RKTS, <https://www.istb.univie.ac.at/kanjur/rktsneu/verif/verif2.php?id=534>] (дата обращения: 12.05.2018).

- La Vallée Poussin, 1962: *La Vallée Poussin L. de*. Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Tun-Huang in the India Office Library. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Ligeti, 1942—1944: *Ligeti L.* Catalogue du Kanjur Mongol imprimé: Catalogue. Budapest: Société Körösi Csoma, 1942—1944.
- Secenbilig, 2018: *Secenbilig S.* Mongγol «Ганжуур»-un orci-γuly-a ba bar-un keblel-ün teüken toyimu // Монгол Ганжуур. Улаанбаатар, 2018. С. 108—126.
- Suzuki, 1962: *Suzuki D. T.* The Tibetan Tripitaka, Peking edition, Kept in the Library of the Otani University, Kyoto:

catalogue & index. Tokyo: Suzuki Research Foundation, 1962.

Электронные ресурсы

RKTS: Resources for Kanjur & Tanjur Studies. URL: <https://www.istb.univie.ac.at/kanjur/rktsneu/sub/index.php> (дата обращения: 12.04.2018).

K. V. Alekseev

On One Unrecorded Text in the Manuscript Recension of the Mongolian Kanjur

The article is devoted to an analysis of the text of a small *dhāraṇī* invocation in the manuscript recension of the Mongolian Kanjur that remained unrecorded in the process of cataloguing of the St. Petersburg copy of the canonical collection. It presents the transcription of the text and its duplicates included in two recensions of the Mongolian-language Buddhist Canon as well as the results of textological collation of the *dhāraṇī* in the extant copies of the Mongolian Kanjur.

Key words: The Kanjur, Mongolian translated literature, textology, manuscriptology.

С. Ш. Аязбекова

Тюрко-монгольская музыкальная общность в контексте номадической и тенгрианской цивилизаций

DOI: 10.25882/ptn7-xy89

Статья посвящена вопросам музыкальной общности тюркских и монгольских народов. Определяется, что генезис тюрко-монгольской музыкально-культурной общности (ТММКО) находится в двух цивилизациях — номадической мировой и тенгрианской локальной, возникших в эпоху мезолита.

Номадическая мировая цивилизация сформировала такие особенности ТММКО, как устный тип культуры, сольные жанры, типы, способы изготовления и функционирование музыкальных инструментов, степные образы природы и имитация ее звуков. Космоцентрический тип картины мира, свойственный номадической мировой цивилизации, рассматривается в качестве предпосылки формирования тенгрианской цивилизации.

Тенгрианская локальная цивилизация определила такие характерные особенности ТММКО, как представление о музыке как Музыке-Вселенной, Музыке-Душе и Музыке-Искусстве. В контексте тенгрианства рассматривается семантика музыкального инструментария.

В заключении рассматривается процесс закрепления и устойчивого оформления культурной идентичности тюркского и монгольского миров, а также формирования из тенгрианской цивилизации в качестве «сыновних» тюркской и монгольской цивилизаций.

Ключевые слова: тюрко-монгольская музыкально-культурная общность, номадическая и оседлая мировые цивилизации, тенгрианская цивилизация, тюркская цивилизация, монгольская цивилизация, музыкальные инструменты, Музыка-Вселенная, Музыка-Душа, Музыка-Искусство.

Тюрко-монгольский симбиоз — это выражение стало настолько устойчивым, что становится ключевым при исследовании самых разных направлений — исторических, политических, философских, искусствоведческих и других.

Осмысление единства тюрко-монгольских музыкальных традиций имеет давние корни, например, это нашло отражение в трактатах «Джами ал-алхан» («Собрание мелодий»), «Макасид ал-алхан» («Назначение мелодий») Абдугадира Мараги (XIV в.), в которых отдельные музыкальные инструменты и жанры называются тюрко-монгольскими [Агаева, 1987. С. 192].

Вопросы единства и общности тюркской и монгольской музыки нашли отражение и в современных исследованиях — в трудах Б. Батжаргала, Х. Ихтисамова, Б. Каракулова, Ф. Кароматли, Н. М. Кондратьева, А. И. Мухамбетовой, С. А. Елемановой, Ш. Гуллыева, В. Ю. Сузукей, С. И. Утегалиевой, Г. Н. Омаровой, Л. Халтаевой и других. Так, известным культурологом В. Ю. Сузукей было замечено: «в древних, архаических пластах музыкальных культур современных тюрко-монгольских народов, несмотря на все изменения и напластования, которые происходили в последующие столетия, продолжают сохраняться многие элементы устойчивого единства, свойственного только этим культурам. Такая много-

вековая устойчивость, которая не подверглась разрушению на протяжении ряда столетий, позволяет выдвинуть предположение о том, что еще в период их исторической общности, т. е. в период степных империй древних кочевников, был порожден особый тип музыкальной цивилизации, сформировавшийся на основе четко осознававшейся и активно действовавшей идеологии» [Сузукей, 2010].

Признавая правомочность идеи цивилизационного единства тюркской и монгольской музыки, попытаемся осмыслить истоки «особого типа музыкальной цивилизации». Полагаем в этой связи, что *генезис тюрко-монгольской музыкально-культурной общности кроется в двух мезолитических цивилизациях — номадической мировой и тенгрианской локальной.*

Деление цивилизаций на номадическую и оседлую обусловлено в первую очередь средой обитания. Для оседлых народов она более благоприятна и многообразна, она предоставляет возможности для земледелия, поскольку ландшафт имеет неиссякаемые ресурсы жизнеобеспечения, тогда как для кочевников это степь и пустыня. В результате такого деления географического ландшафта и возникло два основных способа жизнедеятельности, что и породило два вида мировых цивилизаций — номадическую и оседлую.

Анализ мира кочевья и оседлого мира в пространственно-временном контексте со всей очевидностью выявил чрезвычайно высокий статус их как мировых цивилизаций. Связано это как со временем их распространения (начиная с эпохи мезолита и по сей день), так и с обширным ареалом их распространения и непрекращающимся взаимодействием друг с другом (от конфликта до полного перехода). Если говорить обо всей человеческой цивилизации, то она характеризовалась одновременным сосуществованием и взаимодействием номадической и оседлой цивилизаций (см. подробно: [Аязбекова, 2016]).

История знает и еще один тип взаимодействия, когда обе мировые цивилизации становятся составляющими локальных цивилизаций. К ним относятся неолитическая тенгрианская цивилизация и выросшие из нее во втором поколении тюркская и монгольская цивилизации, структура которых объединила кочевую и оседлую формы хозяйствования и, соответственно, набор культурных универсалий, свойственный им обоим.

I. Сообщество тюрко-монгольской музыки в контексте номадической мировой цивилизации

Если выделить основные признаки номадической цивилизации, то к ним можно отнести кочевой способ хозяйствования и экономики, а также кочевую модель природопользования. Ареал ее распространения — афразийская и евразийская степная и пустынная территории.

Номадическая мировая цивилизация, несмотря на разнообразие локальных воплощений, имеет особый набор культурных универсалий. К ним можно отнести кочевые модели природопользования, культовое отношение к космическим объектам, земле, природе (в особой мере — к скоту), представление об «открытом» пространстве как жизни и «закрытом» — как смерти, циклическое бесконечное время, развитую систему родовой идентификации и родовой градации и др. Кочевой способ хозяйствования выработал единую номадическую цивилизацию, имеющую, наряду с оседлой, статус мировой цивилизации.

Мировой статус номадической цивилизации приводит к общности музыкальной культуры на всем ее пространстве. Стало быть, тюрко-монгольская общность в контексте номадической цивилизации имеет значительные точки соприкосновения типологического характера со всем ареалом ее распространения. Однако географическая локализация евразийских и афразийских степей и пустынь во многом определяет существование в рамках номадической цивилизации двух культурных зон. Таким образом, тюрко-монгольская общность музыки имеет, с одной стороны, родовые характеристики всей номадической цивилизации, с другой — выступает как общность евразийского порядка.

Известный цивилист А. И. Оразбаева в своем фундаментальном исследовании «Цивилизация кочевников евразийских степей» рассматривает евразийскую кочевую цивилизацию как тип локальной цивилизации. В этой работе выделены такие характеристики цивилизации кочевников, как всадничество, ставшее символом единства и слитности с природой, представление о степи как «отчем доме», отсутствие границы между степью и юртой, наличие городов и поселений, воинственность, мобильность, динамизм, импульсивность, а также параллельное существование трех хозяйственных типов — кочевого, полукочевого и полuosедлого [Оразбаева, 2005. С. 167—174.]. Следует заметить, что данные характеристики весьма полно отражают и особенности тюрко-монгольской культурной общности.

Что касается особенностей музыки в контексте номадической мировой цивилизации, то важным представляется ее особый статус как связующего сакрального звена, объединяющего Человека в его многообразных связях со структурированным космическим и степным пространством.

В номадической цивилизации не были развиты те жанры искусства, которые требовали стационарных условий и городского быта, такие как живопись, монументальная городская архитектура и скульптура, театральное искусство и пр. Именно поэтому вся духовно-культурная энергетика номадической цивилизации была сосредоточена в музыке, слове, одежде и орнаменте, которые могли быть свободно перемещены в пространстве степи или пустыни. Эта же причина послужила основанием развития устного способа функционирования музыкально-поэтического творчества, реализующегося в сольных жанрах — мифопоэтических, песенных и инструментальных. С кочевым образом жизни связаны и малые размеры музыкальных инструментов, синкретизм системы творец-исполнитель-слушатель.

Устный тип культуры

Сопоставление номадической и оседлой мировых цивилизаций с двумя типами культуры — устной и письменной ярко очерчивает всеобщий характер распространения устного типа музыкального творчества в номадической цивилизации, а письменного — в оседлой.

Устный тип музыкальной культуры восходит к глубокой древности — к первоисточкам музыки. Однако и по сей день жанры музыкальной культуры, выросшие в лоне номадической цивилизации, несмотря на существующую нотацию, в живой социокультурной среде, направленной на творчество, а не на воспроизводство музыкальной традиции полноценно функционируют только при устном способе межпоколенной передачи культурного опыта.

Нотация или ее отсутствие имеет особое значение для выражения индивидуального в творческом процессе, жанрах и музыкальном языке. Так, устным

культурам номадического типа присущи сольные жанры, монодия и импровизационность, тогда как письменным культурам — многоголосие, ансамблевые и оркестровые жанры, жесткая закреплённость фиксированного текста. При этом устная музыка, будучи авторской, как правило, не сохраняла индивидуальное авторство, тогда как письменность способствовала его фиксации.

Сольные жанры

Кочевым народам не было свойственно ансамблевое исполнение на инструментах, музыкальное искусство этой цивилизации отличается доминированием сольных жанров. При этом автор и исполнитель составляли, как правило, единое целое.

Сольное исполнение предусматривают и сами музыкальные инструменты (из числа идеофонов, аэрофонов, хордофонов). Неслучайно поэтому и песенное искусство в большинстве своем представляет собой жанры лирических сольных песен, причем с неперенным подчеркиванием первого лица.

Много общего и в музыкально-поэтических жанрах тюркских и монгольских народов. Как и фольклорные жанры других народов, тюрко-монгольские жанры включают в себя семейно-бытовые жанры, в т. ч. и связанные с жизненным циклом человека (родильные, свадебные, похоронные), а также производственные жанры, определяемые спецификой трудовой деятельности. Все они в той или иной мере отражают кочевой быт.

Особенности номадической цивилизации наиболее ярко представлены в скотоводческих и охотничьих обрядовых песнях и инструментальных наигрышах, предназначенных для животных. К ним относятся древние жанры, имеющие прикладной характер и исполняемые на дудках-манках [Яцковская, 1988] или в песенном стиле «сольных речитаций» для заклинания овцематки, коровы и верблюдиц (к примеру, тээгэ — у бурят). Н. М. Кондратьева, исследователю заговоров алтайцев-теленгитов, отмечая их широкое распространение у монголов, бурят, алтайцев, тувинцев, азербайджанцев, туркмен, киргизов, казахов, пишет, что «по ряду признаков скотоводческие заговоры входят в центральную, не подверженную быстрым изменениям и, следовательно, наиболее архаичную область тюркских и монгольских культур. Такое системное положение делает заговоры уникальным источником информации о древнейших состояниях этих этнических культур» [Кондратьева, 1996].

Музыкальный инструментарий

Кочевничество отразилось в типе и способах изготовления тюрко-монгольского инструментария. Все инструменты изготовлены из того материала, который дарит кочевнику среда обитания:

- ✓ **дерево** — *корпус* морин хуура, бызанчи, цуура, товшура (монг.), кылкобыза, кобыза, наркобыза, домбры, шертера, дауылпаза (каз.), добулбаса (кырг.), жыгач ооз комуза (кырг.); дошпулуура (тув.); *гриф* морин хуура (монг., бурят.), дошпулуура (тув.); *смычки* морин хуура, бызанчи (монг.), дауылпаза (каз.); *рукоятка* зырылдака (каз.); кыл-кыяк, жетиген (кырг.) и др.;
 - ✓ **металл** — *шумовые подвески* дабыла, шанкобыза (каз.), темир-комуза (кырг.); темир-комыса (тув.); томор-хура (монг.); *бляшки* зырылдака (каз.); *металлические подвески или колокольчики* на дангыра, асатаяке (каз.); жез кернее (кырг.);
 - ✓ **тростник, зонтичные растения** — цуур, хурсан бишуур (монг.), асатаяк, сыбызгы, желбуаз, камыс сырнай (каз.), шоор (тув.), курай (башк.);
 - ✓ **глина** — чурган чих (монг.), саз-сырнай, ускирик, тастауык (каз.), чопо чоор (кырг.).
- Музыкальный инструментарий кочевых народов изготавливается также и из частей животных — коня, барана, быка, козла, косули, оленя:
- ✓ **кожа** — *мембрана* дауылпаза, желбуаза (каз.), добулбаса (кырг.), дабыла (каз.), *дека* кобыза (каз.), кыяка (кырг.), хомыса (хак.); *кисточки* зырылдака (каз.); *ремень* шатырлака (каз.); *струнодержатель* (кутук) кыл-кыяка (кырг.); плетка (камча) добулбаса (кырг.);
 - ✓ **шкура** — *дека* кыл-кыяка (кырг.);
 - ✓ **кишки** — *струны* комуза, чадагана (тув.), товшура (монг.);
 - ✓ **асыки** (альчики) — *подставка под струны* жетыгена (каз.), чадагана (тув.);
 - ✓ **сухожилия оленей, баранов** — *струны* струнных инструментов;
 - ✓ **копыта** — туяктас (каз.);
 - ✓ **рога** — керней, муйуз керней (кырг.), муиз сырнай (каз.);
 - ✓ **конский волос** — струны и смычок морин хуура (монг.); кобыза, кылкобыза, наркобыза (каз.); кыяка, кыл-кыяка (кырг.); игила, дошпулуура (тув.);
 - ✓ **бычий пузырь** — резонаторный корпус хура (монг., бурят.);
 - ✓ **кости животных** — суяк-чангкобуз (узб.).

Весь кочевой инструментарий имеет небольшой размер, поскольку все инструменты должны быть легко перемещаемы в пространстве. Эти инструменты не требуют стационарных условий, поскольку не крыша и стены, а именно сила, громкость звука может создать условия возникновения очерченности заданного коммуникативного пространства, заменяя собой концертное помещение (филармонии, театры, концертные залы). Так, например, современная исполнительница на цууре Мунгундоож рассказывает, что «лучше всего цуур звучит в степи... звучание цуура зависит от окружающей энергии. Давным-давно, когда монголы пасли скот в степи, пастухи

играли на цууре. Цуур звучит прекрасно, когда играют в степи» [Сузукей, 2010].

Тюрко-монгольская общность инструментария обуславливается также и тем, что многие инструменты имеют квартовый или квинтовый строй (каз. домбра, тув. дошпулуур, монг. бызанчи, каз. бозаншы, тув. игил и др.).

Важную роль в создании общности тюрко-монгольского инструментария играет и схожая техника исполнения. Так, например, для исполнения на струнных инструментах характерны такие исполнительские приемы, как пощипывание струн и удары по ним пальцами; флажолетный принцип звукоизвлечения на монг. бызанчи, морин хууре; каз. бозаншы; тув. игиле осуществляется касанием пальцев под струнами, без прижимания струн к грифу. Техника игры взмахами характерна для монг. ятги, каз. жетигена, татар. етигана, а прием вибрато, используемый на монг. икэле и тув. игиле, приближает звучание инструмента к голосу человека.

Все это говорит об общности строения, звукового и исполнительского характера тюрко-монгольского инструментария. К таким группам относятся:

- ✓ морин-хуур, их хуур, хур, икэл (монг.), морн хуур (калм.), хур (бурят.), икили (алт.), игил или игиль (тув.), кылысах (якут.), ыых, хомус (хак.), кыл-кобыз (каз.), кобуз (узб.), ковуз (уйг.), комуз, кыяк (кырг.);
- ✓ ооз комуз (монг.), комуз (кырг.), комус (алт.), копуз (тур.), демир-хомус (тув.), кубыз (башк.), хомуз (якут.), шанкобыз (каз.), дамир-хомус (тув.), чангкобуз (узб.);
- ✓ бызанчи, пызанчи, хучир (монг.), бозаншы (каз.), бызаанчы (тув.);
- ✓ ятга (монг.), жетиген (каз.), етиган (татар.); чатыган (кырг.); чаткан, чадыган (хак.);
- ✓ товшур (монг.), домбра (каз.);
- ✓ цуур (монг.), шоор (тув.), курай (башк.), сыбызгы (каз.);
- ✓ добулбас (монг.), дауылпаз, нардауылпаз (каз.).

Отсюда следует, что кочевничество как образ мира, образ жизни и жизнедеятельности становится тем фактором, который делает типологически общим инструментарий тюрко-монгольских народов. Можно предположить, что именно кочевничество как извечная формула движения сделало мифологически значимой роль музыкального инструментария, прежде всего в пограничных зонах пространства, объединяя тем самым различные миры, созидая гармонию перехода миров из одного в другой и тем самым выявляя свои функции в движении, в освоении пространства.

Исследование тюрко-монгольского музыкального инструментария с точки зрения его включенности в Космос свидетельствует о том, что их строение и назначение служат гармонизации строя бытия; они включены в вертикальное и горизонтальное членение мира. Часть инструментов, определяемых пространственным членением мира, являются связующими, другая же часть обслуживает только опреде-

ленную зону, приобретающую семантическое значение.

Диалог вертикальных зон обеспечивают морин-хуур, их хуур, икэл (монг.), хур (бурят.), икили (алт.), игил или игиль (тув.), кылысах (якут.), ыых, хомус (хак.), кыл-кобыз (каз.), кобуз, ковуз (узб.), кыяк (кырг.). Инструменты эти относятся к разряду сакральных, а потому используются шаманами и баксы в процессе камлания, в похоронной и поминальной обрядности, связанной с культом предков, помогая им «путешествовать» по всем космическим зонам. При этом в монгольском моринхууре, бурятском хуре и тувинском игиле такая связь трех миров Космоса воплощается в образе «крылатого коня» [Халтаева, 1991].

Домбра (каз.), курай (башк.), товшур (монг.), дошпулуур (тув.), будучи инструментами срединного мира, объединяют всю — как горизонтальную, так и вертикальную — пространственную концепцию мироздания.

Горизонтальное членение пространства на «свое» и «чужое» также определило распределение инструментария:

- ✓ при конфликтном столкновении пространств (в сражении) в целях подчинения индивидуального коллективному, в объединении Социума в единое целое — добулбас (монг.), дауылпаз, нардауылпаз, желбуаз, шын, керней, муиз сырнай, шындабылы, дангыра, уран, дабыл (каз.), нагора, карнай (тадж., узб.);
- ✓ в охоте — цуур (монг.), бугашык, шындауыл, сыгыртос, сыбыскы, ыскырык (каз.);
- ✓ в межродовом пространстве (пастбище) — цуур, хурсан бишуур (монг.), камыс сырнай, кос сырнай, саз-сырнай, сыбызгы, шертер (каз.), чопо-чоор (кырг.);
- ✓ инструментом, способствующим переходу из «своего» в «чужое» пространство, для девушки становится шанкобыз (каз.), кубыз (башк.).

Центр «своего» мира — мир детства, пространство шанырака обслуживают саз-сырнай, ускирик и тастауык (каз.), терезин-эдиски (тув.).

Подобная пространственная закреплённость музыкальных инструментов за каждой из зон сложилась, по всей вероятности, в процессе формирования номадической цивилизации, освоения окружающей территории, когда каждая его зона становилась семантически значимой, включенной в конкретный контекст кочевого бытия (см. подробно: [Аязбекова, 1999. С. 204—223]).

Номадическая цивилизация с присущим ей культом коня и птиц предопределила и существование у тюркских и монгольских народов общей традиции украшать грифы музыкальных инструментов головой коня: морин-хуур, бызанчи, ихэл (монг.); хур (бур.); икипи (алт.), игил, бызаанчы, дошпулуур, бызаанчы (тув.); ыых (хак.); бозаншы (каз.); головой журавля или лебедя: ыскырык (каз.), тор-саплъ-юх (хант.).

Показательно название *морин-хуура*, распространенного у монголов, калмыков и бурят (*морин* — конь, *хуур* — музыкальный инструмент, букв.: 'инструмент с лошадиной головой'), его звучание сравнивается со звуками, издаваемыми конем: ржанием, бегом — и даже эмоциями.

Музыкальные образы

Много общего и в образах, воплощаемых тюрко-монгольскими инструментами. Степные образы природы, имитация ее звуков — бега, стука копыт и ржания коня, шума ветра, дождя, воды; шелеста трав, щебетанья и гогота птиц. Особенно ярко эти образы воплощаются на древних музыкальных инструментах — морин хууре, цууре (монг.), шанкобызе, туяктасе, саз-сырнае (каз.) и других. Знаменательно, что наигрыши, например на цууре, подражающие природе, имеют даже специфические названия. О них цуурчи поведали исследователю Т. Содгэрэлу. К ним относятся наигрыши, посвященные или имитирующие:

- ✓ лошадь: «Жороо морины явдал» («Лошадь, бегущая аллюром»), «Бальчин хээр» («Гнедой конь Бальчин»), «Өрөөлтей шархал морь» («Желтоватая стреноженная с одной стороны лошадь»);
- ✓ верблюда: «Сариг цагаан ингэ» («Белая верблюдица Саринг»), «Сарин цагаан ботго» («Белый верблюжонок Саринг»);
- ✓ горного козла: «Хөх сэрх» («Серый кастрированный козел»);
- ✓ медведя: «Жороо хар мажалай» («Черный быстрый медведь Гоби»);
- ✓ оленя: «Хангай буга» («Олень Хангая»);
- ✓ птиц: «Хар хур шувууны дуудлага» («Призыв черной птицы, не сбросившей свои перья с прошлого года»);
- ✓ природные объекты: «Ээвийн голын урсгал» («Течение реки Ээв»), «Уул усны цуурай» («Эхо воды и горы») «Алтайн магтаал» («Восхваление Алтая») [Содгэрэл, 2016. С. 66].

При этом содержание наигрыша, имитирующее, например, «крик птицы, шаг лошади, шум воды», раскрывается путем «варьированного повторения одного и того же мелодико-ритмического звена» [Содгэрэл, 2013].

Космоцентрическая картина мира — основа тенгрианской цивилизации

Картина мира, выработанная многими тысячелетиями существования кочевнической цивилизации, имеет космоцентрическую основу. Космос в культуре тюрко-монгольских народов является универсальным совершенством, а Музыка, задавая этому Космосу гармонию, выступает как феномен совершенного в своем роде, выражающий полноту бытия

Универсума. Поэтому Музыка, с одной стороны, отражает объективное совершенство Космоса, а с другой стороны — сама является устойчивой гармонической системой, адекватной Космосу и Человеку. При этом, схватывая «состояние мира» (Гегель), Музыка, углубляясь в мир «Художественного Я», порождает такой образ мира, который адекватен связям и отношениям Космоса, Социума и Личности.

Музыка в картине мира кочевников сопрягается с Космосом, определяется им, становясь при этом животворящим первоначалом на Земле. И поскольку связь Человека и Космоса протекает по звуковым, музыкально-гармоничным каналам, постольку и сам Космос — омузыкаленный, гармоничный (см. подробно: [Аязбекова, 1999]).

Представляется в этой связи, что именно космоцентрическая картина мира и явилась той основой, на которой сформировалось тенгрианство.

II. Общность тюрко-монгольской музыки в контексте тенгрианской локальной цивилизации

Начиная с эпохи мезолита представление о Тенгри-хане — главном божестве, небесном духе было распространено у всех кочевых и оседлых народов, проживающих на обширной территории Сибири, Алтая, Средней и Малой Азии, на Кавказе, в Монголии, в Северном Причерноморье. Позже, когда формируются этнические идентичности, будет немного отличаться произношение: Тэнгэр — монг.; Тиир, Тер — хак.; Дэзыр — тув.; Тура — чув.; Тенгери — алт.; Танир, Тэнир — каз.; Тангара — якут.; Тэнре — башк.; татар.; Тенгри, Тенгери — полов. и венгр.; Тэнгэри — бур.; Дэзыр — тув.; Тэнгири — кум.; Тангра — булг.; Тангара — якут.; Тангри — узб.; Танири — турк.; азерб., уйгур.; Тенир — кирг.; Танру — туркм. Существование по сей день у этих народов понятия «Тенгри», тенгрианских ритуалов, традиций и обрядов свидетельствует о сохранении этой религии.

Что касается тенгрианской цивилизации, то мы склонны полагать, что время ее существования ведет свой отсчет с VII тыс. до н. э. по I тыс. н. э., с периода возникновения древних городищ — Атбасара в Приишимье и Чатал-Гуюка в Анатолии и до смены тенгрианской религии у тюркских и монгольских народов (см. подробно: [Аязбекова, 2017]). Тенгрианство послужило началом, объединяющим не только народы, но и их музыку, а потому в этот же исторический период складываются тенгрианские основы прототюрко-протомонгольской музыкально-культурной общности. К ним относятся: представление о музыке как Музыке-Вселенной, Музыке-Душе и Музыке-Искусстве; общность тенгрианской немзыкальной семантики, циклическое понимание перцептуального музыкального времени, идущая от тенгрианского календаря шаманская музыкальная традиция, бурдонно-обертоновая основа инструменталь-

ной культуры, горловое пение, композиционные особенности и ладообразование. Рассмотрим некоторые из них.

Музыка-Вселенная

Тенгрианское представление о роли Музыки в рождении Мира, в его структуре нашло самое непосредственное отражение в шаманской деятельности, в которой музыка, а именно Музыка Вселенной занимает центральное место. К ней можно отнести все культовые жанры: шаманские песнопения, песни-поклонения и песни-заклинания Тенгри, духам предков, природе, хозяевам местностей (песни *ай дон*, *сэгээн зугаа* у бурят, *тарни дун* у калмыков.).

Музыка Вселенной отличается от Музыки как вида искусства. Многообразны ее функции, выходящие далеко за рамки эстетической функции. К ним можно отнести миропорождающую, миромоделирующую, мирорепрезентирующую, мирогармонизирующую, мироструктурирующую, сакральную, житнетворящую, охраняющую, магическую, предсказательную (прогностическую) и другие функции.

В древнетюркской мифологии о создании мира, воплощенной в комплексе мифов о Коркут-ата, есть воспоминание о разделении неба и земли, но нет описания ужасающего хаоса и борьбы с ним. Поэтому их Первородящая Вселенная удивительно живо-творящая и гармонична, а акт Первотворения в мифологии связывается не с образом Хаоса, а с образом Тенгри — образом Гармонии. И если учитывать, что «Тенгри было не только Небом с сакральным значением, не только божеством, но и порождающим началом в первичных религиозных верованиях» [Орынбеков, 1994. С. 192], то очевидно, что Музыка сама становится житнетворящим и житнетворческим началом и приобретает значение сакральности и божественности. Закономерно поэтому, что впоследствии, в процессе формирования картины мира, «эта гармония, равновесие мира, всего сущего в сознании не могла не отразиться в душах носителей такого сознания» [Акатаев, 1993. С. 64]. Отсюда и уникальность сотворения мира в тенгрианских представлениях — посредством Музыки — как квинтэссенции любой Гармонии (см. подробно: [Аязбекова, 1999]).

Музыка-Душа

Согласно тенгрианским представлениям, человеческая душа, будучи частью души Вселенной, бессмертна, а потому ее движение циклично. Ее движение подчинено идее бесконечности человеческого бытия, и потому она проходит ряд перевоплощений: от жизни — к смерти и от смерти — к жизни.

Представление о полетности души связано также и с тем, что живая душа «звучала», тогда как душа «улетевшая» ассоциировалась с утерей голоса человека и с его смертью.

Автономность души от физического тела человека, ее связь со звуком-голосом была сопряжена с представлением о некоей автономности бытия музыки от ее создателя. Так, хайджи (певец и сказитель в тувинской культуре) «отпускает» свой голос, а его песня становится «подаренной» народу ценностью:

Выходящего из рта голоса своего
В песнях немало истратил я (сам).
В гости приехавшему другу
Веселую песню спою я.
В упряжке ходящего коня
По зеленой степи рысью бежать пустил.
В груди моей таившиеся мелодии,
Чтоб слушал весь народ, пою.

[Сагалаев, Октябрьская, 1990]

В тенгрианском мировоззрении рождение человека, начало жизни было множественными нитями связано с предшествующими поколениями и жизненными циклами, а конец жизни воспринимался как начало следующей. А потому и составляющие оппозиции «Музыки и Тишины» не были отделены друг от друга пространственно, они существовали только во взаимосвязи как временные циклы. Во многом это связано с тем, что в тенгрианском мировоззрении нашло отражение представление о движении души во времени и пространстве.

Тенгрианский похоронный цикл является самой консервативной частью традиционного мировоззрения, в которой сконцентрированы представления о жизни, смерти и бессмертии. Сопровождаемый множеством обрядов, этот цикл как никакой другой свидетельствует о роли музыки, в которой отчетливо проявляется тенденция к угасанию звука и его «воскрешению».

В тюрко-монгольской культуре существует целая система музыкальных жанров похоронного цикла, которая объединяется общим названием «песни скорби и печали». К ним относятся коштасу (каз.), коштошуу (кырг.) — песни прощания. Основная тема этого жанра — прощание умирающего с родной землей, семьей, друзьями, любимым конем, охотничьей птицей. Существует также отдельный музыкально-поэтический жанр, функция которого — извещение о смерти и утешение близких. В казахской культуре — это *естірту*. Призванный сообщить о смерти близких людей, этот жанр опирается на аллгорию, иносказательность, сопоставления с явлениями природы и животного мира, которые повествуют о скоротечности земного существования.

Наглядным примером этого является широко известная у всех тюркских и монгольских народов легенда «Аксақ құлан», повествующая о том, как инструментальный жанр *кюя* «сообщает» Чингисхану о кончине его сына Джучи.

Приведем с небольшими сокращениями две версии этой легенды.

Потеря жизни и исчезновение звука — эти две темы смыкаются в древней легенде «Аксақ құлан»:

Три дня тому назад любимый сын Чингиз-хана, правитель кипчакской степи Джучи, не вернулся с охоты. ...Наконец вчера вечером, когда солнце садилось в свое гнездо, нашли труп хана. Неизвестно, кто принес ему смерть — коварный враг или копыта кулана.

Главный визирь решил, что скорбную весть о смерти Джучи должен донести до слуха кагана Кет-Буга... Но ведь черному вестнику скорби одно наказание — смерть! Но думай не думай — повелитель отдал приказ, приходится выполнять его. Кет-Буга настроил кобыз.

...И запело, зазвенело дерево. Сначала раздались звуки, похожие на тревожное ржание жеребца-пятiletка, ищущего свой табун. У Чингиза холод пробежал вдоль спины. Глаза подернулись туманом, он впервые взглянул на сидевшего напротив Кет-Бугу. Кюйши был похож на Беркута, собравшегося взлететь. Он стал сгустком какой-то колдовской мощи. Казалось, не он играет на кобызе, а кобыз сам рассказывает обо всем.

...Вот начальная тревожная мелодия перешла в рыдающую скорбь... Это жалобный стон козули, потерявшей своего детеныша, это тоска верблюдицы, оплакивающей своего верблюжонка. Это поминальный плач матери, потерявшей единственного сына...

...За тяжкую весть поплатился кобыз — по приказу Чингиз-хана горловина кобыза была залита расплавленным свинцом.

[Магауин, 1970]

Приведем также другую версию этой легенды:

Давно это было.

Очень давно... Еще когда домбыра была четырехструнной.

Жил на свете великий и жестокий хан Темучжин, известный в истории древнего мира как Чингисхан, завоевавший и объединивший многие тюркские народы. У него был старший сын от первой жены Бортэ по имени Джучи.

Джучи-хан тоже стал великим полководцем, участвовавшим вместе со своим отцом в завоеваниях Средней Азии. Он командовал самостоятельным отрядом в низовьях реки Сыр-Дарья.

...Однажды с охоты не вернулся его любимый сын — Джучи и хан послал в степь гонцов с целью найти сына или принести весть о его судьбе.

Надо сказать, что в те годы у тюрков, в том числе и монголов, существовал закон: за хорошую «красную» весть щедро награждать, а за плохую «черную» — жестоко наказывать.

Узнав о смерти молодого хана, гонцы испугались гнева грозного отца и не вернулись. Чингисхан метался в припадке ярости, требуя принести ему хоть какую-нибудь весточку о судьбе наследника. Но все было напрасно. Подданные боялись жестокой казни и не решались открыть неутешному отцу правду.

И тогда пришел к хану старый акын. Он прожил долгую жизнь и не боялся смерти.

Поклонившись повелителю мира в пояс, он сказал: «О великий хан, справедливость твоя не имеет границ. Слушай мою домбыру и ты узнаешь о судьбе своего сына».

И полилась печальная повесть о том, как охотился на диких куланов молодой хан Джучи, подстрелив од-

ного из них. Но раненый кулан был разъярен и, ударив ногой охотника, поразил его насмерть...

Долго еще пела домбыра, рассказывая о неудачной охоте, долго текли слезы у жестокого властелина...

И повелел тогда старый хан казнить домбыру. И плеснули на нее из ковша раскаленный свинец.

Застонала домбыра, в последний раз прозвенели ее струны. И две из четырех струн, не выдержав боли... лопнули.

С той поры у домбыры осталось только две струны, но она по-прежнему поет.

[Простомолотов, 2015]

В обеих версиях этой легенды проступает неразрывная связь «Звук — Жизнь», поскольку именно в Музыке выражена вся тенгрианская философия. Закодированная в сложной символике звуков, когда сознание достраивает услышанное в определенный и целостный ассоциативный ряд, Музыка и только потом Слово способны выразить все жизненные реалии, сопряженные как с этим миром, так и с миром инобытия, а также обобщить их в систему образов.

Кроме того, в этой легенде видится нам и ритуал жертвоприношения, принятый в тенгрианской цивилизации, адресованный в «иной» мир из мира «земного». «Сутью этого ритуала в канонической культуре является создание системы тождества жертвы, жреца, адресата жертвоприношения (бога) и мира в целом. Само жертвоприношение, отождествляемое с актом претворения космоса, призвано поддержать разграничение „своего“ (космос) и „чужого“ (хаос) мира, утвердить порядок и безопасность „своего“ мира» [Акатаев, 1994].

И если вспомнить, что в ритуале жертвоприношения жертва выступает как носитель жизни, как «земное начало» (в культах в качестве жертвы выступает человек или животное), а лишение его жизни переводит («пересылает») из «земного» мира в мир «иной», то в данном случае в качестве жертвы выступает не физический носитель жизни (человек или животное), а музыкальный инструмент (домбра — в первом варианте, кобыз — во втором).

О древней традиции использования монгольского цуура в обряде жертвоприношения горам и рекам рассказывают и современные исполнители. Такой сакральный статус инструмента не позволяет им играть на нем «в некоторых местах, например там, где находятся пьяные люди» [Содгэрэл, 2013. С. 219].

Тем самым тенгрианская цивилизация обозначает ярко выраженный социально-семантический статус Музыки, приравненный (поскольку жертва — избрана, особенна) к статусу «живого» на этой земле, к статусу жизни вообще и даже стоящий выше него. Будучи осознаны как жизнесозидающее и утверждающее начало, домбра, кобыз и цуур в акте жертвоприношения призваны поддержать разграничение миров, утверждая гармонию Космоса. И это с точки зрения тенгрианского представления вполне правомерно, поскольку музыкальные инструменты воспринимаются не только как инструменты, из которых можно извлечь приятные для слуха звуки и ко-

торые выполняют исключительно эстетическую функцию, но как живое, одушевленное существо, обладающее всеми антропоморфными чертами.

Закономерен с точки зрения тенгрианского мировоззрения финал, когда заливается свинцом музыкальный инструмент, сообщивший эту скорбную весть. Закономерен также финал и второй легенды — о домбре, раскрывающий идею тенгрианского воскрешения, когда смерть-тишина означает лишь некую остановку в бесконечном процессе воссоздания жизни-звука. Это выражается в сохранении двух струн домбры как животворительного источника Музыки-Души.

В «Родословии тюрков» — «Шаджарат ал-атрак» (XV в.) имеется любопытное описание того, как Чингисхан выразил свою скорбь по утрате сына:

Тогда Чингиз-хан сказал тюркский джир:

Кулун алган куландай кулунумдин айрылдым,
Айрылышкан анкаудай эр олумдин айрылдым.

то есть: «Подобно лосю, которого на охоте гонят, чтобы убить, сам он убегает, а детеныш его остается, также я отделился от своего ребенка и, подобно простаку, который из-за простоты попал в среду врагов в расчете на дружбу и отделился от спутников, так я отделился от мужественного сына моего».

Когда от Чингиз-хана изошли такие слова, все эмиры и нойоны встали, выполнили обычай соболезнования и стали причитать...

(Цит по: [Салтаев, 2012])

Для нас представляет особый интерес то, что в состоянии аффекта Повелитель Вселенной выражает свои чувства в классической форме тюркского жыра. Безусловно, это свидетельствует о том, что этот жанр, так же как и тюркский язык, являлся для него родным, укорененным глубоко в подсознании. Здесь ярко выражены стиливые и художественно-поэтические признаки эпической формульности, восходящие к древнейшим образцам фольклора, мифологии, ритуальности и обрядности. Важным в этой связи представляется древнейшая органичная изначальная связь формульности тюркских жыров с музыкой, с музыкальным ритмом, что и определяет особенность тюркской обрядности и ритуальности [Жанабаев, Акбердиқызы, 2015].

Таким образом, мы вновь видим, как музыка проникает во всю сферу, связанную с похоронной обрядностью. Различные версии легенды «Аксак кулан» и письменный источник XV в. «Шаджарат ал-атрак» свидетельствуют о том, что в эпоху Чингисхана сохранилось тенгрианское представление о сакральном статусе музыки.

Вера в жизнь души в ином мире нашла отражение и в песнях-плачах по умершему: жоктау — у казахов; кай — у поволжских татар; йиги йуклов, овоз солиш, овоз бароварди, нола — у узбеков; улюлдг дун — у калмыков; шаналахын дуун, үһэлэй дуун — у бурят. Песни-плачи похоронного цикла исполняются без инструментального сопровождения. Отсутствие в этих песенных жанрах инструментария, до-

минирование речитации, простых видов интонирования, ритмическое растягивание звуков может быть объяснено приближенностью к сакральному пространству с его дуализмом «Звука-Жизни и Безмолвия-Смерти» (см. подробно: [Ayazbekova, 2017]).

Музыка-Искусство

Тенгрианская цивилизация формирует не только представление о Музыке-Вселенной, Музыке-Душе, в ее недрах возникает и представление о Музыке как художественном творчестве, выполняющем сугубо эстетические функции. К ним можно отнести т. н. «развлекательные» песенные жанры, жанры любовной лирики, военную музыку и музыку детства. Однако следует заметить, что сакральный статус музыки в тенгрианской цивилизации обусловил отсутствие ярко выраженного водораздела между Музыкой-Вселенной, Музыкой-Душой и Музыкой-Искусством.

Тенгрианская семантика музыкального инструментария

Для тенгрианства характерно представление о связующей роли музыки в гармонизации противоположностей: макро- и микрокосмоса, мужского и женского начала, солнца и луны, дня и ночи, правого и левого, верхнего и нижнего, «своего» и «чужого».

Эти представления нашли свое яркое воплощение в древнем тюрко-монгольском музыкальном инструментарии.

Так, например, *морин-хуур* имеет две струны: одну — мужскую, а другую — женскую. Причем, «мужская» струна изготавливается из 130 волосков из хвоста скакового коня, а «женская» — из 105 волосков из хвоста кобылы.

Представление о Космической гармонии отражает и строение кобыза. Так, дека и расположенные на ней два колка, регулирующие две струны, означают Верхний мир. Выдолбленная часть кобыза, как две половинки мозга, представляет Срединный мир. Нижний мир — низ кобыза — есть не что иное, как воды — Хаос. Соприкосновение смычка и двух струн как двух видов энергии — солнечной и лунной, мужской и женской, пронизывающих весь Универсум, — создает Гармонию Космоса [Каракузова, Хасанов, 1993. С. 46]. В его конструкции наблюдаются также очертания лебедя, что соответствует тенгрианским представлениям о связующем месте этой птицы между мирами Вселенной, а легенды, связанные с этим музыкальным инструментом, свидетельствуют о его высоком статусе и способности поддерживать разграничение и связь миров, утверждая гармонию Вселенной.

Солнцеголовое божество — один из широко распространенных символов тенгрианства. Найденные при раскопках Отрара древние экземпляры саз-сырная с рисунком Солнцеголового божества [Амирова,

2014. С. 4] также свидетельствуют о тенгрианской космологической семантике этого инструмента. Интересен и процесс прозводства саз-сырная, состоящий из нескольких этапов, кульминация которого — освящение Тенгри:

Глина — горная порода, в смеси с водой — тестообразная пластичная масса, из которой лепят инструмент и обжигают, где лепка из глины — аналогия сотворения человека из глины, а последующий обжиг — не только превращение инструмента в твердую конструкцию, а своеобразное освящение огнем Великого Тенгри; и наконец — превращение в «каменеподобный материал» — готовый инструмент... При лепке инструмента перед обжигом делают звуковые отверстия — это воздух.

[Шайгозова, Султанова]

Вместо заключения

Процесс закрепления и устойчивого оформления культурной идентичности тюркского и монгольского миров, их формирование и кристаллизация связаны с более поздним периодом, когда из различных племенных образований, населяющих степную зону Евразии, складываются в VI в. — тюркский суперэтнос, а затем, в XII в., и монгольская нация. Именно с этого времени и тюрки, и монголы начинают противопоставлять себя и осознавать свою идентичность. Одновременно на основе этнических признаков из тенгрианской цивилизации вычленились и сформировались как ее «сыновние цивилизации» (термин Дж. Тойбни) цивилизации второго поколения — тюркская и монгольская.

Объединяющим началом тюркской цивилизации выступает тюркская языковая группа. Позже, в период формирования наций, из нее сформируются турки, азербайджанцы, казахи, кыргызы, туркмены, узбеки, каракалпаки, уйгуры, татары, башкиры, чуваша, балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, тувинцы, хакасы, якуты и др. Что касается монгольской цивилизации, то она также сформировала и объединила не только монголов, но и бурят, и калмыков.

Вычленение тюркской и монгольской цивилизаций из тенгрианской обусловлено как этническими процессами, так и созданием государственности (Тюркского каганата и Монгольской империи), а также изменением конфессиональной принадлежности — распространением ислама (реже — буддизма и христианства) у тюркских народов, буддизма и ламаизма — у монгольских. Развитию монгольской и тюркской идентичности с этого времени способствовала также кристаллизация из алтайской языковой семьи двух языковых групп — тюркской и монгольской.

Изменение своей конфессиональной сущности и принятие тюрками ислама (с VII в.), а монголами буддизма (с XIV в.) и ламаизма (с 1640 г.) привели к размежеванию тюрко-монгольского симбиоза и фор-

мированию особенностей, в том числе, и музыкальных.

В монгольской цивилизации с принятием буддизма распространилась традиция напевного чтения буддийской литературы; с конца XVII в. и до начала XX в., в период правления маньчжурской династии Цин, широкое распространение получают театрализованные действия при ламаистских монастырях [Каратыгина, 1990. С. 353].

Завоевания Чингисхана положили начало также и активному взаимодействию монгольской и китайской цивилизаций. Это выразилось в использовании монголами китайских инструментов и вытеснении названий исконно монгольских инструментов китайскими названиями (сямисэен — кит., чанз — монг.) [Дондокова, 2003. С. 76]; в сходстве инструментария (иочин — кит., ёочин — монг. [Смирнов, 1971. С. 71], ёчин — тув.); в практике их бытования (хучира, чанзы и иочина [Чжен, 2012]); в отдельных формах практики бытования музыки в обществе (оркестры, копирующие китайские в дворцовом церемониале при Угелей-хане и Хубилай-хане [Бадмаева, 2006]). Диффузные процессы между монгольской и китайской культурами наибольшее распространение получают в период Нового времени.

Конечно, дезинтеграционные процессы, смена религий, становление тюркской и монгольской цивилизаций, а позже — и отдельных наций привели и к размежеванию в сфере музыкальной культуры. Однако их общий генезис в рамках номадической и тенгрианской цивилизаций, а также параллельное функционирование тенгрианства в отдельных сферах жизнедеятельности — в традициях, обрядах, в мировоззрении, видах и жанрах искусства — и по сей день свидетельствуют о тюрко-монгольской общности. Так, например, в Бурятии и Монголии до настоящего времени существуют своего рода «двоеверские регионы» (шаманизм/буддизм), где шаманы получают два посвящения, а свои камлания они проводят сначала перед буддийским алтарем, а затем на шаманской половине юрты [Арсеньев, 2011].

Сохранению тюрко-монгольской общности в современный период во многом способствует сама музыка, поскольку музыкальный язык, с его возможностями в плане кодификации смыслов, выявляет повышенную степень сохранения той общности, которая возникла еще в глубокой древности в недрах номадической мировой и тенгрианской локальной цивилизаций.

Следует отметить, что ислам, христианство и буддизм в некоторой степени способствовали децентрализации тюркской цивилизации. Однако их отличие заключается в том, что тенгрианство — исконная религия тюрков, тогда как ислам возник у арабов, христианство — у европейских народов, буддизм — у юго-восточных народов. Неслучайно поэтому особенностью религиозных воззрений тюркских народов является то, что даже с принятием ислама, христианства и буддизма тенгрианство не было вытеснено, а продолжает существовать в обы-

чаях и обрядах, в представлениях о жизни и смерти, в культуре и психологии всех тюркских и монгольских народов. Именно этот запас монолитности номадической мировой и тенгрианской локальной ци-

вилизаций становится тем источником, который позволяет и сегодня ощущать единство тюркских и монгольских народов.

Использованная литература

- Агаева, 1987: *Агаева С.* Музыкальные инструменты средневековья в трактатах Абдугадира Мараги // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка: сб. статей и материалов. Ч. 1 / под общ. ред. Е. Гиппиуса. М., 1987. С. 192 (*Agayeva S. Muzikalniye instrumenty srednevekovyav traktatah Abdulgadira Maragi // Narodniye Muzikalniye instrumentyi instrumentalnaya muzika: sb. statey i materialov. P. 1 / edited by Y. Gippius. M., 1987. P. 192*).
- Акатаев, 1993: *Акатаев С. Н.* Мировоззренческий синкретизм казахов (Истоки народной мысли). Вып. 1. Алматы, 1993. С. 64 (*Akatayev S. N. Mirovozzrencheskiy sinkretizm kazakhov (Istoki narodnoy mysli). Issue 1. Almaty, 1993. P. 64*).
- Акатаев, 1994: *Акатаев С. Н.* Мировоззренческий синкретизм казахов (Истоки народной мысли). Вып. 2. Алматы, 1994. С. 92 (*Akatayev S. N. Mirovozzrencheskiy sinkretizm kazakhov (Istoki narodnoy mysli). Issue 2. Almaty, 1994. P. 92*).
- Амирова, 2014: *Амирова Г.* Поющая глина // Костанайские новости. 19.02.2014. Костанай, 2014. С. 4 (*Amirova G. Poyushaya glina // Kostanayskiye novosti. 19.02.2014. Kostanay, 2014. P. 4*).
- Арсеньев, 2011: *Арсеньев И.* Буддизм и шаманы. — Январь, 07, 2011 г. — URL: <http://www.dharmakaya.ru/forum/index.php?topic=17.0> (дата обращения: 12.05.2018). (*Arsenyev I. Buddizm i shamany. — January, 07, 2011. — URL: http://www.dharmakaya.ru/forum/index.php?topic=17.0 (data obrashcheniya: 12.05.2018)*).
- Аязбекова, 1999: *Аязбекова С. Ш.* Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. Алматы, 1999. С. 204—223 (*Ayazbekova S. Sh. Kartina mira etnosa: Korkut-Ata i filosofiya muziki kazakhov. Almaty, 1999. P. 204—223*).
- Аязбекова, 2016: *Аязбекова С. Ш.* Мировые цивилизации в системе культурных универсалий // 126-я Междунар. науч.-практ. конф. «Феномен человеческого творчества в перипетиях исторического процесса» / 2-й этап первенства по культурологии. Лондон, 23—30 июня 2016 г. (*Ayazbekova S. Sh. Miroviyi tsivilizatsiyi v sisteme kulturnyh universalii // 126 Mezhdunar. nauch.-pract. konf. «Fenomen chelovetsheskogo tvorchestva v peripeti-yah istoricheskogo protsesssa» / 2 etap pervenstva po kulturologiyi. London, 23—30 June 2016*).
- Аязбекова, 2017: *Аязбекова С. Ш.* Сакральная история и география: тенгрианская цивилизация в зеркале археологии // Альманах «Мәдениет. Культура. Culture». 2017. № 1 (*Ayazbekova S. Sh. The sacred history and geography: the Tengrian civilisation in the mirror of archaeology // «Madeniyet. Kultura. Culture» Anthology. 2017. № 1*).
- Бадмаева, 2006: *Бадмаева Г. Ю.* Межкультурное взаимодействие в традиционном музыкальном инструментари калмыков // Музыковедение. М., 2006. № 4. С. 28—35 (*Badmayeva G. Y. Mezhekulturnoye vzaimodeystviyev traditsionnom muzikalnom instrumentariyi kalmykov // Muzikovedeniye. M., 2006. № 4. P. 28—35*).
- Дондокова, 2003: *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ, 2003. С. 76. (*Dondokova D. D. Leksika duhovnoy kultury buryat. Ulan-Ude, 2003. P. 76*).
- Жанабаев, Акбердиқызы, 2015: *Жанабаев К., Акбердиқызы У.* Теория Парри-Лорда в исследовании поэзии жырау XV—XVIII веков // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сериясы = Вестник КазНУ. Серия филология. 2015 г. № 4. Астана, 2015. С. 93—97 (*Zhanabayev K., Akberdikyzy U. Teoriya Parri-Lorda v issledovanii poeziyi XV—XVIII vekov // KazUukhabarshisi. Filologiya seriyasy = Vestnik KazNu. Seriya filologiya. 2015. № 4, Astana, 2015. P. 93—97*).
- Каракузова, Хасанов, 1993: *Каракузова Ж. К., Хасанов М. Ш.* Космос казахской культуры. Алматы, 1993 (*Karakuzova Zh. K., Khasanov M. Sh. Kosmos kazakhskoy kultury. Almaty, 1993*).
- Каратыгина, 1990: *Каратыгина М. И.* Монголии музыка // Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990. С. 352—353 (*Karatygina M. I. Mongoliyi muzika // Muzikalniy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990. P. 352—353*).
- Кондратьева, 1996: *Кондратьева Н. М.* Скотоводческие заговоры теленгитов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1996. С. 3 (*Kondratyeva N. M. Skotovodcheskiye zagovory telengitov. Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Novosibirsk, 1996. P. 3*).
- Магауин, 1970: *Магауин М.* Кобыз и копье. Повествование о казахских акынах и жырау XV—XVIII веков / пер. с каз. П. Косенко. Алма-Ата, 1970. С. 3—7 (*Magauin M. Kobyz i kopye. Povestvovaniye o kazakhskih akynah i zhyrau XV—XVIII vekov / Transl. s kazakh by P. Kosenko. Alma-Ata, 1970. P. 3—7*).
- Оразбаева, 2005: *Оразбаева А. И.* Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы, 2005 (*Orazbayeva A. I. Tsivilizatsiya kochevnikov yevraziyskih stepey. Almaty, 2005*).
- Орынбеков, 1994: *Орынбеков М. С.* Предфилософия протоказахов. Алматы, 1994. С. 192 (*Orynbekov M. S. Predfilosofiya protokazakhov. Almaty, 1994. P. 192*).
- Простомолотов, 2015: *Простомолотов Е.* Домбор — древний музыкальный инструмент тюркских и монгольских народов. Легенда о домбре // ARD. 10 сентября 2015. — URL: <http://asiarussia.ru/articles/9064/> (дата обращения: 12.05.2018). (*Prostomolotov Y. Dombor — drevniy muzikalniy instrument turkskih i mongolskih narodov. Legenda o dombre // ARD. 10 September 2015. — URL: http://asiarussia.ru/articles/9064/ (data obrashcheniya: 12.05.2018)*).
- Сагалаев, Октябрьская, 1990: *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 143—160 (*Sagalayev A. M., Oktabrskaya I. V. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk, 1990. P. 143—160*).
- Салтаев, 2012: *Салтаев Н.* «Чингизхан был казахом. Подборка средневековых источников» // Казахстанский военный сайт. 3 декабря 2012 г. URL: <http://military->

- kz.ucoz.org/publ/drevnjaja_istorija/altynorda/n_saltaev_quot_chingiskhan_byl_kazakhom_podborka_srednevekovykh_istochnikov_quot/2-1-0-318 (дата обращения: 12.05.2018). (Saltayev N.: «Chingizhan byl kazakhom. Podborka srednevekovykh istochnikov» // *Kazakhstanskiy voyenniy sayt*. 3 December 2012 — URL: http://military-kz.ucoz.org/publ/drevnjaja_istorija/altynorda/n_saltaev_quot_chingiskhan_byl_kazakhom_podborka_srednevekovykh_istochnikov_quot/2-1-0-318 (data obrashcheniya: 12.05.2018)).
- Смирнов, 1971: *Смирнов Б. Ф.* Монгольская народная музыка. М., 1971. С. 71 (*Smirnov B. F.* *Mongolskaya narodnaya muzika*. М., 1971. P. 71).
- Содгэрэл, 2013: *Содгэрэл Т.* Современное состояние игры на цууре в Западной Монголии // *Studia culturae*. Вып. 18. Научный журнал кафедр культурологии, эстетики и философии культуры, Центра изучения культуры Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб., 2013. 317 с. (*Sodgerel T.* *Sovremennoye sostoyaniye igry na tsuure v Zapadnoy Mongolii* // *Studia culturae*. Issue 18. Nauchniy zhurnal kafedr kulturologiyi, estetiki i filosofiyi kultury, Tsentra izucheniya kultury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. SPb., 2013. 317 p.).
- Содгэрэл, 2016: *Содгэрэл Т.* Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации // *Монголика-XVII*: сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. С. 65—68 (*Sogerel T.* *Naigryshy na tsuure v Zapadnoy Mongolii: voprosy klassifikatsiyi* // *Mongolika-XVII*: sb. st. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2016. P. 65—68).
- Сузукей, 2010: *Сузукей В. Ю.* Тюрко-монгольские музыкальные традиции в современном социокультурном пространстве // *Новые исследования Тувы*. 2010. № 4. (*Suzukey V. Y.* *Turko-mongolskiye muzikalniye traditsiyi v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve* // *Noviye issledovaniya Tuvy*. 2010. № 4).
- Халтаева, 1991: *Халтаева Л.* Генезис и эволюция бурдонного многоголосия в контексте космогонических представлений тюрко-монгольских народов: дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1991 (*Khaltayeva L.* *Genезis i evolutsiya burdonnogo mnogogolosiya v kontekste kosmogonicheskikh predstavleniy turko-mongolskikh narodov*: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata iskusstvovedeniya. Tashkent, 1991).
- Чжен, 2012: *Чжен И. А.* Традиционная инструментальная музыка Китая и Монголии в контексте диффузных процессов // *Гуманитарный вектор*. 2012. № 3 (31). С. 225 (*Chzhen I. A.* *Traditsionnaya instrumentalnaya muzyka Kitaya i Mongolii v kontekste diffuznih protsessov* // *Gumanitarniy vektor*. 2012. № 3 (31). P. 225).
- Шайгозова, Султанова: *Шайгозова Ж. Н., Султанова М. Э.* Сазсырнай и сабызги — дар Тэнгри // сайт «Казахский научно-исследовательский институт Министерства культуры и спорта Республики Казахстан». — URL: <http://www.cultural.kz/ru/page/view?id=67> (дата обращения: 12.05.2018). (*Shaygozova Zh. N., Sultanova M. E.* *Sazsyrnay i sybyzgy — dar Tengri* // *sayt «Kazakhskiy nauchno-issledovatel'skiy institut Ministerstva kultury i sporta Respubliki Kazakhstan»*. — URL: <http://www.cultural.kz/ru/page/view?id=67> (data obrashcheniya: 12.05.2018)).
- Яцковская, 1988: *Яцковская К. Н.* Народные песни монголов. М., 1988 (*Yatskovskaya K. N.* *Narodniye pesni mongolov*. М., 1988).
- Ayazbekova, 2017: *Ayazbekova S.* «Music=Life» and «Silence=Death» in the Tengrian Philosophy of Immortality // *GISAP: History and Philosophy*. 2017. № 10. P. 18—22.

Ayazbekova S. Sh.

The Turkic-Mongolian musical unity in the context of nomadic and Tengrian civilizations

The article is dedicated to exploration of musical commonalities between the Turkic and Mongolian nations. According to the author, the genesis of Turkic-Mongolian Musical-Cultural Commonalities (TMMCC) is located in 2 civilisations — the world nomadic and the local Tengrian civilisations that emerged in the epoch of the Mesolithic.

The world nomadic civilisation has formed such defining characteristics of TMMCC as the verbal type of culture, the solo genres, the types and methods of creation and functioning of the musical instruments, the 'steppe' images of the nature and imitation of its sounds. The cosmocentric type of the world perspective peculiar to the world nomadic civilisation is examined in the capacity of precondition of the Tengrian civilisation formation.

The Tengrian local civilisation has defined a number of distinctive features of TMMCC such as preconception of the music as the Music-Universe, Music-Soul and Music-Art. The author examines the semantics of the musical instrumentarium in the context of Tengrism.

In conclusion, the author considers the process of consolidation and steady formation of the cultural identity of the Turkic and Mongolian worlds, as well as formation of the 'filial' Turkic and Mongolian civilisations out of the Tengrian civilisation.

Key words: Turkic-Mongolian Musical-Cultural Commonalities, Nomadic world civilisation, settled world civilisation, Tengrian civilisation, Turkic civilisation, Mongolian civilisation, Musical Instruments, Music-Universe, Music-Soul, Music-Art.

В. Н. Мазурин

Санкт-Петербург и Ленинград в судьбе Осора Будаева

DOI: 10.25882/b7qy-7307

Статья посвящена буддийскому монаху и художнику Осору Будаеву. В 1912—1914 гг. Осор Будаев принимал участие в работе по художественному оформлению возводимого в Санкт-Петербурге буддийского храма. Искусный резчик по дереву и талантливый художник, он выполнял самую разную работу. С осени 1932 г. по май 1936 г. он работал в Музее истории религии. Он принимал активное участие в формировании буддийской коллекции, выезжал в собирательские экспедиции, готовил предметы к экспонированию и оформлял экспозицию в Музее. После разгрома общежития при буддийском храме в феврале 1937 г. он был арестован и в августе расстрелян. В собрании Музея истории религии хранятся как его собственные оригинальные работы, так и те, что были выполнены по заказу Музея для экспозиции. Все они экспонировались на выставке, посвященной памяти Осора Будаева, которая была организована Музеем в 2015 г.

Ключевые слова: О. Будаев, Санкт-Петербург, буддийский храм, Ленинград, Музей истории религии.

Осор Будаев (1886—1937) — один из тех незаслуженно забытых людей, кого хотелось бы вернуть из небытия. Судьба этого человека оказалась тесно связанной и с Санкт-Петербургом, и, позднее, с Ленинградом. Буддийский монах, художник, сотрудник Музея истории религии, где проработал почти четыре года, он щедро делился своим талантом.

Краткую биографию Осора Будаева записал с его слов сотрудник Музея истории религии Георгий Оскарович Монзелер (1900—1959). В раннем детстве маленький сирота-пастушок, с 11 лет послушник Агинского дацана, одного из старейших буддийских монастырей на территории России. В 1904 г. восемнадцатилетний Будаев отправляется пешком в Ургу (совр. Улан-Батор) учиться искусству живописи. Он надеялся познакомиться с работами тибетских художников из свиты Далай-ламы XIII, который в это время находился в Монголии. В течение нескольких лет Будаев работал в мастерской китайского мастера, куда поступил по рекомендации Агвана Доржиева. Кроме живописи он в совершенстве овладел искусством резьбы по дереву, получил художественное образование в области искусства оформления буддийской книги. По возвращении в Бурятию Будаев выполнял многочисленные заказы своих земляков: писал иконы-танки, портреты, вырезал доски-клише и вскоре приобрел репутацию известного художника [Монзелер, 1934. Л. 7].

В Петербург впервые Осор Будаев приезжает вместе с другими бурятскими художниками по приглашению Агвана Доржиева (1853—1938) для участия в работе по художественному оформлению строящегося буддийского храма (1912—1915). Известно, что этими работами руководил Николай

Константинович Рерих (1874—1947). Как пишет А. И. Андреев, Будаев и его земляк Гэлэк-Чжамцо Цэбэгийн (1869—1940) как знатоки буддийского искусства были консультантами и помощниками великого художника [Андреев, 2004. С. 70]. В настоящее время сложно определить, какие именно детали интерьера храма выполнены Будаевым. Однако предположить, что, как искусный резчик по дереву и талантливый художник, он выполнял самую разную работу по художественному украшению храма, вполне закономерно.

По возвращении в Бурятию Будаев почти сразу был призван на театр военных действий Первой мировой войны, а после завершения таковых служил в Агинском дацане. В этот период он принимал самое активное участие в экспедициях, организованных Бурятским ученым комитетом для изучения народного искусства, быта и хозяйства бурят в Агинском районе.

В 1930 г. в жизни Осора Будаева начинается ленинградский период. Агван Доржиев вызывает в Ленинград группу лам Агинского дацана для исполнения мистерии цам. Какие-либо сведения о том, остались ли ламы из Агинского дацана после исполнения ритуала в Ленинграде или уехали домой, отсутствуют. Вместе с Агваном Доржиевым, с учеными-востоковедами и своими земляками Бадзаром Барадийновичем Барадийным (1878—1939) и Гомбожабом Цэбековичем Цыбиковым (1873—1930), О. Будаев проживает в общежитии при храме.

Осенью 1932 г. О. Будаев начал работать в Музее истории религии. В настоящее время не представляется возможным установить, что привело его в Музей. Предположительно, это произошло в сентябре.

Именно в это время из собирательской экспедиции в Бурятию вернулся Владимир Александрович Казакевич (1896—1937)¹. Привезенная им коллекция насчитывает около полутора тысяч единиц и включает ритуальные предметы, скульптуру, танки, документы, фотографии и негативы. В середине ноября 1932 г. состоялось торжественное открытие Музея истории религии в помещении Казанского собора. В конце ноября с О. Будаевым заключается договор сроком на месяц, в котором было указано, что первоначальной обязанностью художника О. Будаева является работа вместе с В. А. Казакевичем по описанию и систематизации вышеупомянутой коллекции [Ф. 221. Оп. 4. Д. 33. Л. 3]. В последующих договорах, которые заключались с О. Будаевым на более длительные сроки, он именовался художником-реставратором. Первым документом, в котором его должность обозначена именно так, является подписанный в конце января 1933 г. акт о вскрытии ящиков с деталями многофигурной композиции Сукхавати, переданных из Этнографического отдела Русского музея (совр. Российский этнографический музей): в составе комиссии значится и художник-реставратор О. Будаев.

В Музее истории религии О. Будаев активно занимался формированием коллекций, принимал участие в разработке планов раздела «Буддизм-ламаизм» будущей экспозиции. В 1933—1934 гг. из двух собирательских экспедиций в Бурятию он привез более ста двадцати экспонатов: танки, музыкальные инструменты, ритуальные предметы, среди которых были и работы, выполненные им еще в период служения в Агинском дацане. Как художник-реставратор он готовил к экспонированию многофигурную композицию «Буддийский рай», которая планировалась как центральная часть раздела экспозиции «Буддизм-ламаизм». Основная часть экспозиции располагалась в двухъярусных нишах, конструкции для которых были созданы и оформлены Будаевым. В настоящее время детали конструкции первой экспозиции музея, бережно сохраненные в годы войны, перевезены в новое здание Музея и использованы при создании современной экспозиции.

В верхней части ниши располагалась скульптура божества, а внизу — картины на шелке, написанные Будаевым по заказу Музея. Для одной из ниш была написана картина-триптих на шелке «Взимание церковных податей», или «Быт монастыря». Этот триптих экспонировался и в послевоенное время, вплоть до переезда Музея в новое здание. Директор Музея Владимир Германович Богораз-Тан (1865—1936) так писал об этой работе Будаева: «Эти картины, написанные с большим мастерством, сочетают в себе прекрасную технику, прозрачность и тонкость красок...» [Богораз-Тан, 1934. Л. 7]. Для ниши, где предполагалось рассказать о ритуалах жертвоприношения, Будаев написал картину на шелке «Освящение знамени». На картине изображен ритуал освящения знамени победы кровью пленного.

По заказу Музея в 1933 г. он написал танку с изображением богини-защитницы Белой Тары, которой Будаев постарался придать черты Екатерины II. Согласно традиции, русские цари почитаются как земные воплощения этой богини.

Осор Будаевич Будаев
(1886—1937)

Будаев много работал, выполняя заказы Музея не только для раздела «Буддизм-ламаизм», но и для других разделов экспозиции. В 1935 г. он написал картины на шелке «Пришествие Ойрот-хана» и «Возлияние молока» для стенда «Бурханизм», копировал экспонаты, предоставленные Музеем антропологии и этнографии для стенда «Религии Индии» и раздела древних верований. В этом же году Будаев написал танку с изображением богини Белой Тары уже по заказу Центрального антирелигиозного музея в Москве. Еще одну собирательскую экспедицию в Бурятию Музей истории религии планировал в 1935 г., но она не состоялась из-за финансовых трудностей.

Директор Музея В. Г. Богораз-Тан очень тепло относился к Будаеву. Неоднократно ему приходилось составлять справки, в которых он писал о том, что присутствие Будаева как знатока буддийских традиций крайне необходимо для создания выставок и экспозиции. Но после смерти В. Г. Богораз-Тана в мае 1936 г. Будаев был уволен из Музея. Согласно архивным документам, Будаев до момента ареста в начале февраля 1937 г. несколько месяцев работал в Музее революции (в настоящее время Государственный музей политической истории) [Архив ФСБ. Д. П-51633. Л. 4], где создал еще две картины. Они

написаны на хлопковой ткани и воспроизводят события, происшедшие в Средней Азии в 1916 г. На одной из картин в левом нижнем углу стоит подпись О. Будаева.

После разгрома в конце января 1937 г. общежития при буддийском храме все его обитатели были арестованы и впоследствии расстреляны в августе 1937 г. Как и многие другие, О. Будаев обрел свое последнее пристанище на Левашовской пустоши.

Музей истории религии обладает уникальной коллекцией работ Осора Будаева. В марте 2015 г. в нем открылась выставка, посвященная памяти этого буддийского монаха, художника, сотрудника Музея. Она стала заметным событием в год столетия буддийского храма Гунзэчойнэй. На выставке экспонировались работы О. Будаева — как выполненные до 1930 г., так и созданные по заказу Музея, а также предметы, привезенные из собирательских экспедиций 1933—1934 гг., фотографии и документы. В процессе подготовки выставки удалось атрибутировать одну из ранних работ Будаева — танку с изображением Ринчина Самбу Данжинова (1827—1922), выдающегося эмчи-ламы Агинского дацана. Первой предположение, что на танке изображен именно эмчи-лама Данжинов (а не хамбо-лама Агван Доржиев, как считалось ранее), высказала Е. Ю. Харькова. Это предположение было подтверждено дид-хамбо по Забайкальскому краю Цырен-ламой Дондукбаевым, который прислал историческую фотографию Ринчина Самбу Данжинова. В личной беседе с автором (октябрь 2015 г.), Цырен-лама сообщил, что Будаев написал портреты обоих братьев Данжиновых. Портрет старшего брата — Лобсана-Доржи, седьмого настоятеля Агинского дацана (1823—1899) — Будаев написал с фотографии, а танка-портрет младшего брата является прижизненным. Эмчи-лама Ринчин Самбу Данжинов прославился тем, что основал медицинский факультет в Агинском дацане и был его первым ректором. Он автор труда «Наставления о лечении больных», много лет занимался составлением рецептурников на основе местных лекарственных растений.

Будаев был известен как искусный резчик по дереву. Ко времени служения его в Агинском дацане относится создание доски-клише с сюжетом Сансарын-хурдэ. Помимо традиционного изображения символов Индии, Тибета, Монголии и Китая, Будаев вводит символ России. Так появляются изображения русской избы, на пороге которой сидит женщина с ребенком на руках, мужиков, идущих за плугом, самолета, паровоза и заводской трубы с флагом. Эта работа была выполнена Будаевым в 1925 г. ко Второму всебурятскому духовному собору буддистов по заказу Агвана Доржиева. Эту свою работу Будаев привез из собирательских экспедиций в Бурятию 1933—1934 гг. Доска была использована как крышка

одного из ящиков с предметами, собранными для музея. Один из многочисленных оттисков с этой доски хранится в музейном собрании. Он выполнен черной краской на плотной ткани. Отметим, что этот экземпляр оттиска был отослан в Москву в ЦСВБ. На оборотной стороне указан адрес отправителя: Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ), обком ВКПб. Именно об этом оттиске упоминал В. Г. Богораз-Тан при описании антирелигиозной выставки 1930 г. В дальнейшем этот оттиск, как и многие другие, предполагалось раскрасить. Помимо доски-клише Будаев привез в Музей резное изображение мандалы, незаконченную работу со следами разметки предполагаемых изображений и орнаментов. Так он спас свои работы от возможного уничтожения.

После закрытия в середине 1940-х гг. Центрального антирелигиозного музея в Москве все имущество было передано Музею истории религии. В собрании музея оказалось около двадцати работ Будаева. В середине 1920-х гг. по заказу сотрудников ЦАМ он написал картину-танку «Шамбала», танку «Сожжение сор» (завершающий ритуал мистерии цам), пятнадцать графических копий-иллюстраций Атласа тибетской медицины и две картины с изображением бурятков в национальной одежде. Почти через полгода после гибели Будаева, в январе 1938 г., эти работы были привезены в Москву сотрудником ЦАМ Н. А. Пупышевым. В настоящее время не представляется возможным установить, где хранились работы Будаева в Бурятии и как удалось вывезти их в Москву.

В период своей жизни в дацане Гунзэчойнэй и работы в Музее истории религии Будаев повторил сюжет своей ранней танки «Сансарын-хурдэ», но с некоторыми изменениями. Среди символов России он оставил только избу, мужиков за плугом и паровоз. Предположительно, он сам передал эту танку в Музей истории религии. На выставке также экспонировались и предметы, привезенные из экспедиций в Бурятию: скульптура, танки, культовая утварь, музыкальные инструменты. В отдельную группу на выставке были выделены архивные документы. Это договоры о приеме на работу, различные справки, командировочное удостоверение, акты о выполнении работ по заказу Музея.

Уникальная коллекция О. Будаева, к которой можно причислить не только его оригинальные работы и выполненные им по заказу Музея копии, но также предметы, собранные в экспедиции, и детали оформления первой экспозиции составляет гордость Музея истории религии.

В Санкт-Петербурге об Осоре Будаевиче Будаеве напоминает художественное украшение буддийского храма. С Ленинградом (ныне Санкт-Петербург) Будаева связала работа в Музее истории религии в качестве художника-реставратора по оформлению первой экспозиции.

Литература

- Андреев, 2004: *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной Столице. СПб., 2004 (*Andreev A. I.* Hram Buddhi v Severnoy Stolice. SPb., 2004).
- Богораз-Тан, 1930: *Богораз-Тан В. Г.* Антирелигиозная выставка АН СССР 1930 г. // М. М. Шахнович, Т. В. Чумакова. Музей истории религии Академии наук СССР и российское религиоведение (1932—1961). СПб.: Наука, 2014. С. 106 (*Bogoraz-Tan V. G.* Antireligioznaya vystavka AN SSSR 1930 g. // Shahnovich M. M., Chumakova T. V. Musey istorii religii Akademii nauk i Rossiyskoe religiovedenie (1932—1961). SPb: Nauka, 2014. S. 106).
- Богораз-Тан, 1934: *Богораз-Тан В. Г.* Новые безбожные пути церковного бурятского искусства. СПбф АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 10 (*Bogoraz-Tan V. G.* Novie bezbozbonie puti cerkovnogo buryatskogo iskusstva. SPbf ARAN. F. 250. Op. 3. D. 103. L. 10).
- Монзелер, 1934: *Монзелер Г. О.* Краткая биография О. Будаева 1934 г. СПбф АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 7 (*Monzeler G. O.* Kratkaya biografiya O. Budaeva. SPbf ARAN. F. 250. Op. 3. D. 103. L. 7).
- Отдел учета ГМИР. Акт от 25.01.1933 г. (Otdel ucheta GMIR. Akt ot 25.01.1933).
- Следственное дело Осора Будаева. Архив ФСБ. Д. П-51633. Л. 4 (Sledstvennoe delo Osora Budaeva. Arhiv FSB. D. P-51633. L. 4).
- СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 33. Л. 3 (SPbF ARAN. F. 221. Op. 4. D. 33. L. 3).
- Цыбыктарова, 1992: *Цыбыктарова С. Д.* Осор Будаев — мастер Петроградского Буддийского храма // Orient. Альманах. Вып. 1 СПб., 1992. С. 40 (*Cibiktarova S. D.* Osor Budaev — master Petrogradskogo buddiyskogo hrama // Orient. Almanah. Vip. 1. 1992. S. 40).

V. N. Mazurina

St. Petersburg and Leningrad in the fate of Osor Budaev

The article focuses on Buddhist monk and artist Osor Budaev. In 1912—1914 Osor Budaev participated in the work of the decoration of Buddhist temple in St. Petersburg. A skilled carver and talented artist, he performed very different pieces. From autumn 1932 to May 1936 he worked at the Museum of the History of Religion in Leningrad. He played an active role in the formation of the Buddhist collection, travelled with collection-expeditions, prepared items to be exhibited and designed the exhibition. After the defeat of the hostel at a Buddhist temple in February 1937 he was arrested and executed. The collection of the Museum of the History of Religion kept both original works and custom-made for museum exposition. All of them were exhibited at an exhibition dedicated to the memory of Osor Budaev, that was organized by the Museum.

Key words: Budaev, St. Petersburg, a Buddhist temple, Leningrad, The State Museum of the History of Religion.

О. Чинбаяр

Русская литература XX века на монгольском языке Из опыта переводчика

DOI: 10.25882/kqzq-c862

Статья рассматривает проблемы перевода художественных произведений русских писателей XX в. на монгольский язык, а также сегмент переводных изданий в издательской деятельности Монголии.

Ключевые слова: художественное произведение, особенности перевода, перевод на монгольский, русские писатели, переводная литература.

Развитие монгольской культуры после Народной революции 1921 г. ускорило процесс модернизации национальной культуры, в котором национальное находится в единстве с русским. Большое влияние Советского Союза начало сказываться не только в политической и экономической жизни страны, но и в культуре новой независимой Монголии. В начале 1940-х гг. было принято решение ЦК МНРП о переходе на кириллицу во всех государственных сферах, что усилило интерес монгольских переводчиков к русской литературе.

Как известно, контактные связи автора оригинала и переводчика проявляются через взаимодействие культур. Переводная рецепция русской литературы в Монголии начинается в 1920-е гг., а популярность переводимых писателей меняется в зависимости от потребности читателя. Серьезные результаты переводов русской литературы в Монголии отмечает монголовед Л. Г. Скородумова: «...Огромный пласт в монгольской культуре XX века составляет переводная литература с русского языка. На монгольский язык переведены практически все значимые произведения русской и советской классики. По признанию самих писателей, современную монгольскую литературу с развитой системой жанров и стилистикой невозможно себе представить без ее связи с русской и советской литературой. Сама переводная литература ныне является органической частью собственной национальной словесности...» [Скородумова, 2016. С. 161].

Рецепцию русской литературы в Монголии можно рассмотреть с разных сторон. Важные аспекты данной проблемы — анализ роли переводчика художественной литературы, его личности и умения адекватно передать на родном языке текст оригинала. В данной статье рассматривается работа переводчиков русской художественной литературы с 1940 до конца 2017 г., при этом мы остановимся на творчестве самых переводимых в Монголии русских писателей XX в.

В послевоенные годы было немало одаренных и достаточно эрудированных поэтов: Ч. Чимид (1927—1980), М. Цэдэндорж (1932—1982), переводчики художественной прозы С. Бадраа-старший (1923—) и Ж. Бадраа-младший (1926—1993), Ц. Хасбаатар (1930—2002) и др. Благодаря переводам М. Цэдэндоржа, монгольский читатель смог познакомиться со многими произведениями В. Маяковского, Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса, К. Симонова, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, В. Солоухина и др. Выдающийся монгольский переводчик Б. Ринчен (1905—1977) писал: «...Благодаря переводам с русского монгольский читатель познакомился с литературами почти всех союзных и автономных республик необъятной Советской страны. Через русский переведено и немало произведений писателей других стран и народов. И если старая монгольская литература знала на своем языке произведения лишь писателей Востока, то теперь в переводах с русского только за последние четверть века монгольские читатели познакомились с литературой более ста народов Европы, Азии, Америки, Австралии и Африки. Они открыли нашему сегодняшнему читателю целый доселе ему неизвестный мир...» [Ринчен, 1991. С. 203].

До 1990-х гг. в Монголии работал Государственный комитет печати и вся литература издавалась только по его разрешению. В особенности переводы зарубежной литературы, в том числе и русской, которые издавались лишь по согласованию с высшими органами. Можно сказать, в 1940—1990-е гг. были изданы основные произведения русских писателей XX в.

В этот период во многом благодаря созданию художественных текстов сформировался литературный язык, что позволило монгольскому читателю оценить по достоинству творческие достижения и стиль русских писателей. Переводчики научились мастерски сохранять содержание и форму произведения, зачастую удачно передавая целостность смы-

сла оригинала и его художественного выражения. Переводчиками русской литературы были известные культурные деятели, поэты, писатели: Б. Ринчен, Ц. Дамдинсүрэн (1908—1986), С. Бадраа, М. Цэдэндорж, Ш. Очирбат, Д. Гомбожав, Ш. Цэндгомбо, Ч. Чимид, Ц. Шүгэр, М. Шатар, Б. Дашцэрэн и др. Часто монгольские писатели после учебы в России по возвращении на родину занимались популяризацией русской культуры и литературы.

Следует отметить, что пределы интерпретации и перевод произведения во многом зависят как от самого переводчика, так и от эпохи. А также важна степень владения им родным и русским языками. Чтобы правильно воссоздать образ оригинала произведения в переводе, нужно адекватно перевести текст с одного языка на другой. От способности доступно передать текст оригинала, от интерпретации переводчика зависит, насколько глубоко и точно воспримет зарубежный читатель текст перевода какого-нибудь произведения. Правильно, без искажений сделанный перевод продлевает жизнь переводимого произведения на иностранном языке и способствует взаимодействию разных национальных культур и литератур. В популяризации перевода художественной литературы большую роль играет личность переводчика.

О большой роли переводчика в процессе взаимосвязей разных культур современный болгарский книговед В. В. Николова пишет: «...Переводчик, работая над текстом, переводя его, интерпретирует художественное произведение, вкладывая в него неповторимость своего стиля, своей культуры, чувствительности, умений, вкуса, формируя новый текст на основе оригинала. В каком-то смысле переводчик художественного произведения становится соавтором, потому что должен разглядеть, осмыслить и передать не только авторский замысел, но и подтексты, которые прячутся в оригинале, уловить игру слов, метафоры и т. д. через искусство интерпретации, то есть через искусство перевода...» [Николова, 2013. С. 146].

Для издателя литературно-художественной книги особенно важным является поиск талантливого, опытного переводчика, который обеспечит высокое качество издания. Нужно отметить, какое активное распространение в культурной жизни Монголии 1940-х гг. получили произведения русских писателей XX в.: М. Горького, Н. Островского, В. Маяковского, А. Серафимовича. А чуть позже монгольские читатели знакомятся с выдающимися произведениями М. Шолохова, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, В. Распутина и др. Издания русских писателей XX в., представленные монгольскому читателю, знакомят их с новинками и с основными тенденциями литературного процесса России, такими литературными течениями, как символизм и экспрессионизм, которые ускоренными темпами утверждались и в Монголии, обогащая монгольскую национальную культуру и литературу.

Таким образом, переводы литературных произведений с русского языка имели для монгольских читателей и писателей огромное воспитательное значение, именно тогда в монгольской периодике и стал наиболее популярным жанр очерка и рассказа.

Кроме таланта, переводчику художественной литературы необходимо глубоко знать русский язык и русский быт, а также усердно работать над текстом произведения. Если этого нет, то перевод становится недостаточно точным. Неточности передачи смысла переводимого текста справедливо критиковал Б. Ринчен: «...Редактируя в 1950 году перевод романа советского писателя В. Яна, я обнаружил, что незнание переводчиками мусульманской мифологии и недостаточное знание русского языка приводили их к курьезам, выписка которых заняла у меня объемистую тетрадь. Так, например, „ночные дивы, порхавшие над шатром“, были превращены в этом переводе в „ночных девок, порхавших над палаткой...“» [Ринчен, 1991. С. 202].

В какой-то мере личность переводчика становится почти такой же важной, как и личность автора. Монгольский читатель знакомится с текстом зарубежного автора через посредника, т. е. через переводчика, который выбирает для перевода те или иные произведения и тем самым участвует в формировании репертуара монгольского книгоиздания. Переводчик играет особую роль в монгольском культурном пространстве исследуемого периода. Повышенный интерес к русской литературе в период 1950—1980-х гг. со стороны монгольской интеллигенции способствовал развитию литературного языка и переводческих традиций, формируя переводческую школу художественной литературы, что сыграло важную роль в становлении национального книгоиздания.

Потребности читателя также влияли на развитие художественного перевода с русского языка в Монголии. В основном читались романы и рассказы. Наряду с этим всегда востребованной оказывалась и детская литература, о чем можно судить по тому, как много было сделано переводов с русского языка для детей. В 1940—1990 гг. были переведены и изданы произведения таких авторов, как М. Пришвин, П. Бажов, К. Чуковский, С. Маршак, А. Волков, В. Бианки, В. Катаев, А. Гайдар, Л. Кассиль, А. Барто, Н. Носов, Л. Пантелеев, С. Михалков, Ю. Нагибин, С. Баруздин, Э. Успенский и др. Развитие русской литературы XX в. во многом зависело от идеологии Советского Союза, но с конца 1980-х гг. с началом перестройки и гласности произошли значительные сдвиги в литературном процессе России. Это констатирует И. К. Сушилиа: «...Последние пятнадцать лет XX столетия в истории нашей литературы по-особому значимы. Отечественная словесность наконец оказалась свободной от директивного идеологического давления. При этом литературный процесс отличался повышенным драматизмом и сложностью объективного характера. Стремление воссоздать историю литературы последнего столетия во всей ее

целостности (возвращение читателю насильственно не допущенных в советское время произведений А. Платонова, М. Булгакова, Б. Пастернака, обэриутов, писателей серебряного века, эмигрантов и др.) едва не вытеснило современную литературу вообще...» [Сушилина, 2001. С. 124].

Нужно отметить, что интерес монгольского общества к русской литературе возник еще в самом начале XX в., когда появились первые переводы на монгольский язык. Не только на духовное и интеллектуальное становление читателей, но также и на наших писателей во многом повлияла русская литература в широком смысле слова. Это существенный феномен истории взаимоотношений двух наших стран. Я согласен с М. Лоскутниковой, которая пишет, что «после Демократической революции 1990 года отношения с Россией начали становиться холоднее в политическом плане. Это тоже отрицательно повлияло на нашу сферу деятельности. И до начала этого века русских классиков не переводили — такая была „воля“ времени. Но в последние несколько лет уже идёт „потепление“ в этом плане. Монгольские читатели, в основном молодёжь, с интересом читают новые переводы русских классиков и даже практикуют обсуждения прочитанных произведений не только зарубежных, но и русских писателей. Они критикуют переводы наших переводчиков во всех аспектах. Хотя критика переводной литературы замерла с 90-х годов, сегодня она расцветает благодаря читателям XXI века, которые не боятся публично высказывать свои мысли...» [Лоскутникова, 2016. С. 174—179].

Наши переводчики, знатоки русского языка, по мере возможности занимаются переводами ранее не переведённых произведений русских авторов. За последние два года были изданы переводы рассказов С. Довлатова, романы Г. Газданова «Вечер у Клер», «Возвращение Будды», роман В. Войновича «Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», «Избранные стихотворения» Е. Евтушенко (издание с русским оригиналом). В данное время автор этих строк работает над переводом знаменитого романа Саши Соколова «Школа для дураков», надеюсь, что монгольская читательская публика будет и впредь проявлять интерес к русской литературе, к русскому языку. Для этого необходимо, чтобы проявили усердие молодые профессиональные переводчики с русского языка. При этом особую роль будет играть обучение в Литературном институте им. М. Горького группы молодых монгольских переводчиков. Надеюсь, что в скором будущем это даст свои плоды.

После демократической революции 1990 г. и ликвидации Государственного комитета по печати появились новые частные издательства. Тогда сам переводчик подбирал свой переводной материал и тем самым оказывал влияние на выбор издателя, на издательский репертуар, но это влияние продолжалось до начала 2000-х гг. С конца 1990-х г. издательства начали сами предлагать переводчикам для перевода те тексты произведений русской и зарубежной

литературы, которые они считали нужными. В основном это бестселлеры, при этом процент перевода произведений русских писателей XX в. слишком мал по сравнению с 1960—1980-ми гг. Но остаются до сих пор переводчики, которые верны серьёзной русской литературе и переводят только те произведения, которые им по душе.

Благодаря знаменитому монгольскому переводчику Г. Акиму, монгольские читатели познакомились с «Плахой» («Цаазын тавцан», 1989) Ч. Айтматова. Тема нравственности, звучащая в этом романе, занимала центральное место и в монгольской литературе второй половины 80-х гг., поэтому «Плаха» сразу завоевала монгольского читателя. Знаменитый роман Ч. Айтматова высоко оценили русские литературоведы, отметив актуальность проблематики произведения: «„Плаха“ привлекает и гражданской смелостью, и принципиальностью позиции писателя. Он критикует те негативные явления в нашей жизни, которые необходимо изживать. Ч. Айтматов, беззаветно любящий Человека, всем ходом своего повествования доказывает, сколь необходима острая борьба с бездуховностью и приспособленчеством, с распространителями наркотического дурмана, с начетчиками и догматиками», — пишет Т. Т. Давыдова [Платонов, 2017]. В своем докладе о переведенном романе Г. Аким обратил внимание на проблему, которая оказалась для него особенно существенной: «Ч. Айтматов <...> задается вопросом: „Да, законы человеческих отношений не поддаются математическим исчислениям, и в этом смысле Земля вращается как карусель кровавых драм... Так неужто карусели этой дано кружить до самой кончины света, пока вращается Земля вокруг Светила?“ / „Хүмүүний харилцааны хуулийг тоогоор хэмжиж үл болно. Энэ утгаар Дэлхий цуст үйлийн хүрд адил тэнхлэгээ эргэнэм билээ. Алтан дэлхий Гэрэлт нараа тойрон эргэж, ер нь энэ хүрд ертөнц мөхөхийг хүртэл эргэлдсээр байх учиртай юм гэж үү?“ / Этот вопрос о карусели кровавых драм, вращающейся до окончания Света, трагичность, драматичность этого вопроса, затрагивающие душу читателей, проходят красной нитью через весь роман. И я как переводчик старался по мере своих сил передать эту трагичность и драматичность романа...» [Платонов, 2015]. Хотя роман «Плаха» переведен в 1989 г., он до сих пор считается шедевром перевода с русского, а также любимым произведением монгольских читателей нынешнего поколения. Нужно отметить, что, кроме таланта, переводчику художественной литературы необходимо глубокое знание русского языка и русского быта, а также умение усердно работать над текстом переводимого произведения. Перевод опирается на языковой материал, и вне передачи смысла и семантических обертонов слов и словосочетаний художественный перевод не может существовать. Поэтому сам процесс перевода тоже должен опираться на знание обоих языков и на понимание закономерностей их соотношения. Соблюдение языковых законов обязательно как для оригинала, так и

для перевода. Но художественный перевод отнюдь не изыскание только лишь языковых соотношений. Задача переводчика — передать на родном языке образ художественного произведения. Поэтому переводчик играет особую роль в монгольском культурном пространстве исследуемого периода.

В нынешнее время интерес к России, к русской культуре, в том числе и к литературе начал возрождаться. Есть сдвиги в положительную сторону, и в этом процессе главную роль должны играть переводчики. На своем примере могу сказать, что у монгольских читателей появилась возможность читать на родном языке знаменитый роман А. Платонова «Чевенгур» (издан в мае 2017 г.). Как переводчик «Чевенгура» отмечу, что при чтении романа могут возникать разные трудности. В «Чевенгуре» много сложной лексики: просторечия, диалектизмы, историзмы, технические термины и др. Все эти трудности я преодолел с помощью работ российских литературоведов, в том числе «Путеводителя по роману А. П. Платонова „Чевенгур“» Е. А. Яблокова. О стиле языка А. Платонова Е. А. Яблоков писал: «Характернейшая черта стиля Платонова 1920—1930-х годов — необычный, „неправильный“ язык его прозы, соответствующий той причудливо сюрреалистической художественной реальности, которая изображается в платоновских произведениях. Окказиональные, индивидуально-авторские словоупотребления подчас вызывают у читателя недоумение...» [Яблоков, 2012. С. 48]. Вот как были переведены некоторые лингвистически малопонятные фразы на монгольский язык: «...хлеб в олеонафт макать...» переведен как: «...тосолгооны шингэнд хүртэл талхаа дэвтээж...», «чесали пролежни...» — «...хэвтрийн холгоосоо маажина...», «...а ты что завок?...» — «...харин чи минь яагаад хөшчихөө вэ?...» и др. [Платонов, 2017. С. 27—29].

О самой трогательной сцене — смерти своего героя в романе «Чевенгур» А. Платонов пишет: «<...> Дванов понудил Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду — в поисках той дороги, по которой когда-то прошел его отец в любовпытстве смерти, а Дванов шел в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле, потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца...» [Платонов, 2015. С. 276].

А в моем переводе на монгольский язык, этот отрывок звучит так: «<...> Дванов Пролетарийн Хүчийг цээжээр нь тултал ус руу хүчлэн оруулж, түүнтэй салах ёс хийлгүй амьдралаа үргэлжлүүлж, улмаар өөрөө мориноосоо бууж, урьд өмнө түүний эцэг үхлийг сонирхож явсан тэр л замыг эрж хайхаар ус руу оржээ. Гэтэл Дванов хамгийн сул дорой, хэдийн мартагдсан цогцос, түүнээс үлдсэн зүйл нь булшин дор тарчилж буйг бодоод амьд яваадаа ичих шиг болжээ. Учир нь, Александр хараахан устаж үгүй болоогүй, эцгийнх нь оршихуйн халуун дулаан

ул мөртэй нэгэн адил байлаа» [Платонов, 2017. С. 470—471]. Надеюсь, что перевод сохранил колорит языка и текста, притом что в переводе почти нет комментариев и сносок.

На презентации монгольского издания «Чевенгура», которая состоялась 18 мая 2017 г. в Литературном институте им. М. Горького, ректор института платоновед Алексей Варламов сказал, что «сам никогда не был в Монголии, но роман „Чевенгур“ для него — это степной роман, так же как и образ Монголии. И это географическое совпадение даст возможность новому читателю увидеть те пласты, те глубинные, потаенные смыслы, которые мы понять не сможем. Это событие хорошо отражает связи русской литературы не только с западом, но и с Азией. Говорит о том, что выпускники Литинститута вносят огромный вклад в формирование литературного пространства и сохранение культурных связей между разными государствами. И хорошо, что не только монгольские филологи, а теперь и простые читатели — самые уважаемые люди на земле откроют для себя этого автора...» [Лисовая, 2017].

Идеологическая цензура, которая многим русским авторам не давала возможности издавать свои произведения, рухнула после перестройки. Так называемые запрещенные для издания книги талантливых писателей начали печататься с конца 80-х годов в Советском Союзе. Среди них: М. Булгаков, Г. Газданов, А. Платонов, Е. Замятин, В. Набоков, Б. Пастернак, А. Солженицын, В. Шаламов, И. Бродский, М. Зощенко, Б. Пильняк, Е. Гинзбург, В. Ерофеев, С. Довлатов и др.

В то время из вышеупомянутых авторов в монгольских издательствах были изданы: роман «Мастер и Маргарита» («Мастер, Маргарита хоёр») М. Булгакова (1998) в переводе П. Батаа и Ц. Гомбосүрэна одновременно в двух издательствах — «Монсудар» и «Цагаан буудал», «Доктор Живаго» («Живаго эмч») Б. Пастернака в переводе Ц. Цэнгэла, «Лолита» В. Набокова (2008) в переводе Д. Чойжила и Д. Бүдбода (издательство «Монсудар»), «Архипелаг Гулаг» («Гулаг — олтриг») А. Солженицына (2010) в переводе Т. Ариунсаны (издательство «Бит-Пресс»), «Колымские рассказы» («Хорих лагерийн өгүүлэгүүд») В. Шаламова (2011) в переводе Б. Галаариды (издательство «Өдөр шөнө»), поэма «Москва-Петушки» (2011) В. Ерофеева в переводе Д. Оюунчимэг (издательство «Соембо-Пресс»). Но по сравнению с российским книжным рынком и его читателями спрос на «возвращенные» книги не так уж велик.

Сделав сравнительный анализ жанров этих произведений, можно сказать, что кроме сборников Г. Газданова, В. Шаламова и С. Довлатова почти все остальные произведения «запрещенного» времени относятся к моноизданиям. На сегодня книжный рынок Монголии пока еще не готов принять издания собраний сочинений зарубежных, в том числе и русских авторов. И конечно же, это связано с коммерческим интересом, ибо это малотиражные издания.

Кроме того, сегодня монгольских читателей больше всего интересуют бестселлеры, исторические романы, а также произведения своих национальных писателей, тогда как в современных русских издательствах дела обстоят иначе.

Об этом Л. В. Зимина пишет: «Понятно, что с коммерческих позиций издателей волнует проблема создания бестселлеров, их „технология“. Впрочем, обсуждение этих вопросов феномена бестселлера увело бы слишком далеко, поскольку в рейтинговых списках в силу тех или иных причин фигурировали различные по уровню мастерства авторы: Солженицын, „Доктор Живаго“ Пастернака, „Улисс“ Джойса,

„Лолита“ Набокова наряду со Стивеном Кингом, Барбарой Картланд и другими авторами...» [Зимина, 2004. С. 49].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что большинство переводов произведений русской литературы XX в. в Монголии были сделаны в период 1940—1990-х гг. и изданы в эти годы. Несмотря на застойный период в культуре Монголии в 1991—2007 гг., в последние десять лет было переиздано немало произведений русских писателей XX в., в том числе были переведены произведения некоторых знаменитых авторов, которые не могли издавать свои произведения в советскую эпоху.

Литература

- Аким, 2016: *Аким Г.* [Доклад] Попытка передачи экспрессивности в романе Ч. Айтматова «Плаха». 4-й Международный конгресс переводчиков. М., 2016 (*Akim G.* [Doklad] Popytkya peredachi ekspressivnosti v romane Ch. Aytmatova «Plakha». 4-y Mezhdunarodnyy Kongress perevodchikov. M., 2016).
- Давыдова, 1989: *Давыдова Т. Т.* Образ мира и человека. Феномен Ч. Айтматова // Т. Т. Давыдова. Проза Средней Азии и Казахстана. М., 1989 (*Davydova T. T.* Obraz mira i cheloveka. Fenomen Ch. Aytmatova // T. T. Davydova. Proza Sredney Azii i Kazakhstana. M., 1989).
- Зимина, 2004: *Зимина Л. В.* Современные издательские стратегии. М.: Наука, 2004 (*Zimina L. V.* Sovremennyye izdatel'skiye strategii. M.: Nauka, 2004).
- Лисовая, 2017: *Лисовая О.* Андрей Платонов. Путь на Восток. [электронный ресурс] <http://www.rewizor.ru/literature/spetsproekty/literaturnyy-institut-im-gorkogo/retsenszii/andrey-platonov-put-na-vostok/> (дата обращения: 20.09.2017). (*Lisovaya O.* Andrey Platonov. Put' na Vostok. [elektronnyy resurs] <http://www.rewizor.ru/literature/spetsproekty/literaturnyy-institut-im-gorkogo/retsenszii/andrey-platonov-put-na-vostok/> (data obrashcheniya: 20.09.2017)).
- Лоскутникова, 2016: *Лоскутникова М. Б.* Беседа с О. Чинбаяром, Президентом Союза переводчиков Монголии // Русистика и компаративистика. М., 2016 (*Loskutnikova M. B.* Beseda s O. Chinbayarom, Prezidentom Soyuza perevodchikov Mongolii // Rusistika i komparativistika. M., 2016).
- Николова, 2013: *Николова В. В.* Русская драматургия в болгарском книгоиздании 1890—1940-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013 (*Nikolova V. V.* Russkaya dramaturgiya v bolgarskom knigoizdanii 1890—1940-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2013).
- Платонов, 2015: *Платонов А.* Чевенгур. СПб.: Азбука, 2015 (*Platonov A.* Chevengur. SPb.: Azbuka, 2015).
- Платонов, 2017: *Платонов А.* Чевенгур / пер. О. Чинбаяра. Улан-Батор: Мунхийнүсэг, 2017 (*Platonov A.* Chevengur / per. O. Chinbayara. Ulan-Bator: Munkhiynuseg, 2017).
- Ринчен, 1991: *Ринчен Б.* Марк Твен и минь махы нь идэж дээ! (Как можно так перевести Марка Твена?) К истории перевода в Монголии. Улан-Батор, 1991 (*Rinchen B.* Mark Tveniy min' makh'y n' idezh dee! (Kak mozjno tak perevesti Marka Tvena?) K istorii perevoda v Mongolii. Ulan-Bator, 1991).
- Скородумова, 2016: *Скородумова Л. Г.* Монгольская литература XIX—XX веков. М., 2016 (*Skorodumova L. G.* Mongol'skaya literatura XIX—XX vekov. M., 2016).
- Сушилина, 2001: *Сушилина И. К.* Современный литературный процесс в России. М., 2001 (*Sushilina I. K.* Sovremennyy literaturnyy protsess v Rossii. M., 2001).
- Яблоков, 2012: *Яблоков Е. А.* Путеводитель по роману А. П. Платонова «Чевенгур». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012 (*Yablokov Ye. A.* Putevoditel' po romanu A. P. Platonova «Chevengur». M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2012).

Onon Chinbayar Russian literature of the twentieth century in Mongolian. From the experience of an interpreter

This article pertains to the problems faced when translating the works of XX century Russian writers into Mongolian and also the segments of Mongolian translation books at the Mongolian publishing houses.

Key words: literature, features of translation, translation into Mongolian, Russian writers, translated literature.

С. С. Сабрукова

Научная деятельность Т. А. Бурдуковой (1912—1987) (по материалам АВ ИВР РАН)

DOI: 10.25882/ntt2-q471

Статья посвящена научной деятельности Т. А. Бурдуковой в Институте востоковедения АН СССР, которая продлилась 14 лет (1934–1948). На основании архивных материалов из фонда № 152 (административные документы) выявлены основные направления научной жизни исследователя, пути реализации профессиональных навыков и становления как специалиста в области монголоведческих наук.

Ключевые слова: Т. А. Бурдукова, Монгольский кабинет, отчет, монгольский язык, ойратский язык.

Таисия Алексеевна Бурдукова проработала в Институте востоковедения АН СССР около 14 лет — с 1934 по 1948 г. — с небольшим перерывом в 1942 г. За весь период работы в Институте востоковедения она проявила себя как профессионал, готовый выполнить как научно-техническую, так и исследовательскую работу. Она наряду с основной работой в Институте востоковедения всегда по совместительству занималась преподавательской деятельностью в различных учебных заведениях. В истории отечественного монголоведения она известна прежде всего как преподаватель монгольского языка и литературы, который начинал свой профессиональный путь в стенах Института востоковедения АН СССР, в настоящее время Института восточных рукописей РАН. Годы работы ее в Институте востоковедения пришлись на трудное и противоречивое для истории страны время.

Официально по документам местом рождения Таисии Алексеевны значится село Усть-Чарышская пристань Алтайского края. Но в своей автобиографии¹ она пишет, что родилась 23 мая 1912 г. в семье служащего русской фирмы в Монголии в местности Хангельчик². По происхождению крестьянка. Отец крестьянин Уральской области, Туринского района, Коркинского сельского совета деревни Боровой. Мать тоже крестьянка Уральской области деревни Боровой. До и после революции домохозяйка. Отец Таисии Алексеевны Алексей Васильевич Бурдуков 12-летним мальчиком был отдан в услужение к купцу, имеющему торговлю в Монголии, у которого и служил с 1895 по 1913 г. С 1914 по 1921 г. был орга-

низатором и руководителем товарищества служащих в Монголии. В 1921 г. имущество товарищества было конфисковано белой бандой барона Унгерна, члены товарищества подверглись преследованию.

С 1921 по 1927 г. Алексей Васильевич работал в качестве заведующего Прикосокольской конторой Центрсоюза, а потом был помощником заведующего Общепермской конторой Сибгосторга в г. Новосибирске. С февраля 1927 г. работал лектором монгольского языка в ЛВИ³ и ЛИФЛИ⁴ в должности доцента.

В 1930 г. Таисия Алексеевна окончила 9-й класс 199-й школы Петроградского района Ленинграда. В 1934 г. окончила лингвистический факультет ЛИФЛИ по монгольскому циклу. Получила звание младшего научного сотрудника-монголоведа. Работать начала с 1932 г., совмещая учебу с работой в качестве библиотекаря студенческого отдела библиотеки ЛИФЛИ.

В 1934 г. 16 января была зачислена в штат Института востоковедения, будучи студенткой 4 курса языковедческого факультета Государственного историко-лингвистического института. В личном деле Т. А. Бурдуковой сохранилось удостоверение студентки 4 курса Института, выданное ей 1 января 1934 г.

³ Ленинградский Восточный институт им. А. С. Енукидзе был основан в 1920 г. Основная задача института заключалась в подготовке специалистов для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, а также научных работников для востоковедных вузов и научных учреждений. Восточный институт был закрыт в июне 1938 г. после многочисленных арестов его преподавателей и студентов [Кононов, Иориш, 1977. С. 22—23, 89—91].

⁴ В 1930—1931 гг. историко-лингвистический факультет Ленинградского университета был преобразован в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), который при организации в нём философского отделения (1933) переименован в ЛИФЛИ. Помещался на Университетской набережной, 11.

¹ Личное дело Бурдуковой Таисии Алексеевны. СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 8а.

² Эта ситуация, видимо, объясняется тем, что тогда документы о рождении не было возможности оформить в Монголии, поэтому официально они были получены только на территории России по месту регистрации родителей.

В документе указано, что через два месяца наступает срок окончания Института. Можно полагать, что основную роль в принятии студентки Бурдуковой на работу в Институт востоковедения сыграла рекомендация от 2 января 1934 г. Н. Н. Поппе⁵, который на тот момент заведовал Монгольским кабинетом.

<л. 2б> *Рекомендация*

Тов. Бурдукова оканчивает в 1934 г. в апреле ЛИЛИ по монгольскому отделению. Занималась все 4 года у меня. Родившись в МНР, она обладает недурными практическими познаниями в области монг[ольского] яз[ыка]. В ЛИЛИ она всегда была лучшей слушательницей своего курса и в настоящее время она является наиболее подходящим из всех кандидатов из числа оканчивающих в этом году или окончивших за последние пять лет. С работой в качестве секретаря и библиотечного работника она справится вполне, т. е. язык знает и в течение 2 лет работает в библиотеке ЛИЛИ библиотекарем.

2/1—34.

Подпись Н. Н. Поппе

В автобиографии Таисия Алексеевна пишет, что считает наиболее целесообразной научно-педагогическую работу. И действительно, за 14 неполных лет работы в Монгольском кабинете Института востоковедения она всегда совмещала научную работу с педагогической деятельностью. Об этом свидетельствуют записи, сделанные самой Бурдуковой в личном листке по учету кадров. Основная работа — младший научный сотрудник в Институте востоковедения АН СССР. По совместительству в 1933—1936 гг. преподавала монгольский и сарт-калмыцкий языки на Курсах нацменьшинств Советского Востока; в 1936—1937 гг. преподавала русский язык в аспирантуре ИВ АН СССР; в 1937—1938 гг. преподавала монгольский язык на историческом и филологическом факультетах ЛГУ; в 1938/39 академическом году читала лекции по монгольской графике в ЛГУ.

С 1934 по 1936 г. Т. А. Бурдукова работала в Монгольском кабинете в качестве секретаря и библиотечного работника. Ежегодно Н. Н. Поппе писал отзывы о научной деятельности Т. А. Бурдуковой, в 1936 г. она выполняла научно-вспомогательные работы по Монгольскому кабинету: составила полную библиографию книг и статей на калмыцком языке, охватывающую около 1000 книг; описала фольклорное собрание архива Института востоковедения, ко-

торое было сдано в печать в журнал «Советский фольклор». Кроме того, она занималась составлением небольшого калмыцко-русского словаря (около 5000 слов); провела орфографическое оформление монгольских слов в «Монгольско-русском» и «Русско-монгольском» словарях, изданных Ленинградским Восточным институтом⁶. В этом же году она занималась переводом сарт-калмыцких⁷ сказок, предполагаемой темой будущей диссертации Таисии Алексеевны было историческое сочинение Габан Шараба на ойратском языке. В качестве пожелания Николай Николаевич Поппе предлагает уделять больше времени научной работе.

В 1937 г. она в составе экспедиции совместно с Институтом этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне МАЭ РАН) с начала марта до середины апреля находилась в научной командировке в Калмыкии для сбора материалов по калмыцкому языку и фольклору. В этом же году произошли изменения в личной жизни Т. А. Бурдуковой, она вышла замуж и родила сына. Об этом есть запись в личном листке по учету кадров: муж — Э. Я. Барац, 27 лет, студент; сын — Р. Э. Барац, 4 месяца.

Следующий отзыв Поппе датируется сентябрем 1938 г. Здесь говорится, что т. Бурдукова в течение ряда лет несла различные обязанности: библиотекаря, секретаря, библиографа, а также выполняла научные поручения: составила полную библиографию книг на бурят-монгольском языке, описала бурятские фольклорные коллекции в виде записей текстов, принадлежащих ИВ; составила библиографию литературы о монгольской письменности и библиографию книг о квадратном письме Пагба ламы на русском языке. Каталогизировала весь фольклорный архив ИВ, монголоведные книги ИВ, а также книги на монгольском, бурят-монгольском и калмыцком языках. Занималась переводом фольклора и сделала перевод на русский язык сказок на сарт-калмыцком языке (6 печ. л.), подготовила к печати ойратскую историю Гаван Шараба (текст на ойратском языке), перевела 40 калмыцких песен для фольклорного сборника. Также Николай Николаевич пишет, что Бурдукова хочет начать писать диссертацию на тему «Сарт-калмыцкий фольклор». В заключение дает оценку научной деятельности Таисии Алексеевны, называя ее очень ценным и разносторонним работником дос-

⁵ Поппе Николай Николаевич [27.7.1897, г. Чифу, Китай (в семье российского дипломата) — 8.6.1991, г. Сизтл, США] — монголист и тюрколог, один из основоположников научной алтаистики, профессор (1926), член-корреспондент АН СССР (1932—1946), Берлинской (1957), Финской (1977) и Британской (1978) академий. Окончил монгольское отделение факультета общественных наук Петроградского университета (1921). Работал научным сотрудником (с 1931 зав. Монгольским кабинетом) в Азиатском музее (с 1930 г. Институт востоковедения АН СССР), одновременно преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете (1921—1941) и в Институте живых восточных языков (до 1938 г.).

⁶ Русско-монгольский словарь. Составил доцент Ленинградского Восточного института А. В. Бурдуков. М.: Советская энциклопедия, 1937.

⁷ Сарт-калмаки живут в Каракольском кантоне Киргизской АССР в двух селениях — Чельпек и Бөрбаш, селения эти расположены вблизи г. Каракола (б. Пржевальск). Сарт-калмаки по языку принадлежат к ойрато-монголам. В настоящее время они двуязычны. Киргизский язык и письменность стали у них общеупотребительными, а родной калмыцкий язык сохраняется в домашнем быту [«Калмыки и сарт-калмаки», неопубликованная статья А. В. Бурдукова для Уральской энциклопедии. Архив востоковедов ИВР РАН].

таточно высокой квалификации, которая часто вынуждена заниматься научно-технической работой. С 1939 г. Поппе намерен привлечь ее главным образом к общей теме Монгольского кабинета — составлению монгольско-русского словаря.

В декабре 1938 г. Таисия Алексеевна пишет заявление в Комитет по подготовке кадров Академии наук СССР с просьбой принять ее в очную аспирантуру для работы над диссертацией на тему «Язык сарткалмыцких сказок» под руководством чл.-кор. Академии наук проф. Н. Н. Поппе. В общей сложности Т. А. Бурдукова 2 раза подавала прошение зачислить ее в аспирантуру, и оба раза ей было отказано.

В личном деле Т. А. Бурдуковой сохранилось заявление в дирекцию Института востоковедения от 13 февраля 1940 г. о пересмотре зарплаты или ее повышении, где она подробно описывает виды работ, которыми занималась в последнее время. Среди них: составление авторской рукописи калмыцко-русского словаря, а также части буквы «Ч» монгольско-русского словаря, выборка общественно-политической терминологии из учебника Истории ВКП/б/ на монгольском языке, преподавательская работа в университете. Также по поручению дирекции перевела Колхозную шнуровую книгу на калмыцкий язык.

В октябре 1939 г. Институт востоковедения заключил с А. В. Бурдуковым (не состоящим в штате сотрудником) и Т. А. Бурдуковой договор сроком на 2 года для составления «Калмыцко-русского словаря» объемом 40 печ. л. Эту работу предполагалось завершить к июню 1940 г.⁸ Но она не была выполнена в назначенный срок из-за недостаточного финансирования. 2 декабря 1940 г. Б. И. Панкратову было поручено провести обследование состояния работы по составлению «Калмыцко-русского словаря», которое показало, что к этому времени авторами было подготовлено в карточках и сдано в Монгольский кабинет на хранение 30 печатных листов словаря, а остальные десять находятся в обработке. Также подчеркиваются крайне неблагоприятные условия работы над словарем, а именно отсутствие финансирования для оплаты труда как авторов, так и технических сотрудников. Здесь же на л. 63 есть записка от 02.01.1941 г. на имя директора Института востоковедения АН СССР от составителя «Калмыцко-русского словаря» А. В. Бурдукова, в которой говорится, что рукопись словаря объемом 40 печ. л. сдана в Монгольский кабинет к 31.12.1940 г. Институт востоковедения заключил договор с Государственным Издательством иностранных и национальных словарей на издание данного словаря, срок договора истек в 1943 г.

В 1941 г. Алексей Васильевич был арестован, осужден на 10 лет и умер в исправительно-трудовом лагере 13 марта 1943 г. В 1956 г. был полностью реабилитирован. Таким образом, словарь этот так и не

был издан, хотя Таисия Алексеевна позже также прилагала огромные усилия, чтобы его издать.

В отчете за 1941 г. младший научный сотрудник Бурдукова пишет, что выполняла работу по теме «Историческая хроника Габан Шараба (по истории ойратов XVIII века)». Сделала перевод сводного текста рукописи на калмыцкий язык, обзор калмыцкой исторической литературы. Составила частично примечания к переводу, сделала анализ содержания некоторых глав памятника. Вела обработку новых поступлений по Монгольскому кабинету и составила предметный и алфавитный каталоги. Принимала участие в подготовке к эвакуации. Была задействована в работе по составлению монгольско-русского академического словаря⁹. В 1942 г. планировала продолжить работу по начатой теме: «Историческая хроника Габан Шараба». Таисия Алексеевна подробно расписала этапы работы над темой исследования с указанием объема¹⁰.

В июне 1942 г. была уволена из Института в связи с эвакуацией ИВ АН СССР в Ташкент. В июле 1942 г. она вместе с семьей переехала в село Коркино Туринского района Свердловской области, где проработала один месяц учителем. В сентябре 1942 г. отправилась к мужу в Алма-Ату, где с декабря 1942 г. по май 1943 г. работала библиотекарем в Казахском педагогическом институте. 3 ноября 1942 г. была восстановлена в штате Института востоковедения АН СССР и прикомандирована по месту жительства к Институту языка и мышления им. Н. Я. Марра. В сентябре 1943 г. переехала в Ташкент, куда был эвакуирован ИВ АН СССР.

31 августа 1943 г. состоялось заседание Ташкентской группы китайско-монгольского кабинета, на котором обсуждались отчеты сотрудников и аспирантов кабинета за время с 15 мая по 1 сентября 1943 г. Таисия Алексеевна присутствовала на этом заседании и представила свой отчет. К сожалению, текста отчета в этих делах нет. Здесь также говорится, что по решению Ученого совета ИВ в середине мая текущего года Дальневосточный кабинет ИВ был разделен на два — китайско-монгольский и японо-корейский, что и было окончательно оформлено приказом дирекции ИВ от 18 августа 1943 г. под № 38. За период с 15 мая по 1 сентября 1943 г. китайско-монгольский кабинет провел 13 заседаний, из них 11 были посвящены научным докладам и 2 — обсуждению очередных задач, стоящих перед китайским и монгольскими кабинетами ИВ¹¹.

⁹ Монгольский кабинет. Индивидуальные планы и отчеты сотрудников кабинета за 1941 г., перечень тем, докладов на заседаниях кабинета. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 751. Л. 1—3.

¹⁰ Монгольский кабинет. Планы сотрудников кабинета Бурдуковой Т. А., Панкратова Б. И. на 1942 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 784. Л. 1—4.

¹¹ Докладные записки об очередных задачах китайского и монголоведения, одобренные акад. В. М. Алексеевым. Отчет о работе за III кв. 1943 г., перечень проведен-

⁸ Отчеты, графики работ, сметы и переписка по составлению и изданию Калмыцко-русского словаря. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 172. Л. 39, 58—59, 63.

Среди очередных задач советского монголоведения под пунктом «Бурят-Монгольская АССР: 1. История» определены следующие задачи: составление «Истории бурят-монгольского народа» (на основе бурятских источников) является такой же насущной необходимостью, как и истории монголов. Для успешного осуществления указанной задачи необходимы переводы текстов бурятских хроник, ранее изданных в ИВ АН¹². Начиная с середины 30-х гг. вплоть до 40-х гг. XX в. Институт востоковедения АН СССР в серии «Труды Института востоковедения» издавал материалы для истории бурят-монголов. 1. «Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева Вандана Юмсунова». Текст издал Н. Н. Поппе. Изд-во Академии наук СССР. М.; Л., 1935; 2. «Летописи селенгинских бурят. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г.». Текст издал Н. Н. Поппе. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1936; 3. «Летописи хоринских бурят. Хроника Ширав-Нимбо Хобитуева». Текст издал В. А. Казакевич. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1935; 4. «Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова». Перевод Н. Н. Поппе. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1940¹³.

В этой связи производственный план на 1943—1944 гг. мл. науч. сотр. Монгольского кабинета Т. А. Бурдуковой посвящен теме «Исторические хроники Ширав-Нимбо Хобитуева (хоринские буряты)». Перевод текста с бурятского языка на русский планировалось представить в 1944 г. Провести исследование языка хроники — в 1943 г.; исторических событий по данным хроники — в 1944 г.; начать составление примечания — в 1943 г. Здесь же в качестве обоснования темы дается краткое описание источника, подчеркивается актуальность темы¹⁴. Таким образом, тема исследования, начатая Т. А. Бурдуковой в 1943 г., в конечном итоге стала проектом диссертации для получения степени кандидата филологических наук, которую она защитила 19 января 1945 г.

В 1944 г. Т. А. Бурдукова выступила на двух заседаниях китайско-монгольского кабинета — 30 марта с докладом «Содержание монгольского журнала „Матар“» и 27 апреля с докладом «Образцы перевода бурятской хроники Ш. Н. Хобитуева»¹⁵.

В отчете о работе Монгольского кабинета ИВ АН СССР за 1945 г. есть сведения о защите диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук Т. А. Бурдуковой по теме: «Хроника Ширав-Нимбо Хобитуева». В разделе «Статьи и другие работы» да-

ется перечень статей, представленных для публикации исследователем:

1. «Бурятская летопись Ширав-Нимбо Хобитуева» — для «Известий АН СССР».

2. «Бурятская легенда о происхождении озера Байкал» — для «Рабочей хроники» Института востоковедения.

3. Перевод первой главы «Хроники Селенгинских Бурят»¹⁶.

В начале 1946 г. в штате Монгольского кабинета состояли: 1. Зав. Кабинетом; 2. Ученый секретарь; 3. Научный сотрудник. Коллективная тема: «Издание Большого академического монголо-русского словаря» (210 печ. л.). Сверх того условно дается план работы (на случай задержки принятия в производство, несвоевременного или нерегулярного поступления материалов словаря из производства) по индивидуальной теме, рассчитанный на двухлетний срок исполнения: Т. А. Бурдукова — «Перевод монгольской хроники „Болор-Толи“ с филологическим комментарием» (20 печ. л.)¹⁷. В отчете за 1946 г. Т. А. Бурдукова пишет следующее: сделан перевод монгольской исторической хроники «Болор-Толи» — 5 печ. л.; введены дополнения к монголо-русскому академическому словарю (по современной прессе, художественной и общественно-политической литературе); подобрана литература для разметки; размечены тексты: «История ВКП/б/» на монгольском языке — 2 главы; «Золотой Жук» Эдгара По — 21 с., газета «Унэн» — 30 экз.; журналы «Хувьсгалт залучудын эвлэл» (3 номера); «Намын Байгулалт» (3 номера), «Матар» (5 номеров). Готовится к печати перевод хроники Ш. Н. Хобитуева. Ведется преподавание современного монгольского и ойратского языков в Ленинградском государственном университете. Принимала участие в перевозке книг акад. Б. Я. Владимирцова и Н. Н. Поппе¹⁸.

Ученый совет Института востоковедения в 1947 г. ходатайствовал перед Президиумом Академии наук СССР о присвоении Т. А. Бурдуковой ученого звания ст. науч. сотр. Оно было одобрено 3 апреля 1947 г. Но по результатам переаттестации в декабре 1947 г. Бурдукова не была утверждена в этом ученом звании¹⁹. Видимо, это было связано с тем, что у нее было очень мало публикаций. В 1947 г. у нее было шесть публикаций [Нармаев, 2013. С. 14]. Великая Отечественная война внесла свои коррективы не только в жизнь, но и в научную деятельность Таисии Алексеевны, она перед самой войной написала несколько работ, связанных с описанием архивных фольклорных материалов на бурятском языке, пере-

ных научных заседаний кабинета, планы и отчеты сотрудников за 1943 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 810. Л. 4.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Эти издания хранятся в коллекции архивных материалов А. В. и Т. А. Бурдуковых с дарственными надписями авторов издания в Архиве востоковедов ИВР РАН.

¹⁴ Докладные записки... Л. 11.

¹⁵ Китайско-монгольский кабинет. Отчет о работе кабинета и его сотрудников за 1-е полугодие и за 1944 г. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 837. Л. 2.

¹⁶ Монгольский кабинет. Отчет о работе кабинета и акад. С. А. Козина за 1945 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 869. Л. 1.

¹⁷ Сектор (кабинет) монгольской филологии. План кабинета и отчеты Сектора и его сотрудников за 1946 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 900. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Личное дело Бурдуковой Таисии Алексеевны. Архив востоковедов ИВР РАН: Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 105. Л. 43, 45.

вела калмыцкие песни, которые, как следует из отзывов, составленных Н. Н. Поппе, были сданы в печать, но не были опубликованы. Практически был готов к изданию калмыцко-русский словарь, над которым она работала вместе со своим отцом А. В. Бурдуковым. Он также не был издан. Во время работы в Монгольском кабинете она принимала участие в составлении и доработке большого академического монголо-русского словаря, который в силу разных причин также не был издан.

Таисия Алексеевна всегда отдавала предпочтение научно-педагогической деятельности, поэтому, ко-

гда ее 15 ноября 1948 г. уволили из-за отсутствия штатной единицы, она полностью посвятила себя преподаванию. Но навыки ученого, исследователя были составной частью дальнейшей работы Таисии Алексеевны. На основе лекционных курсов по монгольской литературе она составила учебное пособие по монгольской литературе с приложением, где представлены тексты на монгольской графике — как современной, так и старой. Также среди неопубликованных работ есть учебник ойратского языка. Она занималась переводами с монгольского языка сказок, современной монгольской литературы.

Литература

- Кононов, Иориш, 1977: *Кононов А. Н., Иориш И. И.* Ленинградский Восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977. С. 22—23, 89—91 (*Kononov A. N., Iorish I. I.* Leningradskij Vostochnyj institut. Stranica istorii sovetskogo vostokovedeniya. M.: Nauka, 1977).
- Нармаев, 2013: *Нармаев Б. М., Бурдукова Т. А.* Биографические материалы // *Mongolica-XI*: сб. науч. ст. по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 14 (*Narmaev B. M., Burdukova T. A.* Biograficheskie materialy // *Mongolica-XI*: sb. nauch. st. po mongolovedeniyu. Posvyashchaetsya 130-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Burdukova (1883—1943). SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013).
- Источники**
- Докладные записки об очередных задачах китаеведения и монголоведения, одобренные акад. В. М. Алексеевым. Отчет о работе за III кв. 1943 г., перечень проведенных научных заседаний кабинета, планы и отчеты сотрудников за 1943. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 810 (*Dokladnye zapiski ob ocherednyh zadachah kitaavedeniya i mongolovedeniya, odobrennye akad. V. M. Alekseevym. Otchet o rabote za III kv. 1943 g., perechen' provedennyh nauchnyh zasedanij kabineta, plany i otchety sotrudnikov za 1943. F. 152. Op. 1a. Ed. hr. 810*).
- Китайско-монгольский кабинет. Отчет о работе кабинета и его сотрудников за 1-е полугодие и за 1944 г. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 837 (*Kitajsko-mongol'skij kabinet. Otchet o*
- rabote kabineta i ego sotrudnikov za 1-e polugodie i za 1944 g. F. 152. Op. 1. Ed. hr. 837*).
- Личное дело Бурдуковой Таисии Алексеевны. Архив востоковедов ИБР РАН: Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 105 (*Lichnoe delo Burdukovoj Taisii Alekseevny. Arhiv vostokovedov IVR RAN: F. 152. Op. 3. Ed. hr. 105*).
- Монгольский кабинет. Индивидуальные планы и отчеты сотрудников кабинета за 1941 г., перечень тем, докладов на заседаниях кабинета. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 751 (*Mongol'skij kabinet. Individual'nye plany i otchety sotrudnikov kabineta za 1941 g., perechen' tem, dokladov na zasedaniyah kabineta. F. 152. Op. 1a. Ed. hr. 751*).
- Монгольский кабинет. Планы сотрудников кабинета Бурдуковой Т. А., Панкратова Б. И. на 1942 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 784 (*Mongol'skij kabinet. Plany sotrudnikov kabineta Burdukovoj T. A., Pankratova B. I. na 1942 g. F. 152. Op. 1a. Ed. hr. 784*).
- Монгольский кабинет. Отчет о работе кабинета и акад. С. А. Козина за 1945 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 869 (*Mongol'skij kabinet. Otchet o rabote kabineta i akad. S. A. Kozina za 1945 g. F. 152. Op. 1a. Ed. hr. 869*).
- Отчеты, графики работ, сметы и переписка по составлению и изданию Калмыцко-русского словаря. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 172 (*Otchety, grafiki rabot, smety i perepiska po sostavleniyu i izdaniyu Kalmytsko-russkogo slovary. F. 152. Op. 1a. Ed. hr. 172*).
- Сектор (кабинет) монгольской филологии. План кабинета и отчеты Сектора и его сотрудников за 1946 г. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 900 (*Sektor (kabinet) mongol'skoj filologii. Plan kabineta i otchety Sektora i ego sotrudnikov za 1946 g. F. 152. Op. 1a. Ed. hr. 900*).

S. S. Sabrukova

Scientific works of T. A. Burdukova (1912—1987)

(From the archives of Orientalists in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science)

The article is dedicated to the scientific works of T. A. Burdukova who worked in the Institute of Oriental Studies of the Academy of Science of the USSR for 14 years (1934—1948). Based on the archive documents from collection No. 152 (administrative papers) it lists the main areas of the researcher's scientific interests, the ways her ideas were realised and the reputation established as an expert in the Mongol studies.

Key words: T. A. Burdukova, the Mongol Room, report, Mongol language, Oirat language.

С. Г. Батырева. Рец. на: **Четырова Л. Б. Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 188 с.**¹

DOI: 10.25882/9d6d-8j30

Монография профессора Любви Борисовны Четыровой посвящена некоторым аспектам истории и культуры калмыков и представляет собой цикл очерков, структурированных в единое целое. Содержание исследования определяет философская канва изложения, сочетающего методы социальной антропологии, социологии религии и этнологии. В таком ракурсе исследование истории и культуры калмыков проведено впервые. Иначе говоря, предлагаемый читателю материал, отличает новизна междисциплинарного подхода, вобравшего в себя компаративную философию, социальную антропологию, философию и социологию этничности, и полученных в итоге результатов.

Главная идея книги состоит в том, что историю калмыков и генезис калмыцкого этноса следует рассматривать в контексте формирования Российской империи. Калмыцкое ханство и калмыки принимали самое непосредственное и деятельное участие в строительстве империи в Поволжье и Северном Прикаспии.

Структура издания включает в себя предисловие, пять глав, в которых в междисциплинарном ракурсе представлена история российских калмыков, начиная с дореволюционного периода и вплоть до современности. Отдельный параграф посвящен их жизни в период ссылки в Сибирь, что оказало влияние на современное состояние этнического языка. Резюме плодов аккультурации этноса в российском ландшафте продолжено исследовательским экскурсом в тему «Буддизм в современной философии». Заключение монографии, читаемой с интересом, чему способствует ясность изложения материала, стилистически грамотный язык, дополняет список информантов и иллюстративный материал.

Рассматривая исторические предпосылки российского этнофедерализма, автор обращается к опыту Калмыцкого ханства как исходному пункту исторического процесса аккультурации калмыков. Используя архивные материалы, автор показывает, как происходила интеграция калмыков в русскую культуру,

выявляя как ее результаты, так и формы сопротивления калмыков.

Этнокультурный материал, используемый автором, позволяет ей, обращаясь к историческому прошлому народа, сопоставлять его с настоящим. При этом Л. Б. Четырова делает это с чувством живой сопричастности к судьбе народа и его завтрашнему дню. Отсюда прочувствованная целостность издания во фрагментарном характере трактовки этнокультурного материала.

Будучи калмычкой, выросшей и проживающей не в Калмыкии, а в ином российском регионе, т. е. занимая позицию «на расстоянии», она обрела возможность увидеть изучаемый предмет в неожиданном ракурсе.

В характеристике российского этнофедерализма, определившего во многом настоящее состояние калмыцкой культуры, автор выделяет христианизацию и переход на оседлость кочевников. Опираясь на достаточно обширный архивный материал, автор анализирует его с целью выявления стратегий имперской власти по отношению к калмыкам. Далее по логике изложения было бы естественно обратиться к дореволюционному бытию центральноазиатского по происхождению этноса в новом для него этнокультурном ландшафте России. Однако следующую главу автор посвящает описанию жизни калмыков в период ссылки в Сибирь. При этом она использует материалы полевых исследований — устные истории, интервью и наблюдения. Заинтересованность автора в данной теме имеет свое сокровенное объяснение: книга посвящена родителям, всем калмыкам, пережившим депортацию, а также поколению рожденных в Сибири. К последним автор относит и себя.

На основе устных историй автор демонстрирует, как молодые калмыки выстраивали новую идентичность взамен утраченной из-за депортации и обвинения в коллаборационизме. Следствие процесса — многие утраты языка и культурного наследия, что явственно обозначено депортацией. Происходит аккультурация, по всей вероятности, как необходимое условие бытия «русскоязычных нерусских» в России.

Проблемный аспект данного актуального исследования сформулирован в главе «Плоды аккультурации», где автор рассматривает образование как особую ценность в культуре калмыков. В приобщении к иной культуре происходит адаптация и выживание малочисленной этнической общности в условиях поглощающего ее этнокультурного ландшафта. Рассматривая ментальность современных калмыков, автор связывает ее особенности с этосом воина и этногенезом ойратских групп, в частности торгутов. Исследователь приходит к выводу о своеобразии менталь-

¹ Рецензия подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 17-46-080755 а (р) «Основные социальные идентичности населения Республики Калмыкия в 2010-е годы: факторы и ресурсы».

ности калмыков — «русских монголов», отличающихся от потомков своих соплеменников, ушедших в 1771 г. в Джунгарию и проживающих ныне в Синьцзяне. В восстановлении культурных связей исторически разделенных и различным образом интегрированных в условиях принципиально различных этнокультурных сред, частей калмыцкого этноса автор видит гарантию его сохранения.

В призме аккультурации, сопровождаемой потерей языка и вместе с ним — важной части духовной культуры, автор обращается к этническому достоянию калмыков — религии. В настоящее время тибетский буддизм играет роль важного ресурса, используемого калмыками в обретении ими своей этнической идентичности, что дает надежду на сохранение этноса.

В последней главе автор показывает, как происходит рецепция буддийской философии в европейской философии, демонстрируя это на текстах российского философа Мераба Константиновича Мамардашвили (1930—1990) и французского философа Жюль Делеза (1925—1995). Кроме того, обращаясь к творчеству Ж. Делеза, автор применяет его концепцию времени к анализу опыта калмыцких *медлгчи*, достигая при этом нетривиальных результатов.

Издание, посвященное культуре калмыков, актуально в свете проблемы междисциплинарного исследования. Оно заставляет задуматься о судьбе многих малочисленных народов, внесших и вносящих свой неповторимый вклад в многоцветье полиэтнической культуры России.

А. В. Зорин. Рец. на: **Бородаев В. Б., Контев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720 гг.: документальная монография.** Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.: ил. [16] с.

DOI: 10.25882/ehw2-2x09

Книга В. Б. Бородаева и А. В. Контева «Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720 гг.» представляет собой впечатляющий итог многолетнего труда двух барнаульских исследователей по изучению архивных документов, в которых отразился процесс экспансии российского государства в сторону Алтая и Саян, особенно интенсивный и целенаправленный в годы правления Петра I. Некоторые промежуточные результаты этой работы были представлены авторами ранее в серии статей²; теперь же, с появлением

обобщающей монографии, у историков, в том числе специалистов в области изучения Центральной Азии (прежде всего монголоведов), появилась возможность оценить этот исторический процесс во всей возможной полноте — правда, почти исключительно с российской точки зрения. Соседи (прежде всего джунгары/ойраты), в адрес которых производились экспансионистские действия, за редким исключением остаются их безгласными объектами.

Главными достоинствами книги, безусловно, являются обилие тщательно подготовленных к публикации документов из различных российских архивов и библиотек, многие из которых ранее не публиковались, и такое же обилие карт, в том числе впервые или заново выявленных в архивах и составленных самими авторами на базе детального изучения источников. Эти материалы великолепно дополняют информацию, содержащуюся в 22 главах монографии, одновременно позволяя составить собственное мнение об описываемых событиях и сравнить его с выводами авторов.

Заявленные хронологические рамки охватывают столетие, однако XVII в. в книге посвящены только первые шесть глав, следующая глава — первому де-

крепости // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20—23 апреля 2014 года). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 266—274; К исторической географии Великого шелкового пути: китайские города Селим и Даба в русских документах петровского времени // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20—23 апреля 2014 года). Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 257—265.

Отдельные статьи В. Б. Бородаева: Военно-топографическое изучение озера Зайсан и Черного Иртыша в 1719 году как этап реализации плана Петра I по проникновению в Центральную Азию // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 25—26 мая 2010 г. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. С. 13—24; Архивные документы 1719—1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24—27 мая 2011 года). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. С. 25—35.

Все эти публикации, равно как и рассматриваемая монография, с любезного разрешения авторов размещены в свободном доступе на официальном сайте ИВР РАН.

Пользуясь случаем, я хотел бы еще раз отметить тот факт, что именно благодаря нашей переписке с В. Б. Бородаевым удалось установить, что первые тибетские тексты, привезенные в Санкт-Петербург с берегов Иртыша, происходили из Семи Палат (обнаруженных русскими войсками в 1717 г.), а не из Аблай-хита и не в 1720 г., как долгое время считалось; семипалатинские листы были привезены губернатором Сибири М. П. Гагариным в 1718 г. в подарок Петру I, Аблай-хит же был обнаружен, скорее всего, только в 1721 г.

² Можно отметить следующие публикации.

Совместные статьи: Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 116—132; Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // Туухийн Товчоон. Улаанбаатар, 2010. С. 386—403; Русские документы 1717—1719 годов об основании Семипалатинской

сятилетию XVIII в. В остальных же пятнадцати главах анализируются события последующих десяти лет, что само по себе наглядно демонстрирует значимость именно этого десятилетия в рассматриваемой теме российской экспансии на юго-восток. С одной стороны, предшествующий период можно рассматривать как подготовительный: постепенное, почти стихийное освоение русскими Южной Сибири объективно готовило плацдарм для дальнейших действий в случае ослабления противостоящих сил, и такое ослабление наступило именно в начале XVIII в., когда джунгарское государство оказалось лицом к лицу с Цинским Китаем и одновременно должно было бороться с тюркскими политическими образованиями. В этих условиях ему трудно было активно отстаивать северные рубежи, где неожиданно стали появляться русские крепости. С другой стороны, этой экспансии вполне могло бы и не быть без активной целеполагающей деятельности двух личностей российской истории: Петра I, надеявшегося найти на Востоке золото для своих военных кампаний, и первого губернатора Сибири князя М. П. Гагарина (ок. 1659—1721). Их скорый уход с исторической арены — Гагарин уже в 1718 г. попал в опалу, был заточен в тюрьму, а потом казнен, Петр же пережил его всего на четыре года — привел и к сворачиванию экспансии, правда, при закреплении русских на новых границах у преддверий южных гор.

В изложении этих во многом увлекательных и даже авантюрных событий авторы открывают немало удивительных деталей: чего стоит тайный указ Петра I в январе 1721 г. — под прикрытием торговли начать разведку золотоносных земель в Западном Китае (в районе г. Синин) и в Восточном Тибете с целью последующего их захвата (см. главу 21). Сложно сказать, решился ли бы Петр на это отчаянное предприятие, грозившее военным столкновением с Цинским Китаем, и неясно, было ли предпринято что-либо в отношении разведки указанных земель. Другое его распоряжение, содержавшееся в том же тайном указе, — о сносе большинства новопостроенных крепостей на Иртыше — исполнено не было.

К небольшим недостаткам книги можно отнести некоторые неточности востоковедного характера. Особенно это касается не очень оправданной попытки пересмотра идентификации топонимов Селим и Даба/Доба с переносом их к северу пров. Ганьсу (глава 10). Основной причиной для пересмотра идентификации стал факт наличия в близком соседстве с Селимом и его городом-спутником Дабой/Добой Великой Китайской стены. Косвенным аргументом служил также большой промежуток времени (две или, по другим сведениям, почти три недели), потребовавшийся русскому путешественнику Ф. Трушникову, чтобы добраться до этих мест от Кукунора.

Между тем известно, что древний город Синин монголами назывался с искажением, например, Г. Ц. Цы-

биков зафиксировал форму «Сэлин»³. Указание же на близость к Стене в действительности только подтверждает идентификацию Селима с Синином, поскольку известно, что она доходила до этого города⁴, хотя в наше время от этого ее участка ничего не осталось. Вопрос относительно длительности путешествия Трушникова остается открытым — вероятно, были какие-то факторы, замедлившие его продвижение. В любом случае этот аргумент не может перевесить все остальные. Что касается города-спутника Селима (по показаниям Трушникова, Добу и Селим разделяли 20 верст, см. с. 149), то, на мой взгляд, логичнее всего было бы предложить, что им является небольшой городок Доба (Duoba), находящийся примерно в 20 км от Синина на пути от озера Кукунор⁵.

Можно также немного посетовать на то, что авторы в заключении не поместили анализируемый период в контекст будущих событий, без чего читатель оказывается в состоянии своего рода нереализованного *саспенса*.

Высказанные замечания, разумеется, никоим образом не умаляют достоинств книги, во многих отношениях являющейся образцовой.

Монгольская литература и «Чевенгур»

Л. Г. Скородумова. Рец. на: **Андрей Платонов. Чевенгур / пер. с рус. О. Чинбаяра. Улаанбаатар, 2017.**
DOI: 10.25882/z6p3-b695

Монгольская литература, вставшая в 20-е гг. прошлого столетия под знамя М. Горького, проповедуя завещанный им принцип активности, на протяжении многих десятилетий осваивала богатый опыт художественной литературы соседней страны. На монгольский язык переведены практически все значимые произведения русской и советской классики. По признанию самих писателей, современную монгольскую литературу с развитыми системой жанров и стилистикой невозможно себе представить без связи ее с русской и советской литературой. Сама пере-

³ Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2 т. Том 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, СО, 1991. С. 43.

⁴ Luo Zewen, Dai Wenbao, Wilson D., Drège J.-P., Delahaye H. Die Große Mauer. Geschichte, Kultur- und Sozialgeschichte Chinas. Augsburg: Weltbild Verlag, 1990. Я хотел бы поблагодарить Х. Вальравенса (Берлин) за указание на содержащуюся в этой книге карту с обозначением участка Стены в районе Ланьчжоу и Синина.

⁵ Краткая информация о данном населенном пункте доступна на веб-странице <http://www.wikiwand.com/fr/Duoba> (дата обращения: 22 мая 2018 г.). Как указывают В. Б. Бородаев и А. В. Контев, историк Г. Е. Катанаев идентифицировал Дабу, упомянутую Трушниковым, с городом Датунем, но такая идентификация неубедительна как в отношении топонимики, так и в отношении расстояния до Синина.

водная литература ныне является органической частью собственной национальной словесности.

Такие корифеи монгольской литературы XX в., как замечательные прозаики и поэты С. Эрдэнэ, Б. Явуухулан, Д. Батбаяр и многие другие часто говорили о своем родстве с поэтикой и самим духом великой русской литературы, ставшей для них подлинной школой писательства. В творчестве почти всех видных писателей второй половины XX—начала XXI в. можно найти переклички, параллели на уровне текста, реминисценции.

Литературные связи продолжают развиваться в новых исторических условиях как важная составляющая часть российско-монгольского двустороннего гуманитарного сотрудничества.

Сегодня в Монголии сохраняется стабильный интерес к русскому языку и к русской культуре, о чем свидетельствует большое количество школ с преподаванием на русском языке, активное участие в проводимых в столице и других монгольских городах конкурсах на лучший перевод русской поэзии. Можно сказать, что литература России сегодня востребована и писателями, и в целом монгольской культурой, она по-прежнему служит ориентиром в творчестве. После 1990 г. вышел ряд новых переводных книг с русского: сборники рассказов А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, стихи А. Ахматовой, С. Есенина, И. Бродского и т. д. В том числе к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина в 1999—2000 гг. здесь было опубликовано сразу несколько книг поэта на монгольском языке. К этому следует добавить вышедший недавно блестящий перевод романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» («Гэм зэм»), выполненный известным дипломатом Ц. Гомбосурэном. Книга стала знаковым событием в культурной жизни страны. При этом если в поэтике Достоевского сохраняется некая противоречивость по отношению к монгольскому менталитету, то роман Ч. Айтматова «Плаха» («Цаазын тавцан»), переведенный в 1989 г., по сей день остается одним из самых популярных среди монгольских читателей. Талантливый перевод, осуществленный известным монгольским русистом Г. Акимом, считается образцом в искусстве художественного перевода.

Нужно отметить, что в последние годы в Монголии вышли в свет переводы произведений авторов из серии «возвращенной литературы», например, рассказы С. Довлатова, романы Г. Газданова «Вечер у Клер», «Возвращение Будды», роман В. Войновича

«Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Лолита» В. Набокова, «Архипелаг-Гулаг» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Москва-Петушки» В. Ерофеева и др.

Наконец, в 2017 г. увидел свет знаменитый роман А. Платонова «Чевенгур» на монгольском языке. Это, безусловно, знаковое событие в культурной жизни Монголии, которое стало возможным исключительно благодаря появлению нового поколения писателей-переводчиков с блестящим знанием русского языка. Переводчику требуется знать не только тонкости русской культуры, менталитета, но и особенности русского быта. Автор монгольского перевода «Чевенгура» О. Чинбаяр, безусловно, обладает всеми этими знаниями, а также требуемыми навыками художественного перевода. Язык А. Платонова относится к категории «непереводимого», поэтому труд О. Чинбаяра тем более заслуживает похвалы. Преодолев многочисленные трудности лексического характера (просторечия, диалектизмы, историзмы, технические термины), он выполнил основную задачу переводчика — передать на родном языке образ художественного произведения.

О. Чинбаяру, в частности, помог «Путеводитель по роману А. П. Платонова „Чевенгур“» Е. А. Яблокова. О стиле языка А. Платонова Е. А. Яблоков писал: «Характернейшая черта стиля Платонова 1920—1930-х годов — необычный, „неправильный“ язык его прозы, соответствующий той причудливо сюрреалистической художественной реальности, которая изображается в платоновских произведениях. Окказиональные, индивидуально-авторские словоупотребления подчас вызывают у читателя недоумение...»⁶. Вот как были переведены некоторые лингвистически малопонятные фразы на монгольский язык: «...хлеб в олеонафт макать...» переведен как: «...*тосолгооны шингэнд хуртэл талхаа дэвтээж...*», «чесали пролежни...» — «...*хэвтрийн холгоосоо маажина...*», «...а ты что заков?...» — «...*харин чи минь яагаад хөичихөө вэ?*...»⁷

Но перевод — это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур. Выход романа А. Платонова «Чевенгур» на монгольском языке — творческая победа О. Чинбаяра, талантливого переводчика, но это также бесценный вклад в сокровищницу отечественной, монгольской литературы и в копилку литературных связей двух наших стран.

⁶ Яблоков Е. А. Путеводитель по роману А. П. Платонова «Чевенгур». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 48.

⁷ Платонов А. Чевенгур / пер. О. Чинбаяра. Улаанбаатар. 2017. С. 27—29.

Ойраты и Калмыки Монголии, России, Киргизстана и Китая: в поисках этнической идентичности ойратов XX—XXI вв.

**Международная конференция, Геттингенский университет
им. Георга-Августа, Германия. 20—23 февраля 2018 г.
Организатор: д-р Иоганнес Рекель**

DOI: 10.25882/mhjf-4q38

Участники конференции «Ойраты и Калмыки Монголии, России, Киргизстана и Китая:
в поисках этнической идентичности ойратов XX—XXI вв.»

20—23 февраля 2018 г. в университете Геттингена состоялась международная конференция, посвященная вопросам исследования и сохранения языка, письменности и традиционной культуры ойратов. Геттингенский университет с его крупнейшей в Германии библиотекой монгольской литературы является одним из ведущих европейских центров по изучению Центральной Азии. Нынешняя конференция продолжила тематику симпозиума 2014 г., посвященного исследованию письменных источников данного региона¹.

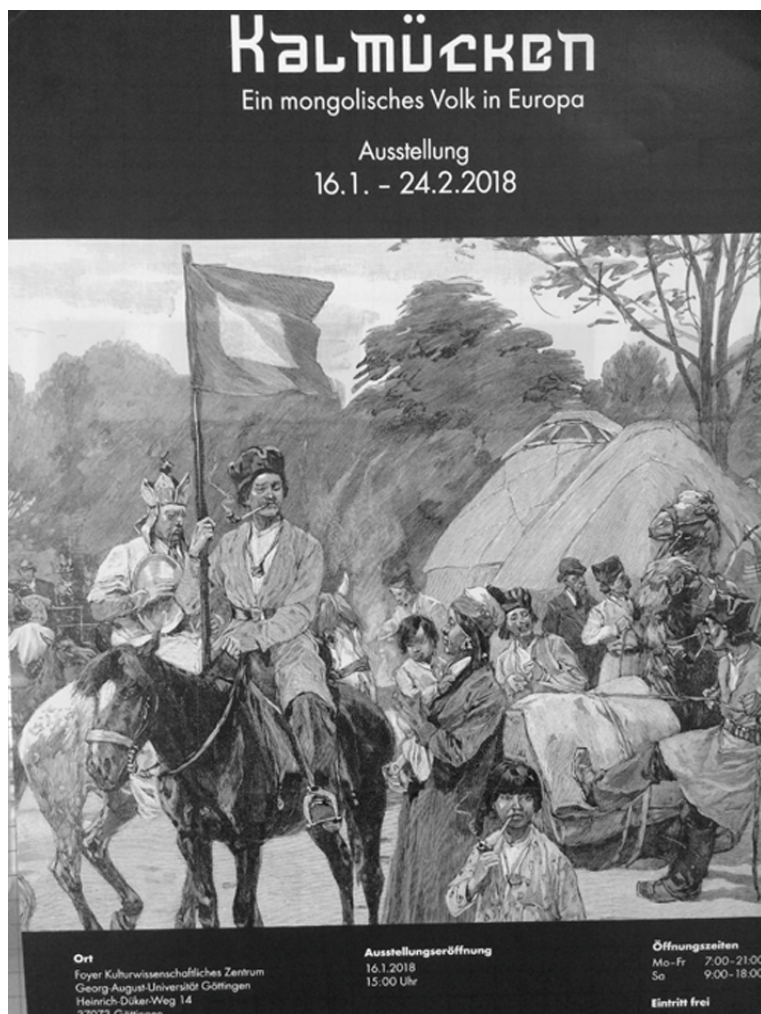
¹ Reckel, Johannes (Ed.), *Central Asian Sources and Central Asian Research — Selected Proceedings from the International Symposium*, Göttingen, October 2014, ISBN 978-3-86395-272-3; *Göttinger Bibliotheksschriften*, vol. 39; free open access; Göttingen, 2016.

<https://www.univerlag.uni-goettingen.de/handle/3/isbn-978-3-86395-272-3?locale-attribute=de> (дата обращения: 20.09.2017).

Как отметил организатор и куратор конференции д-р Иоганнес Рекель, ойратоведение в целом остается малоразработанной сферой. Ойраты, доминировавшие вплоть до XVIII столетия в западном регионе Центральной Азии, в настоящее время живут небольшими диаспорами на территории четырех современных государств. По ряду политических событий начала XX в. контакты между группами ойратов были прерваны или крайне ослаблены, лишь в начале 1990-х гг. началось восстановление прежних связей. Сравнительное изучение групп ойрат-калмыков, рассеянных на громадных территориях между Нижней Волгой, Монгольским Алтаем, долиной реки Или в Китае и западным побережьем Иссык-Куля в Киргизии, и переживших разный исторический опыт в XX столетии, представляет прекрасные возможности для исследования транснациональной диаспоры. Понимание исторической основы, глубокое изучение языка, письменности, религии, фольклора и внутренней социальной структуры как важнейших элемен-

тов национальной идентичности объясняет особенности развития диаспор в настоящее время и является

необходимым условием для поиска путей их сохранения и развития.

Афиша выставки, приуроченной к конференции

Директор государственной библиотеки университета Геттингена д-р А. Мюллер-Драйер обратился с приветственным словом, открывая конференцию. С основным докладом выступил д-р Й. П. Лаут, который акцентировал внимание на значении исследовательских центров Германии, Венгрии, Чехии и Польши. Начало европейского монголоведения восходит к деятельности евангелической миссии в Сарепте, основанной в 1765 г. Немецкие миссионеры И. Я. Шмидт, И. Иериг, Г. А. Цвик вошли в историю науки как первые ойратоведы, открывшие Центральную Азию для европейской науки XVIII—XIX вв. В XX столетии судьбы немецкого и калмыцкого народов связали трагические события — сталинградская битва, развернувшаяся на территории Калмыцкой степи, и ссылка калмыков в Сибирь, повлекшая утрату языка и традиционной культуры. Обсуждение идей по восстановлению ойратского языка и письменности в условиях современного общества и новых технологий определило основную тему конференции.

Работа конференции велась по следующим направлениям: история ойратов и ойратского языка;

общество и язык; песни, поэзия и танцы; язык и культура; язык и лингвистика; язык интернета и старые обычаи.

Секция «История ойратов и ойратского языка» (модератор д-р Иоганнес Рекель) была представлена докладами: «Народные поверья и обычаи в ойратских документах из долины Или» (проф. Эдемту Миннгад, Минцун университет); «Ойратское руководство по буддийскому учению Зая Пандиты» (д-р Агата Барейя-Старжинска, Варшавский университет); «Ойратские экспонаты из дворца-музея Богдо-Гэгэна» (Б. Хурандаа, Улан-Батор); «Травма депортации калмыков в Сибирь 1943—1957: Персональная история» (Л. Вартманн-Буратаева, Немецко-калмыцкое общество, Йена); «Язык кара-калмыков Киргизстана» (д-р Давид С. Кара, Венгерская академия наук); «Некоторые проблемы истории Алтайского региона в начале 20 столетия» (проф. Нямдорж, университет Ховда); «Отражение устного ойратского диалекта в тибетских текстах» (проф. А. Батсуури, университет Ховда); «Калмыцкие деловые документы XVIII в. как источник изучения истории калмыцкого

языка» (**Д. Б. Гедеева**, канд. филол. наук, Калмыцкий государственный университет); «Устная традиция российских калмыков, ойратов Западной Монголии и Китая: реальность и прогнозы» (проф. **Е. Э. Хабунова**, доктор филол. наук, Калмыцкий государственный университет).

В этот же день были заслушаны выступления по теме «**Общество и язык**» (модератор д-р Агата Барейа-Старжинска): «Современные тенденции развития калмыцкого языка: положительные и отрицательные явления языковой политики» (**Д. Бадмаева**, студентка, Калмыцкий государственный университет); «Изменения в образовательных программах ойратов Синьцзяна в контексте школьной системы национальных меньшинств КНР» (**Катаржина Голик**, Польская академия наук); «Идентичность калмыков в XXI веке: Насколько важны этническое, религиозное и языковое основания?» (**Б. У. Китинов**, канд. ист. наук, РУДН); «Языковое образование и национальная идентичность в малых этнических группах Западного Киргизстана: калмыки, уйгуры, дунгане» (**З. Абдуманова**, канд. филол. наук, Иссык-Кульский университет); «Отражение кочевой культуры в фразеологических оборотах калмыцкого и киргизского языков» (**Н. Абдырахматова**, канд. филол. наук, доцент Иссык-Кульского университета); «Быть ойратом: вербальное и невербальное выражение идентичности» (проф. **Агнеш Бирталан**, Будапештский университет); «Визуальная антропология: полевые записи ойратов Синьцзяна, Внутренней Монголии и в провинции Хэбэй» (**Ф. Доржираа**, Кембриджский университет); «Обряды ойратов Западной Монголии» (**Б. Хурандаа**, Улан-Батор); «Использование калмыцких сказок на уроках немецкого языка» (**Э. О-Г. Далдинова**, канд. пед. наук, Калмыцкий университет); «Г. Д. Рамштедт и торгудский князь Байар» (проф. **Алтан-Очир**, Институт исследования пограничных территорий, Китайская академия наук).

Во второй день конференции работа велась параллельно в нескольких секциях. По теме «**Песни, поэзия и танцы**» (модератор проф. Агнеш Бирталан) были заслушаны доклады: «Рукописи Джангара, собранные К. Ф. Голстунским» (**М. Босхонджиев**, студент университета Хух-Хото); «Эпос Джангар у народов Алтая» (проф. **Тая Дава**, университет Хух-Хото); «Поэзия хошоутов провинции Циньхай» (проф. **Саренгерел Бургуд**, Минцзу университет, Пекин); «Немецкие исследователи ойратских народных песен» (**Б. Дамринжаб**, Институт этнической литературы, Китайская академия общественных наук); «Протяжные песни калмыков: реликты, выжившие в XX веке» (**Г. Дорджиева**, канд. искусствоведения, Бостон); «Роль танца в конструировании категорий этнической идентичности в современной Монголии: народность *хотон*» (**Р. Бланшер**, докторант École pratique des hautes études, Париж); «Танцы народностей Западной Монголии» (**А. Мунхцацал**, докторант, Университет Гумбольдта); «Вопросы создания лексического словаря калмыцкого эпоса Джангар» (**Е. В. Бембеев**, канд. филол. наук, Калмыцкий научный центр

РАН); «Значение народных песен *захчинов* для сохранения их этнической идентичности» (**Сарина**, докторант, Минцзу университет; **Ксаба Фахиди**, докторант, Будапештский университет).

На заседании секции «**Язык и культура**» (модератор д-р Рекель) прозвучали доклады: «История калмыцких ханов» (**Б. Бадмаев**, студент, университет Хух-Хото); «Почему в современном калмыцком языке редуцированы гласные» (д-р **Араи Юкиясу**, Университет Азии, Токио); «Семиотические характеристики родственности в калмыцкой лингвокультуре» (**Ж. Н. Сарангаева**, канд. филол. наук, Калмыцкий университет); «Ойратский диалект по военным отчетам 1610 г. 'Lülongsai lue'» (**Керел Бюргед**, Пекин); «Две песни, записанные Ю. Ф. Малчем в XVIII веке, в сравнении с современными ойратскими песнями» (**А. Басанг**, Университет Ланчжоу); «Сибирская составляющая ойратского этноса: *Qasing Qan ba tegün-ü čecen tüsimel* и онтологии Северной Азии» (**А. Маттефи**, докторант, университет Бонна); «Сравнение и анализ использования всех форм *бирга* в Тодо бичг» (д-р **Монхделгер**, Кукунорский университет национальностей, Синин); «Происхождение различий в ойратских диалектах» (д-р **А. Ракош**, Будапештский университет).

Секция «**Язык и лингвистика**» (модератор д-р А. Ракош) была представлена сообщениями: «Изучение ойратского диалекта и фольклора Западной Монголии: современные тенденции» (д-р **Янжиндулам**, университет Ховда); «Двуязычные образовательные программы и учебники в Калмыкии на фоне языкового сдвига» (**В. В. Баранова**, канд. ист. наук, доцент Высшей школы экономики, Санкт-Петербург); «Роль Ясного письма в развитии монгольской письменности» (проф. **Бао Вуйун**, университет Хух-Хото); «Тексты Ясного письма, переведенные на кириллицу „необразованными“ сельскими жителями Западной Монголии во второй половине 20 столетия» (д-р **О. Срба**, Брно); «О некоторых спорных вопросах в изучении Ясного письма» (**Содмон Намджавин**, канд. филол. наук, Калмыцкий университет).

По теме «**Язык интернета и старые обычаи**» (модератор Б. Китинов) были заслушаны выступления: «История переводов калмыцкого героического эпоса „Джангар“ на казахский язык» (**Санди Беке-таева**, студентка Калмыцкого университета); «Библиографические исследования сутр на Ясном письме» (проф. **Цецен Жигденгомбо**, Улан-Батор); «О глаголах в условном наклонении в Своде Законов Кукунорской лиги» (д-р **Ценгел**, Китайская академия общественных наук); «Развитие письменного монгольского языка и молодежный сленг в социальных медиа» (**Саран Дугармаа**, Йена); «Музей традиционной культуры им. Зая Пандиты» (**С. Г. Батырева**, д-р искусствоведения, Калмыцкий научный центр РАН).

День завершился экскурсией в отдел монгольских рукописей и ксилографов в историческом здании старой библиотеки университета. Участники конференции ознакомились с ранними памятниками на

Ясном письме из коллекции Георга Томаса фон Аша (Georg Thomas von Asch, 1729—1807).

Третий день конференции был посвящен осмотру фотовыставки «Калмыки — единственный монголоязычный народ Европы» в помещении Культурного центра библиотеки университета и экскурсии в Этнографический музей университета, основу которого составляют материалы из собрания Г. Т. Аша. Российский врач с немецкими корнями, выпускник медицинской академии Санкт-Петербурга, Г. Т. Аш в 1747—1750 гг. учился в Геттингенском университете. На протяжении 1771—1806 гг. Г. Т. Аш передал в дар университету свои уникальные по объему и научной ценности коллекции, охватывающие самые различные отрасли знания¹. Собрание этнографических предметов представляет повседневный быт и религиозные практики народов Сибири, Дальнего Востока и Азии. Кроме того, эти материалы связаны с самыми первыми научными российскими экспедициями в Сибирь, в состав которых входили немецкие участники. Этнографическая часть коллекций Г. Т. Аша включает около 180 этнографических объектов. Бурятские, монгольские и калмыцкие предметы представлены преимущественно персонажами буддийского пантеона, среди них бронзовые, глиняные и восковые статуи Будды Шакьямуни, Цзонхавы, Пятого Далай-ламы.

Заключительная дискуссия конференции была посвящена обсуждению путей сохранения языка и письменности национальных меньшинств в мультиэтнических обществах. В настоящее время в Киргизии на калмыцком языке говорит только старейшее поколение. В Западной Монголии ойратский диалект вытесняется господствующим восточно-монгольским языком. Калмыцкий язык, согласно реестру ЮНЕСКО, внесен в список исчезающих языков.

Письменный ойратский язык имел чрезвычайно важное историческое значение. Ясное письмо выполняло функции *lingua franca* в северных степях Центральной Азии. До времени падения Джунгарского ханства в 1757 г. использование Ясного письма регулировалось определенными стандартами и употреблялось для коммуникации как с различными группами ойратов и калмыков, так и с маньчжурскими и российскими властями. Тодо Бичг использовался казахскими ханами для общения с представителями маньчжурской династии Цин в XVII—XVIII вв. В XX столетии письменный ойратский язык пришел в упадок. В Западной Монголии и Киргизстане ойратский язык остался лишь как устный диалект без письменного языкового стандарта. В 1924 г. советские власти ввели кириллический алфавит для пись-

менного калмыцкого языка. После 1930 г. использование письменного ойратского языка в Монгольской Народной Республике прекратилось. В 1984 г. власти Синьцзяна прекратили обучение письменному ойратскому языку и использование ойратских учебников в школе.

К обсуждению были предложены вопросы о том, как сделать изучение и использование языка более удобным и практичным для молодого поколения, о том, насколько результативной может быть языковая политика в школах Калмыкии, отвечают ли существующие школьные учебники запросам времени, каково будущее письменного ойратского языка в Китае. Д-р Рекель подчеркнул, что в западных странах до сих пор не существует словарей и грамматики современного ойратского письменного языка, это чрезвычайно затрудняет доступ к современным ойратским текстам. Ощущается явный недостаток практического учебного материала, онлайн курсов. Необходимо поддержка использования калмыцко-ойратского языка в интернете. Решение обозначенных проблем возможно при создании прочных связей между ойратскими диаспорами. Кроме того, важно привлечь внимание международных научных кругов к сложившейся ситуации.

По результатам конференции принято решение о заключении и подписании трех соглашений университета Геттингена с Ховдским, Иссык-Кульским и Калмыцким университетами. Центральное направление совместных ойрат-калмыцких проектов связано с вопросами разработки технической платформы, которая бы объединила различные веб-ресурсы: словарь современного ойратского языка в его письменном и в многообразии устных диалектов; параллельный словарь устных ойратских диалектов с привлечением цитирования живого разговорного языка, материалов газет и других печатных источников. Такая задача осуществима лишь при активном участии и совместных усилиях многих ойратских и калмыцких разработчиков. Подобный проект призван не только решать научные вопросы, как, например, обеспечение основы для серьезных лингвистических исследований, но может послужить мощным импульсом к сдвигу в языковой ситуации.

Конференция прошла в чрезвычайно заинтересованной, искренней и доброжелательной обстановке. По итогам конференции планируется издание материалов в виде сборника статей.

Гуляна Дорджиева
Фото предоставлены Г. А. Дорджиевой,
Араи Юкиясу

¹ Siberia and Russian America. Culture and art from 1700s. The Asch collection. Prestel verlag. Munich; New York, 2007.

Новая литература по монголоведению

DOI: 10.25882/gxdf-c381

Каталоги рукописных собраний

Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. (Orientalia). 511 с. + 8 л. ил. ISBN 978-5-85803-495-7; ISBN 978-5-85803-506-0 (Вып. 1).

Вышедшая небольшим тиражом (всего 300 экз.) в Санкт-Петербурге книга стала, без преувеличения, знаковым событием не только для отечественной и мировой тибетологии, но и для монголоведения и, шире, всей буддологии. Авторский коллектив в составе канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИВР РАН А. В. Зорина, канд. филол. наук, мл. науч. сотр. ИВР РАН С. С. Сабруковой, мл. науч. сотр. ИВР РАН А. А. Сизовой и Б. Л. Митруева описал пять изданий Кагьюра и два издания Тэнгьюра, что составляет в общей сложности около 1900 томов, а также 23 оригинальные рукописи каталогов и индексов к различным изданиям канона, в том числе одну тибето-монгольскую билингву.

Начало серии научных каталогов коллекции тибетских рукописей и ксилографов с описания изданий и отдельных произведений буддийского канона авторы обусловили тем, что Кагьюр (около 1200 текстов) и Тэнгьюр (около 4100 текстов) являются основой тибетской классической литературы. В коллекции представлены 4 издания XVIII в., когда маньчжурская династия Цин в Китае оказывала максимальную поддержку тибетскому буддизму, и одно издание начала XX в., осуществленное в городе Их Хурээ (известном в русских и европейских источниках как Урга).

Введение освещает не только общие принципы описания, принятые в каталоге, но и процесс формирования коллекции, а также историю ее изучения. Раздел, посвященный каждому из изданий, предваряет лаконичное описание его структуры, истории и палеографических данных.

25 фотографий, выполненных А. А. Сизовой и занимающих 8 листов цветной вклейки, дают читателю полное представление о возможных вариантах внешнего вида и художественного оформления существующих изданий тибетского буддийского канона, а также об особенностях его хранения в ИВР РАН.

Издание стало замечательным подарком к 200-летию Азиатского музея (ныне — ИВР РАН) и 315-летию Санкт-Петербурга, с чьей историей тесно связан процесс формирования коллекции тибетских рукописей и ксилографов ИВР РАН, последний печатный каталог которого датируется 1847 г.

Всего предполагается четыре выпуска каталога, во второй авторский коллектив предполагает включить индексы, а в третий и четвертый — отдельные издания канонических произведений и различных их сборников.

Публикации по истории литературы монгольских народов

Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии / под ред. М. С. Пелевина. СПб.: Свое изд-во, 2015. 256 с., ил. ISBN 978-5-4386-0995-7.

Коллективная монография, составленная главным образом ведущими преподавателями Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, рассматривает основные вопросы изготовления и бытования средневековой книги в Китае, Японии, Индии, Тибете, Монголии, арабских странах, Иране и Османской империи. Специальный раздел, подготовленный старшим преподавателем кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета К. В. Алексеевым, А. А. Туранской и научным сотрудником ИВР РАН Н. В. Ямпольской посвящен рукописным и ксилографическим книгам Монголии. В нем читатель может найти краткий исторический очерк развития рукописно-ксилографической традиции у монголов, освещающий как сами книги, так и то, кем и зачем они изготавливались. За очерком следует обширное описание рукописей и ксилографов как одного из важнейших явлений монгольской культурной и экономической жизни, при этом особое внимание уделено встречающимся в них дуктам и почеркам. Завершающая и самая значительная часть очерка посвящена существующим формам книги, особенностям оформления обложек, титульных листов и названий, начала и конца текста, видам книжных листов и художественному оформлению рукописей и ксилографов. Отдельно исследователи

поставили вопрос о бытовании и функционировании книги в традиционном монгольском обществе.

Аналогичные вопросы, но касающиеся тибетской рукописно-ксилографической книги, затронуты в специальном разделе, составленном доцентом той же кафедры Восточного факультета П. Л. Гроховским, а также аспирантами П. И. Буцык и А. С. Крамсковой. Данное издание является ценным пособием как для специалистов в области средневековой текстологии, так и для всех, кто интересуется культурой Востока и Монголии в частности.

Публикации по истории монгольских народов

Почекаев Р. Ю. *Золотая Орда. История в имперском контексте.* СПб.: Наука, 2017. 206 с. ISBN 978-5-02-039675-3.

Опубликованная в рамках возобновленной в 2004 г. издательством «Наука» серии «Научно-популярная литература» монография привлекает не только любителей истории России, но и специалистов-монголоведов. Автор полемизирует с двумя магистральными подходами в современной историографии Золотой Орды, первый из которых рассматривает объект исследования как отдельную, в том числе и от *Pax Mongolica*, цивилизацию, а второй резко выступает против этого. Исследователь предлагает рассматривать Золотую Орду как часть монгольской имперской системы, что достаточно четко осознавалось ее правящей элитой. Эту мысль он обосновывает наличием прямой связи всех этапов развития данного государства с соответствующими этапами развития всех улусов Чингизидов.

В первой главе подробно описывается процесс формирования золотоордынской политической системы на базе монгольской империи, происходивший в XIII в. Следом рассматривается конец XIII—начало XIV в. — период наивысшего расцвета государства как в политическом, так и в экономическом и культурном смысле. В третьей главе подробно говорится о так называемой «замятне великой» — гражданской войне второй половины XIII в. Её основной причиной автор считает необратимый процесс распада монгольской имперской политической системы, в результате которого половина улусов прекратила свое существование. В пятой и последней главе рассматривается процесс падения Золотой Орды, начавшийся в первой четверти XV в., в качестве главной его причины автор называет окончательную утрату связи с имперским миром и, как следствие, собственной идентичности как членов имперского рода. Началом этого автор считает периоды правления Токтамыша (1380—1406) и неудачных попыток Едигея восстановить величие Золотой Орды в начале XIV в., о чем подробно повествуется в четвертой главе.

Библиографический аппарат книги полезен начинающему исследователю, заинтересовавшемуся ис-

торией Золотой Орды. Он включает научные статьи и монографии на русском, английском, немецком, французском, итальянском языках, опубликованные за прошедшие два столетия — с 1833 по 2016 г. Автор специально выделил список из 50 академических изданий источников по истории Золотой Орды, преимущественно на русском языке, что добавляет монографии значение как справочному изданию.

Публикации по фольклору монгольских народов

Кульганек И. В. *Монгольские пословицы и поговорки: Исследование, перевод, комментарии.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 184 с. (Orientalia). ISBN 978-5-85803-509-1.

Небольшая на первый взгляд книжечка, вышедшая ограниченным тиражом, появилась в результате многолетнего труда и является значительным вкладом в отечественное монголоведение. Перед нами первое комплексное исследование поэтики монгольских паремий, в котором автор не просто предлагает классификацию художественных особенностей пословиц и поговорок монголов, бурят и калмыков, но и выделяет внутренние смыслы, которые вкладывают в них представители рассматриваемых народов.

В рамках классической структуры монографии, состоящей из введения, трех глав и заключения, ученый изложил историю изучения монгольских пословиц и поговорок, описал их образность и художественные особенности, рассмотрел возможные классификации лежащих в их основе метафор.

Значительная часть первой главы работы посвящена материалам по паремиям монгольских народов, содержащимся в коллекции рукописей и ксилографов, а также в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. В год 200-летнего юбилея Азиатского музея это в очередной раз подчеркивает значимость данного научного учреждения не только для классического востоковедения, но и для сравнительной фольклористики.

Ядром второй главы можно считать ее первый раздел, в котором автор выделяет два основных понятия монгольских пословиц — это «счастье» и «буддизм», который включает в себя такие категории монгольской традиционной жизни, как «мудрость», «вера» и «учение».

Третья глава целиком посвящена комментированным переводам монгольских пословиц и поговорок на русский язык и сравнению их с возможными русскими эквивалентами. При этом автор передает текст не дословно, а предлагает свое понимание, приглашая читателя, знакомого с монгольской культурой, к дискуссии.

Исследование убедительно доказывает, что без знания традиционных паремий невозможно получить представление о картине мира монгольских народов. Каждому, кто интересуется устным народным

творчеством монголов, бурят и калмыков, оно послужит отправной точкой на пути к познанию многогранного и так непохожего на наш мир монгольской культуры.

Бурыкин А. А. Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов (по материалам сказок о небылицах). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. 418 с. ISBN 978-5-6040210-9-5.

Данная работа представляет собой сплав трех основных форм фольклористического исследования: монографии, указателя мотивов сказок о небылицах и антологии текстов. Сама ее структура организована так, чтобы доказать идею автора о наличии многомерных связей фольклорной традиции хантов и манси с устным творчеством народов Южной и Восточной Сибири, Центральной и Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Юго-Восточной Европы, для чего исследователь активно привлекает материалы фольклора бурят, калмыков и халха-монголов.

Помимо общей характеристики основных мотивов, встречающихся в сказках о небылицах, и описания принципов их выделения, в монографии представлена реконструкция присутствующего в произведениях данного типа фольклорного мира во всех его деталях. На базе обширного материала, привлеченного исследователем, это позволило выявить наиболее распространенные типы повествований о рассказывании небылиц и особенности их бытования у разных народов. Для монголоведов особенно ценным является то, что в качестве самого репрезентативного типа таких историй была признана хорошо известная фольклористам-монголоведам калмыцкая сказка «72 небылицы».

Предпринятый в монографии типологический анализ сказок о небылицах убедительно показал их тесную связь с волшебными, бытовыми и животными сказками, быличками, этиологическими рассказами, другими жанрами несказочной прозы, а также различными паремиями.

Особенно важным является исследование географических ареалов распространения вариантов сюжетов, что позволило сделать интересные, хотя и предварительные оригинальные выводы относительно исторической типологии и генезиса как отдельных типов, так и сказок о небылицах в целом.

Включенный в издание указатель мотивов небылиц построен по предметному принципу, который позволяет с легкостью определить не только случаи упоминания и характер небылиц относительно каждого предмета, но и место этого предмета в развитии сюжета.

Главным достоинством антологии сказок о небылицах, вошедшей в состав представленной работы, является стремление к максимально полному охвату материала и его минимальной коррекции. В отличие от большинства опубликованных в XX—начале XXI в. сборников произведений фольклора монгольских,

финно-угорских и других народов, автор не пытается представить читателю своего рода «эталонные» тексты. Тем самым он избавляет работу от ошибок, связанных с текстологическими «шумами», неизбежно возникающими при попытках отсеять «лишнее» в каждом конкретном исполнении. Данный принцип работы ставит этот труд в один ряд с новейшими сводами текстов несказочной прозы, подготовленными отечественными фольклористами за последние пять лет.

Привлечение примеров из художественной литературы с целью объяснения встречающихся в фольклорных текстах поэтических образов, что является отличительной чертой отечественной фольклористики, облегчает понимание основных идей автора.

Монография является значительным подспорьем для исследователей фольклора этносов России, Центральной Азии и Восточной Европы, а также для теоретиков устного народного творчества.

Публикации по истории монголоведения

Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX—начало XX века) / отв. ред. М. И. Гольман, Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. 264 с. ISBN 978-5-89282-589-4.

Монография состоит из введения, трех глав и информативных примечаний. Небольшое по объему введение сразу погружает читателя в проблему исследования и раскрывает его основные методологические основания. С одной стороны, автор опирается на увидевшие свет в середине и второй половине XX в. работы выдающегося отечественного историка географической науки Эдуарда Макаровича Мурзаева (1908—1998), посвященные общему ходу географического и страноведческого изучения Монголии русскими исследователями. С другой стороны, она работает в русле последних исследований историкотюрколога А. А. Колесникова, раскрывающих особенности военного востоковедения в России XIX в. на примере деятельности исследователей Афганистана и Восточного Туркестана. Эта монография дополняет работы профессора Ю. В. Кузьмина, посвященные вопросам пребывания российских военных в Монголии в свете состояния и перспектив монголо-российско-китайских отношений. Автором предпринято, по сути, первое комплексное исследование процесса изучения Монголии русскими военными. Их вклад в науку о Монголии мало изучен из-за того, что большая часть работ являлась в первую очередь военно-аналитическим материалом и до недавнего времени оставалась засекречена. Эти исследования базировались на трудах отечественных путешественников и монголоведов, в первую очередь Николая Михайловича Пржевальского (1839—1888).

В первой главе подробно рассказывается об организационной структуре военного востоковедения,

тесно связанной с интересами Российской империи на Дальнем Востоке и общемировой геополитикой. При этом автор прослеживает тесную связь путешественников-офицеров с гражданским монголоведением. Отдельный материал посвящен методике исследований, разработанной Дмитрием Алексеевичем Милютиным (1816—1912) и Андреем Евгеньевичем Снесаревым (1865—1937).

Вторая глава представляет собой подробное описание организованных Генеральным штабом с 1879 по 1912 г. экспедиций, маршруты которых проходили по территории Монголии.

Завершающая глава обращает внимание на особенности исторических и этнографических исследований военных востоковедов, проводившихся в контексте анализа отношения местного населения и представителей знати к китайскому присутствию, нарастающему влиянию Японии и возможностям сотрудничества с Россией.

Монография подробно освещает не затрагивавшуюся ранее отечественным монголоведением проблему и будет полезна как для историков России и Монголии, специализирующихся на эпохе, предшествовавшей появлению автономного монгольского государства, так и для широко круга исследователей.

Мэргэн гүн Гомбожав. Намтар, баримт, эх сурвалж (Мэргэн гүн Гомбожав. Биография, документы, источники). Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2016. 308 с. ISBN 978-99973-57-19-9.

Гомбожав, Мэргэн-гун (1906—1940), несмотря на свою короткую жизнь, оставил значительный след в монголоведении. Будучи сыном халхаского князя, он получил всестороннее традиционное монгольское образование, свободно владел тибетским, русским, французским и другими языками. Свою научную деятельность он начал в 1924 г. с работы в Терминологической комиссии МНР, а завершил в 1937 г. в статусе аспиранта ИВ АН СССР (г. Ленинград). Ей и посвящен данный сборник, подготовленный Институтом истории и археологии АН Монголии.

Первая часть подробно освещает основные вехи жизненного пути ученого. В открывающем ее разделе подробно излагается история княжеского рода, к которому относился Гомбожав, и особенности его начального образования. Во втором разделе повествуется о годах учебы в Ленинградском институте живых восточных языков, у Поля Пеллио в Париже и об аспирантских годах, проведенных под руководством Н. Н. Поппе в Институте востоковедения (Ленинград). Третьим вопросом, затронутым в книге, стала работа исследователя в научных учреждениях — Ученом комитете Монголии, Бурят-Монгольском государственном институте культуры и филологическом отделе Научно-исследовательского института Монголии. Завершает первую часть рассказ о событиях личной жизни последних лет ученого.

Вторая часть содержит 143 документа из Центрального национального архива Монголии, Цен-

трального архива международных отношений Монголии, Особого архива Главного разведывательного управления Монголии, Архива ФСБ РФ, Государственного архива Республики Бурятия, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Архива востоковедов ИВР РАН (г. Санкт-Петербург), а также из личного архива потомков ученого. Документы, датированные 1805—1940 гг., освещают часть семейной истории и выдающиеся события жизни ученого, завершившейся безвременной гибелью. Несмотря на то что все документы даны в переложении на современную монгольскую и русскую графику, их публикация представляется важным шагом в деле освещения истории Монголии и России первой трети XX в.

Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения (XVII—XX вв.). Иркутск: изд-во БГУЭП, 2014. 438 с. ISBN 978-5-7253-2731-1.

Работа позиционируется авторами как очерки по истории монголоведения в Иркутске и поделена на биографические статьи о наиболее выдающихся представителях данной школы, предваряемые обширным историческим экскурсом, освещающим процесс формирования традиций монголоведческих исследований в Восточной Сибири. В ней рассмотрен период от заключения Нерчинского договора (1689), когда резко возросло значение Иркутска, где происходили непосредственные контакты с монгольскими и ойратскими послами. При Иркутском губернаторе (после 1822 г. — генерал-губернаторе) постоянно находились переводчики Коллегии иностранных дел, за время пребывания в составе Духовной миссии в Пекине прошедшие подготовку по монгольскому, маньчжурскому и китайскому языкам. Тем самым отмечена тесная вовлеченность иркутских востоковедов в российский и мировой научный процесс, несмотря на изначально практический характер их деятельности. Особое внимание авторы уделяют тому, что и в самом городе в 1725 г. при Вознесенском монастыре возникла «мунгало-русская» школа, что сделало его одним из центров православной миссионерской деятельности.

История формирования тесной связи иркутских монголоведов с центрами светского и миссионерского востоковедения в Казани и Петербурге на протяжении всей дореволюционной истории прослежена в статье, посвященной Александру Васильевичу Игумнову (1761—1834) — учителю О. М. Ковалевского и А. В. Попова. Наследие этого ученого с недавнего времени стало привлекать внимание исследователей. Схожим образом представлена и деятельность русского монголоведа-дипломата Якова Парфеньевича Шишмарева (1861—1911), оказавшего значительное влияние на развитие гражданских и военных экспедиционных исследований Монголии русскими путешественниками. Очерк о Дмитрие Петровиче Першине (1861—1936) раскрывает все грани деятельности этого замечательного историка, этнографа, гео-

графа и краеведа. Значение работы Ивана Михайловича Майского (1884—1975) изложено на примере его труда «Современная Монголия», опубликованного в 1921 г. в Иркутске. Подробно описаны научный путь и взгляды историка-монголоведа Николая Николаевича Козьмина (1872—1938), во многих аспектах отличные от концепции его современника Б. Я. Владимирцова. Объемный раздел посвящен обзору выполненных Еленой Марковной Даревской (1919—2010) исследований по истории русско-монгольских связей рубежа XIX и XX вв.

Небольшие очерки посвящены дипломату Сергею Петровичу Кузнецову (1889—1938), археологу Эрдэмто Ринчиновичу Рыгдылону (1906—1957) и его ученику Владимиру Вячеславовичу Свинину (1936—2012), историку Нине Павловне Шастиной (1898—1980), писателю и историку Гавриилу Филипповичу Кунгурову (1903—1981), фольклористу Надежде Осиповне Шаракшиновой (1915—2000), историку Бурятии Зандра Тагаровичу Тагарову (1928—2000).

Затронуты в монографии и работы современных исследователей: историков Н. Н. Кузнецова, Н. Е. Единарховой, К. Л. Малакшанова, Е. И. Лиштованного, Ж. З. Тагарова, Т. Б. Тагаровой, Н. Н. Крадина, Ю. В. Кузьмина, О. Батсайхана, В. А. Василенко, Л. Н. Крайновой, А. В. Харинского, этнографа Ю. П. Лыхина, искусствоведа А. И. Шинкового, журналистов и путешественников В. В. Бережных, С. Н. Волкова.

Сборники статей

Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928—2014) 16—17 февраля 2015 г. Санкт-Петербург. СПб.; Улан-Батор, 2016. 272 с.: ил.

Издание, подготовленное совместными усилиями Института восточных рукописей РАН и Института истории и археологии АН Монголии, посвящено главным образом тюркологическим проблемам, которым посвятил всю свою жизнь выдающийся отечественный тюрколог-археолог, бессменный руководитель Сектора тюркологии и монголистики ЛО ИВ АН (ныне ИВР РАН) Сергей Григорьевич Кляшторный. Однако, как и труды Сергея Григорьевича, сборник затрагивает и ряд монголоведческих вопросов.

Руководителем Сектора Центральной Азии доктором филол. наук И. В. Кулганек был подготовлен обзор собранных исследователем в Монголии за 21 год полевой археологической работы в этой стране фотоматериалов по теме «Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа». Собранный им фотоархив представляет ценность не только для специалистов по тюркской эпиграфике, но и для монголоведов-этнографов, поскольку содержит обширные

сведения о жизни аратов в степи во второй половине XX в.

Доцент Высшей школы экономики и сотрудник Института востоковедения РАН канд. ист. наук Д. М. Тимохин на основании арабо-персидских источников рассматривает причины начала монголо-хорезмийской войны 1219—1221 гг., уделяя особое внимание тому, почему авторы исторических источников посчитали те или иные события основными, а другие — второстепенными.

Писатель из Элисты В. З. Церенов провел анализ названия урочища Манутохай, в котором в XVII—XVIII вв. находилась ставка калмыцких ханов, и пришел к выводу, что первоначально оно относилось к окрестностям песчаного брода у современного поселка Кияковка, граничащего с городом Волжский Волгоградской области. В этом месте река Ахтуба совершает крутой поворот в форме полукольца, на берегу которого находятся высокие заросли. Это описание, по мнению исследователя, полностью соответствует первоначальному значению калмыцкого топонима *манутохай* — ‘место, где находится излучина, поросшая зарослями’.

В сборник включены две монголоведные статьи по лингвистике. Старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета канд. филол. наук Н. Б. Бадмацыренова в своем материале «Временной порядок и формы изъявительного наклонения в монгольском языке» рассматривает особенности средств выражения временного порядка в контексте проблемы характеристики всего темпорального комплекса монгольского разговорного языка. Статья сотрудника Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) доктора филол. наук, доктора ист. наук А. А. Бурыкина «Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин» является ответом на критику концепции генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков со стороны археологов. Автор утверждает, что ареальные проблемы взаимодействия алтайских языков напрямую не связаны с проблемой их родства. Он обосновывает актуальность теории на материале названий дома в алтайских языках.

Мэргэн Гомбожав: амьдрал, өв. Монголын үндэсний сэхээтний нэрт төлөөлөгч Мөнх-Очирын Гомбожавын мэндэлсний 110 жилийн ойд зориулсан олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл (Мэргэн Гомбожав: жизнь и наследие: сборник докладов международной научной конференции, посвященной 110-летию юбилею знаменитого представителя монгольской национальной интеллигенции М. Гомбожава). Улаанбаатар: Адмон Принт ХХК, 2017. 260 тал. ISBN 978-99978-854-9-4.

Подготовленный Институтом истории и археологии АН Монголии и Международной ассоциацией

монголоведов сборник статей затрагивает различные аспекты жизни и деятельности выдающегося монголоведа М. Гомбожава, который, несмотря на свою раннюю трагическую гибель, оставил след не только в монгольской, но и в отечественной науке.

Открывают издание приветственные слова видных представителей академического сообщества Монголии — директора Института истории и археологии АН Монголии доктора ист. наук С. Чулууна и первого вице-президента АН Монголии академика Д. Рэгдэла.

22 статьи, включенные в сборник, затрагивают различные аспекты работы ученого и истории российско-монгольских отношений первой трети XX в. Открывает сборник подготовленный Н. Хишигт обзор вклада, сделанного в монгольскую науку. Этой же теме посвящены статьи Э. Пурэвжава, Ж. Бора, а также материал Ц. Шагдарсурэна о связи работ ученого, выполненных в середине 1930-х гг., с современной монгольской лингвистикой. Ж. Саруулбуян подробно рассмотрел деятельность юбиляра в области развития монгольского искусства.

Ряд статей посвящены истории хошуна мэргэнгуна, центр которого находился на территории современного Рашаант сомона Хубсугульского аймака

Монголии. О предках ученого рассказывается в материале Б. Нацагдоржа, а о связанных с ним архивных материалах — в работах Б. Амартувшина, Г. Мягмарсамбуу, Ш. Эрдэнэбата, Н. Батболда и С. Туяа. Ч. Болд составил обзор фотодокументов, на которых присутствует М. Гомбожав, а И. В. Кульганек и Ч. Батдорж в своих статьях описали документы из архивов Санкт-Петербурга, связанные с его учебой в Советской России. Особняком стоит объемная статья Р. Бямбаа, который осветил жизнь и деятельность первого учителя М. Гомбожава — халхаского Дарбапандиты Агванчойжордондова.

Материалы, подготовленные Л. Б. Жабаевой и Д. Цэдэвом, освещают некоторые вопросы жизни и деятельности последней супруги ученого — бурятского филолога Агриппины (Ойюн Билиг) Николаевны Боржоновой. Взаимодействию М. Гомбожава с Цыбенom Жамцарано посвящена статья Л. Л. Абасовой, а публикации двух других исследователей из России — В. Д. Дугарова и Я. О. Жабаевой затрагивают вопросы культурных контактов монголов и бурят в первой трети XX в.

Д. А. Носов

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI: 10.25882/3gqz-3j71

Роман

Глава шестая

*Посреди большой реки княгиня Гу плачет о дочери.
Княжна Бэнь находит внутри холмика каменный ящик.*

Итак, целых полдня искали утопленницу, уже солнце спустилось за горы, вдали поднимался туман, но поиски оказались напрасны. Лодки по-прежнему не двигались с места.

— Берега здесь крутые, скалистые — отроги гор Цзиньшань, — сказали лодочники, — и течение сильное. Так что искать барышню бесполезно. Завтра с утра, когда будем идти по течению, может быть, и найдем ее тело.

Управляющим ничего не оставалось, как передать эти слова княгине.

— Успокойтесь, госпожа. Такая, значит, судьба у барышни, пришел ее час. — Княгиня зарыдала, а следом за ней все, кто был рядом. В тот вечер никто не прикоснулся к ужину. Всю ночь реку оглашали стенания. Пинсяо несколько раз порывалась броситься в реку, хорошо, что Жуйхун ее удержала. Услышав об этом, госпожа Гу позвала Пинсяо к себе.

— Твоя госпожа оступилась и упала в воду, так-о-во, значит, предначертание судьбы, — поучала она, — смерть ли, рождение — на все воля неба. Будешь прислуживать пока второй госпоже. А когда вернемся домой, я решу, как с тобой поступить. Только прошу тебя, выбрось из головы глупости.

— Барышня меня вскормила и воспитала, — захлебываясь слезами, проговорила Пинсяо, — в благодарности я тоже должна умереть и прислуживать ей на дне желтого источника.

Пинсяо в отчаянии стала кататься по полу, и никак нельзя было ее успокоить. Наконец тетушка На пристыдила ее:

— Слушай, что тебе говорят, и перестань плакать. Вот найдут тело барышни, похоронят, ты и тогда успеешь умереть. Не верю я, что она погибла. Может, живую ее найдем.

Женщины вытерли слезы и принялись утешать госпожу Гу. А она в свою очередь обратилась к Пинсяо:

— Хватит тебе кататься по полу! Вставай! Я помолюсь в храме, поставлю свечку и во все стороны пошлю гонцов на поиски. Ее найдут.

Тем временем явились управляющие и, стоя за дверью, доложили:

— Пришел посыльный из монастыря в сопровождении монахов, говорит, что пора возжигать благовония. Паланкины ждут вас на берегу.

— Ну вот, лишние хлопоты доставили монахам, скажите, что мы идем! — произнесла княгиня Гу.

Она быстро привела себя в порядок и в сопровождении служанок отправилась на берег. Там она позвала управляющего и приказала:

— Возьми маленькую лодку, поезжай к господину Цзиню, расскажи о случившемся. А лодочникам вели продолжать поиски. Если барышню найдут, хорошо бы похоронить ее вместе со старой госпожой.

Княгиня Гу опять заплакала.

— Я пойду молиться за упокой старой госпожи, а потом закажу молебен по двум барышням.

Управляющий закивал головой, сел в лодку и помчался по реке со скоростью пущенной стрелы. Княгиня Гу взяла с собой несколько слуг, добралась до берега, села в паланкин и вскоре оказалась у ворот горного монастыря. Монахи, заметив приближение благодетельницы, ударили в барабан, и началось богослужение.

Княгиню Гу пронесли в паланкине через горные ворота прямо к Залу небесных князей, ее встретил сам настоятель монастыря и по галерее провел в главный храм, здесь посередине стояли статуи трех Будд, повелителей прошлого, настоящего и будущего, а перед ними большие хрустальные чаши для подаяния и неугасимые лампы. На жертвенном столе — благовония, курильницы и еще всякие ритуальные предметы. Пятьсот монахов нараспев читали молитву о спасении. Блеск свечей и аромат благовоний уводили из бренного мира в ворота пустоты.

Княгиня Гу зажгла три ароматные свечи, стала кланяться и молиться.

— Да помогут эти жертвоприношения и лампы всем страждущим переплыть море страданий. Да поможет первая свеча нашей почтенной госпоже возродиться в стране счастья. Да поможет вторая свеча нашим погибшим девочкам обрести новое рождение. Да поможет третья свеча моему супругу и всем чадам и домочадцам пребывать в добром здравии и покое.

Помолившись, госпожа Гу повернулась к служанкам:

— Этот храм не уступит волшебному храму на острове Пэнлай, обители бессмертия.

Служанки тетушки На потихоньку тоже зажгли свечи, молясь каждая о своем. Вдруг Пинсяо с возгласом «О Будда!» стала рыдать. Заплакали и остальные женщины.

Явился монах звать гостей в келью настоятеля пить чай. Домик, где жил настоятель, стоял в бамбуковой роще на берегу озера, и там было прохладно.

— Почему у вас так много монахов? — спросила госпожа Гу настоятеля.

Монах ответил, смеясь:

— А наша вера этого не запрещает. Чем больше, тем лучше.

Госпожа Гу, помня о том, что придется еще заказывать молебен о погибших девушках, приказала управляющим выдать монахам вознаграждение. После чаепития настоятель проводил гостей до ворот и сказал на прощанье:

— Хорошо, если и вечернюю молитву будут читать все монахи!

Тут в разговор вмешался управляющий:

— Конечно! И пусть зажгут все пятьсот светильников.

— Велика милость благодетелей наших, — произнес настоятель, все время улыбаясь и пятясь назад.

Госпожа Гу велела управляющему зажечь светильники и села в паланкин. Только они спустились с горы и вошли в лодку, как слуги доложили:

— Наш господин в устье Хуачжоу нашел утонувшую барышню и отправился на гору Пиншань, чтобы похоронить ее там рядом со старой княгиней.

Госпожа Гу хотела тотчас ехать, но к захоронению уже было не успеть.

— Доченька моя! Циньмо! — вскричала госпожа Гу, вслед за ней запричитали тетушка На, любительница поплакать, все служанки, мамки и няньки. Рыданья огласили реку.

А теперь вернемся к князю Цзиню, который отправился в Хуачжоу, чтобы совершить в горном храме Цзинь обряд захоронения своей почтенной матушки. Утро выдалось благоприятное, князь встал пораньше и уже собрался в храм, когда вдруг явился посыльный от княгини Гу и сообщил, что утонула Циньмо. Сам не свой от горя, князь все же сел в лодку — не откладывать же священный обряд захоронения! Едва они пристали к берегу, к ним подбежал какой-то человек и сказал:

— В устье реки нашли тело девушки. Лицо облеплено грязью, волосы разметались, на руках — золотые браслеты, в ушах — серьги из перламутра. Говорят, это барышня Циньмо. Может быть, господин сам взглянет?

У князя сердце сжалось от боли, и, нахмурившись, он сказал:

— Зачем мне смотреть на мое несчастное дитя? Купите быстрее гроб, найдите людей, пусть принесут гроб на гору Пин, я похороню дочь возле старой княгини.

Итак, прах почтенной княгини понесли к горе Пин. Князь шел рядом. У старой усыпальницы ждали слуги. Могила и надгробие были готовы. Князь поклонился праху отца, рядом с ним захоронил мать. Не успели совершить похоронный обряд, как появились люди с гробом Циньмо. Обливаясь слезами, князь велел здесь же похоронить дочь. Поставили памятник, тем дело и закончилось.

Солнце клонилось к закату, поднялся ветер. Только было они собрались в обратный путь, как слуги сообщили, что сейчас прибудет госпожа. И действительно, два небольших паланкина летели, словно по воздуху. Князь Цзинь со слезами на глазах встретил жену и госпожу На. Женщины подошли к могиле предков, поклонились, затем к свежей могиле Циньмо. Госпожа Гу заголосила и упала на землю. Князь бросился ее поднимать. Оба безутешно рыдали над могилой дочери.

Вдруг князь заметил Пинсяо, она, плача, стояла на коленях перед могилой своей барышни, держа в руках деревянную шкатулку. На вопрос князя, что за шкатулка, Жуйхун ответила:

— В этой шкатулке стихи, рисунки и рукоделье барышни. Пинсяо бережно хранит ее. Но лучше эту шкатулку похоронить вместе с барышней, чтобы, глядя на нее, госпожа не терзалась.

Она взяла у Пинсяо шкатулку, подала князю, тот положил шкатулку в расщелину надгробия и прикрыл сверху камнем. Тут вперед вышел слуга и промолвил:

— Солнце садится. До реки путь неблизкий. Да и младший господин наверняка уже прибыл.

Князь Цзинь должен был встретиться с сыном, поэтому все, не мешкая, направились к реке.

Надобно вам сказать, что у князя был сын по имени Цзиньчжун, младше Циньмо на три года. Ему должно было скоро исполниться 18 лет. В Чжэцзяне жил Синьхань, младший брат князя, бездетный. В его семье и воспитывался Цзиньчжун. Но недавно Синьхань умер, и юноша решил вернуться домой. Вместе со старым слугой Люгуном он привел в порядок комнаты и потому только сейчас смог приехать в Ханчжоу. Но родителей не нашли — лодки были пусты. Однако вскоре князь появился на берегу — прискакал на коне, и отец с сыном наконец встретились. Цзиньчжун на коленях приветствовал отца. Князю было и радостно и грустно увидеть сына совсем уже взрослым. Только они вошли в лодку, приехали княгиня Гу и тетушка На. Они тоже не

могли нарадоваться на Цзиньчжуна, так он возмужал, таким стал умным и рассудительным.

Рано утром, перед тем как тронуться в путь, Цзиньчжун поклонился могилам предков и старшей сестре и вместе с родителями отправился в Чжэцзян. Еще до захода солнца они достигли южного берега реки, где их ждали слуги с повозками, запряженными лошадьми. Князя вышли встречать родственники, крестьяне. От множества повозок на берегу места свободного не было.

Нечего говорить о том, как радовался князь возвращению в родные края после года разлуки. Дом был так чисто убран, что выглядел совсем новым. Пригласив родственников, князь целых три дня пировал.

Прошла осень, миновала зима, и снова настала весна. Начальник уезда Сун Тао прислал сватов за невестой для сына. И сам вместе с сыном тоже приехал.

Князь Цзинь не знал, как поступить. Признаться, что дочь утонула, ему не хотелось. Он посоветовался с женой, и та предложила вместо дочери просватать Пинсяо. Так и сделали — как в свое время вместо Лумэй просватали Цюйюй.

Княгиня Гу была уверена, что облагодетельствовала Пинсяо, выдав ее за чиновника. Ей и в голову не могло прийти, что для Пинсяо это сущий ад. Не подумал об этом и сам князь, человек умный, но малообразованный. Случилось, однако, так, что невзрачный с виду Сун Иньмэй был добрым и благородным и обращался с Пинсяо как с живой бодисатвой Гуаньинь. Не прожили молодые и года, как у них родился мальчик, точная копия Пинсяо. Отцовского в нем ничего не было.

Однако дед, начальник уезда, недолго огорчился по этому поводу, и внук был для него настоящим сокровищем. Пинсяо мало-помалу успокоилась и как-то ночью, в минуту откровения, обо всем рассказала мужу. Сун крепко обнял ее и сказал, что не любил бы Циньмо так, как любит Пинсяо.

Теперь расскажем о князе Бэне. Много произошло событий, пока он добирался до столицы. Это как раз время, разделяющее «Одноэтажный павильон» и «Палату красных слез». Но я полагаю, что рассказал об этом интереснее, чем Пинсяо.

Итак, Пинсяо поведала Пуую историю своего замужества. Убитый горем Пууй поспешил расстаться с Пинсяо, вышел и сел в паланкин. Следом за ним выбежал Сун и стал, заикаясь, кричать:

— Вы не поели и уезжаете! Это против всяких приличий.

Пууй, не дослушав, вышел из паланкина, махнул рукой и сказал:

— Мы еще встретимся!

Обменявшись несколькими вежливыми фразами, они расстались. Пууй снова сел в паланкин и, едва выехал за ворота, крикнул:

— Сестрица, сестрица! Что ты наделала?

Носильщики паланкина перепугались и словно на крыльях помчались вперед. Слуги, сопровождавшие паланкин, не поспевали за ними и только смеялись. К ним подошел Ма Чжу и строго сказал:

— Младший господин так страдает, а вы веселитесь! Да еще отстаєте, еле плететесь!

— Уж очень смешной этот Сун Иньмэй, что ни слово, то заикается, — сказал один из слуг.

Ма Чжу про себя усмехнулся.

Всю дорогу Пууй плакал. Лишь когда показались лодки, вытер слезы и немного успокоился. Пока Ма Чжу расплачивался с носильщиками, Пууй вышел из паланкина и направился к лодке. Встретившись с матерью, рассказал ей о печальной судьбе Циньмо и Лумэй. Жалея племянниц, княгиня долго плакала.

К утру ветер стих, дождь прекратился. Лодочники ударили в тарелки, и лодки отошли от берега. Шел шестой месяц, от теплых ветров распустились в заливе лотосы. Чудесный аромат распространился далеко вокруг.

И вот путники приплыли в город Янчжоу. Все земли к югу от него находились под началом князя Бэня, и местные чиновники вышли встречать своего господина.

Князь Бэнь велел Гун Гао ехать вперед и привести в порядок резиденцию в Ханчжоу. Сын начальника области Янчжоу по имени Су Линьань был мужем Шицин.

На берегу выстроились в ряд бесчисленные повозки, запряженные лошадьми. На некоторых лодках бились на ветру паруса, все пришло в движение, нельзя было даже разобрать многочисленные надписи, выделялась только надпись на лодке князя Бэня: «По указу». Пришедшие на встречу чиновники послали слуг доложить о своем прибытии, после чего вошли в лодку и расселись в палате. Господни Бэнь был рад встрече с зятем, а тот, преклонив колени, приветствовал тестя и передал ему поклон от отца. Князь Бэнь поднял его и стал расспрашивать о событиях в городе, о домашних делах. После этого Су Линьань церемонно приветствовал остальных чиновников.

Глава седьмая

В павильоне вспоминают прошлое и описывают настоящее.

В гостинице исполняют долг и оказывают милость.

Итак, Пууй ощутил под ногой что-то твердое, это был камень, а под камнем, когда его отодвинули,

оказалась шкатулка из красного сандала с медным замком. Вряд ли там хранились драгоценности —

слишком легкой она была, скорее шелк и бумага. Пуую отдал шкатулку слуге, подвинул камень на прежнее место и засыпал землей. Затем низко поклонился и промолвил:

— Я принял все, что завещала мне сестрица. Отнесу домой, заверну в шелк, украшу золотом и яшмой и буду беречь как зеницу ока, по утрам и вечерам возжигать благовония, подносить самые изысканные яства. Хоть этим отблагодарю милую мою подругу. Пусть приходит ее светлая душа, примет от меня жертвоприношение.

Завершив обряд, Пуую решил возвратиться в беседку.

— Наконец-то мы отдохнем, — промолвил один из слуг.

— Подожди радоваться, — сказал Болянь, — по дороге много старых могил. Как бы снова не пришлось землю копать. Так что готовь лопату да корзину!

Разговаривая и смеясь, они подошли наконец к беседке. Слуга из дома Бэней доложил, что рис подан и господина приглашают к столу. Задремавший было Су Линъань проснулся, вышел из беседки и, заложив руки за спину, любовался бамбуком. Вместе с Пууюм, который как раз подошел, они направились в столовую, где были накрыты столы. Слуги Пуую пошли к реке умываться. Пуую стряхнул пыль с одежды, и они с Су Линъанем сели за стол.

Когда все собрались идти к реке, князь Бэнь с сыном и зятем подошел к чиновникам.

— Мудрые, уважаемые князя! — обратился к ним князь Бэнь. — Стар я стал и рассудком оскудел. Посоветуйте, как отблагодарить за столь почтительное ко мне отношение?

Тут поднял руку один из чиновников по имени Ван Тайшоу.

— Вы — опора государственной власти, — молвил он, — столп правления, и наш святой долг — вам подчиняться. Ведь мы — простые чиновники!

Так, обмениваясь любезностями, они пришли на берег. Слуги уже успели поесть и приготовить легкую лодку у моста Радуги.

Князь Бэнь, садясь в лодку, простился с чиновниками, которые помахали ему на прощанье, и лодка отошла от берега. Проводив князя, чиновники разъехались в разные стороны.

Едва князь Бэнь прибыл на место, Гао Чжэнь явился к нему с докладом:

— Из Чжэцзяна, из дома Гуна, приехал Люгун справиться о вашем здоровье и о здоровье госпожи.

Князь Бэнь велел просить Люгуна. Тот вошел, опустившись на колени, приветствовал князя и попросил его навестить их по пути.

— Передай от меня поклон госпоже Гу и скажи, что если бы даже это было не по пути, повидаться необходимо, ведь больше года прошло с тех пор, как мы расстались. Сам я, пожалуй, не смогу отлучиться из-за множества срочных дел, а вот княгиня наверняка захочет навестить родственников. А мы с Пууюм продолжим путь.

Люгун кивнул и вместе с Гао Чжэнем отправился к княгине Цзинь. Стоя за дверной занавеской, Люгун поздоровался с княгиней. Та очень обрадовалась родственнику, вышла к нему и засыпала вопросами. Люгун пробыл у княгини до самого вечера, пока не зажгли фонари.

Сразу же после его ухода княгиня пошла к мужу и сказала, что хочет заехать к родственникам. Тотчас же был послан вперед слуга. И когда они, миновав Гуачжоу, подошли к южному берегу Янцзы, там их ждал Цзиньчжун, сын князя Цзиня, с паланкином и повозками. Княгиня вышла из лодки, села в паланкин, и вся процессия направились в город. А князь Бэнь продолжал путь к озеру Тайху.

Тем временем Пуую перешел в свою лодку, достал сандаловую шкатулку, открыл, и в воздухе тотчас распространился тонкий аромат. Он проник Пуую в самое сердце. Сверху в шкатулке лежал шелковый перевязанный зеленой шелковой лентой мешочек с исписанными листами бумаги. На первом из них было написано:

Когда дует прохладный осенний ветер,
Колышутся травы, словно развевают грусть.
На багрянце листа выведены стихи.
Вспоминаю верного друга, сердце разбито.

Прочитав эти строки, Пуую места себе не находил от волнения. Он то вскакивал, то колотил кулаком по столу, то тяжело вздыхал. Еще в мешочке было рукоделие: две бабочки, вышитые на шелке, — от него тоже исходил аромат. А как изящно, с каким вкусом все было сделано! Еще хранился в мешочке белый шелковый платочек, на нем голубыми нитками в углу было вышито:

Сквозь Красное сердце прошла игла рукодельницы.
Долгая дума вошла в ушко иглы вместе с длинной ниткой.

Пуую показалось, что сердце его и в самом деле пронзили иглой и прошли насквозь. Он подумал: «Нет сомнений, что сестрица все это мне завещала. Она была такой скрытной. Трудно было угадать ее мысли. Она обижалась, что никто не понимает ее души, прекрасной, как нефрит, и изливала свои чувства в стихах. Стихотворение „Светла река“, например, написано как раз той осенью, когда сестрица болела».

Можно понять, отчего стало так тяжело на душе у Пуую! Лодка плыла посередине реки. Волны вздымались, накатывая одна на другую, отливая серебром гребней. Вода бурлила, словно в котле. Пуую, глядя на реку, произнес со вздохом:

— О великая река, сколько поэтических душ приняла ты в свои глубины! Пусть высыхают реки, рушатся горы, не гас бы только огонь души!

На другом листе написаны были слова песни, которую пела перед разлукой в тот год Циньмо, аккомпанируя себе на цитре. Какие прекрасные это были слова! Они привели Пуую в восторг.

На самом дне шкатулки лежало что-то завернутое в шелк. Это оказался свиток бумаги, совершенно чистой, без всяких надписей. Пуую удивился. «Почему сестрица так бережно обернула в шелк этот свиток? Чем он ей дорог?» Пуую посмотрел лист бумаги на свет, но ничего не увидел. Положил на стол и задумался. Тут слуга принес чай. Пуую приказал ему снова свернуть лист. Но только было слуга начал его сворачивать, как оттуда вдруг выпал еще один свиток.

Гухуа поднял его, развернул и ахнул:

— Какая красавица!

Пуую выхватил лист, взгляделся — это был чудесный портрет. Нежнее и белее яшмы круглое личико, темнее гор длинные тонкие брови, нос будто выточен искусным мастером, губы — на картине таких не увидишь. Кожа — снега белее, волосы иссиня-черные. Это была Циньмо! Самая любимая и прекрасная, самая нежная и дорогая его сестрица! Мгновенная радость вспыхнула в нем. Он позвал слуг, велел им держать рисунок, а налюбовавшись, отвесил низкий поклон, словно перед ним была живая Циньмо, и проговорил:

— Тебе кланяется недостойный твоей любви младший брат Пуую. Пусть эти ароматные свечи послужат знаком моего глубокого раскаяния.

Он снова поклонился и велел положить портрет на стол. Затем прикрепил его к стене на самое видное место. А когда слуги заварили чай, налил его в пиалу и поставил перед портретом.

Циньмо на рисунке была как живая, и Пуую глаз не мог от нее отвести. Она сидела с тетрадью в руках, казалось, устремив взор на Пуую. Рядом мелкими иероглифами было написано:

Если одиноко будешь стоять перед картиной.
Кто поймет твою нежную красоту яшмы?

Пуую закивал головой и со вздохом промолвил:

— Верно, верно! Кто, кроме меня, поймет истинную твою красоту?

Дальше шли такие строки:

«Травы любят прозрачную реку и смотрят в осенние воды». Пуую усмехнулся:

— Бедная моя сестрица! Не встретился на твоём пути человек, способный тебя понять, полюбить, вот ты и грустишь в одиночестве.

«Ты любишь меня, я люблю тебя», — это была следующая строка. У Пуую сердце сжалось от боли, по щекам покатились слезы.

А теперь расскажем вам о Великом озере — Тайху. Надобно вам знать, что у этого озера были и другие названия: озеро Грома, озеро Ли (иногда по нему плавал Фаньли — древний ученый). Это было самое большое озеро на юге Китая. По его берегам высились, словно мачты, семьдесят два горных пика, остриями уходящие в самое небо. Днем в озере отражалось солнце, ночью — луна, и вода в нем сверкала и переливалась, как чешуя дракона. В тот день лодки

плыли вдоль левого берега озера. Все окна открыли настежь, чтобы видны были пики. Погода стояла тихая, ясная, но вдруг порыв ветра ворвался в комнату и унес портрет, отдав его на волю волн. Пуую закричал:

— Спасите портрет сестрицы, скорее достаньте его из воды, не то я сам брошусь в реку! — Он подбежал к окну и бросил в воду палку. Слуги бросились к нему, принялись уговаривать:

— Господин, остановитесь! Мы отыщем портрет, — и прыгнули в шлюпку.

Переполошив всех, Пуую испугался, как бы не узнал об этом отец. В это время кто-то закричал с лодки:

— Не мог лист бумаги далеко уплыть! Он где-нибудь здесь.

Стали искать возле лодки. — Тут раздался голос Ма Чжу:

— Здесь! Здесь! Нашли.

Юанькай поплыл к лодке и взял у Ма Чжу портрет.

— Барышня Циньмо укрылась под днищем лодки, — засмеялся Ма Чжу. Пуую схватил рисунок и увидел, что он цел и невредим, даже глина к нему не прилипла. А краски будто стали еще ярче.

— Это я испугал барышню, — проговорил Пуую снова, кладя рисунок на стол. Слуга сказал:

— Спрячьте пока портрет, а то ветер опять его унесет. Вот прибудем на место, тогда и станете любоваться им у себя в кабинете. Еще немножко, и барышня уподобилась бы героине из пьесы «Цянь Юйлянь бросается в реку».

Пуую улыбнулся.

— Сейчас спрячу. Только напишу несколько слов в ответ на чувства сестрицы.

Окончив писать, он перечел стихи, свернул трубкой лист, обернул в шелк, скрепил, положил все вещи в шкатулку в прежнем порядке, запер на замок и поставил рядом с подушкой.

— Будь у сестрицы Цинь иная судьба, счастливая, она все равно помнила бы меня и всегда верила, что я люблю и помню ее. Потому и оставила все эти вещи. Не кому-нибудь, а именно мне. Кто же еще это может быть, если не я? — Пуую долго горевал и плакал.

А теперь вернемся к княгине Цинь. Она благополучно прибыла в Чжэцзян, встретила с госпожой На и князем Цзинем, провела у них день и собралась в обратный путь. Не прошло и нескольких дней, как она в своей маленькой лодке догнала остальных, в которых плыли муж и сын.

На следующий день лодки подплыли к городу. Встречать князя и его домочадцев пришла целая толпа — об этом позаботился генерал-губернатор провинций Фуцзянь и Чжэцзян. Были на берегу также тридцать высоких чиновников, около ста офицеров и военачальников. Встречающие держали в руках именные таблички. От берега и до самых городских ворот яблоку негде было упасть. Князь Бэн

приветствовал равных по рангу чиновников, взял за руки губернатора Мэ, поблагодарил за то, что тот помог снять дом. Напоследок пообещал, как только устроится, принять чиновников. После этого все с поклонами разошлись.

Остались только военачальники. Они усадили князя в большой паланкин и пешком провожали до города. Здесь в честь князя трижды пальнули из пушек. Улицы были украшены красными шелковыми полотнищами, а перед недавно выстроенным зданием Управления морской обороны висели фонарики.

А в это время Пуую, княгиня Цзинь, Гун Гао и все домочадцы дожидались с повозками возле дома. Там же двумя рядами выстроились чиновники, ведающие соляными разработками, в руках они держали таблички, оклеенные красной бумагой. Когда в ворота внесли паланкин с князем Бэнем, все чиновники пали на колени и, подняв таблички, приветствовали его. И снова трижды пальнули пушки. Нет слов, чтобы описать торжественность этой встречи.

И вот потянулись чередой дни без отдыха и покоя. Князь то принимал высоких сановников, то отдавал распоряжения подчиненным, проверял войска. Приемы, визиты, деловые встречи. Так продолжалось целый месяц. Хорошо, что за год до приезда князя во все провинции разослан был императорский указ о наведении порядка в городе. С разбойниками было покончено — на море и на суше воцарилось спокойствие. И все же следовало быть начеку, держать в боевой готовности всадников и пехотинцев. Поэтому князь Бэнь послал в столицу человека с соответствующей бумагой. Затем он пригласил своих старых друзей — писателей и художников: Ли Сянцзана и Сы Тяньчжэня.

Пуую тоже не знал ни минуты покоя — он везде сопровождал отца. Не мог даже побывать на озере Сиху, о чем давно мечтал.

Столько разнообразных событий произошло одновременно, сколько лепестков у цветка, и моя кисть не в силах их охватить. Мы рассказали о том, как отец с Пууюем прибыли в Ханьчжоу. И пока оставим их там.

А теперь хорошо бы снова ударить по струнам, когда в небе взойдет луна и засияют звезды. И еще надо рассказать о бедняжке Лумэй. Итак, переодевшись женщиной, она всю ночь ехала верхом в северном направлении. А на рассвете Лотин помог девушкам спешиться, ножом обрезал им косы. Девушки поглядели друг на друга и улыбнулись. Затем сняли серьги и кольца, после чего снова сели на коней и продолжили путь.

— Когда наконец мы приедем? — со вздохом спросила Лумэй. — Уж не сбились ли мы с пути?

— Не беспокойтесь, барышня, — ответил Лотин, — недалеко от столицы живет дядя Хуамэй, прямо у городских ворот. Там мы остановимся и немного отдохнем.

Лумэй обрадовалась. Она вспомнила, что младший брат ее матери тоже живет в столице и служит

виночерпием в училище Сынов отечества. Как только они приедут, она сможет навести о нем справки.

Шел последний месяц весны. Деревья оделись густой листвой, пышно разрослись травы, то тут, то там куковали кукушки. Среди всей этой красоты грустно было предаваться своим мыслям. Проехав весь день, они добрались наконец до столицы. И вдруг Хуамэй заболела. С того самого дня, как барышню Лумэй решили отдать замуж, она все время страдала, не спала ночи, а долгая утомительная дорога окончательно подорвала ее здоровье. Слишком много забот свалилось на ее хрупкие девичьи плечи, и она не выдержала, хотя была от природы сильной и здоровой.

Просыпаясь по утрам, она превозмогала себя, но когда добрались до постоялого двора, упала на кан и не в силах была подняться. Лумэй подошла к ней, Хуамэй вся горела, взывала к Небу и плакала навзрыд. Как говорится, «беда — не радость, одна не приходит». Лумэй сняла с нее куртку, развязала пояс, уложила больную на войлочную подстилку, сняла с нее чулки и укрыла. Только она хотела отойти, как Хуамэй закричала:

— Пить! Холодной воды!

Лумэй, не дожидаясь слуги, побежала к колодцу, принесла воды и, поддерживая голову Хуамэй, поднесла к ее губам пиалу, но Хуамэй впадала в беспамятство. От испуга Лумэй принялась трясти подушку, на которой лежала Хуамэй. Наконец та подняла голову и, не открывая глаз, глотнула воды. Ей стало полегче, она открыла глаза и тогда увидела, что за ней ухаживает Лумэй. Слабой рукой она взяла руку своей госпожи и, вымолвив: «барышня», залилась слезами. Лумэй заплакала.

В тот вечер Лумэй ничего не ела и всю ночь просидела у постели больной. Хуамэй то впадала в беспамятство от сильного жара, сбрасывала одежду и одеяло, то начинала дрожать от озноба. А Лумэй то укрывала ее, то принималась обмахивать веером, как настоящая сиделка, хотя сама обливалась потом. Девушки словно поменялись местами — госпожа ухаживала за служанкой. С утра хлынул дождь, Хуамэй стало хуже, и им пришлось остаться на постоялом дворе.

Лотин, заядлый картежник, все время где-то пропадал. Так было и в тот день. Дождь все усиливался, с крыши длинными нитями стекала вода. В четвертом месяце день тянется, словно год. Хуамэй непрерывно стонала, теряла сознание. Лумэй не знала ни минуты покоя и очень страдала.

К вечеру дождь поутих, горы затянуло туманом. Ветер разогнал облака, закрутил в воздухе листья, разбросав их по саду, хлестал в окно. К двери то и дело прилетали ласточки с комочком глины в клюве.

Лотин вернулся, когда уже зажгли свечи. Он принес еду. Лумэй наскоро поела и хотела покормить Хуамэй, но, откинув одеяло, с ужасом увидела, что лицо девушки почернело, глаза закатились, дыхания почти не было. Лумэй в отчаянии обняла Хуамэй,

стала звать ее — все напрасно. Словно тысячи копий пронзили сердце Лумэй, и она зарыдала.

Древние говорили: «Когда счастье в избытке — приходит несчастье, когда горе достигает предела —

приходит радость». Лумэй в несчастье и слезах обрела мудрость, встретила со спасительной звездой и устремилась ввысь.

Глава восьмая

Чиновник Кан на постоялом дворе усыновляет юношу.

Княгиня Чэн наставляет в лодке чужую дочь.

Постоялый двор, где остановились наши герои, назывался Мэнчан. Хозяином его был уже знакомый нам Ши Цзинцзи, бывший учитель Пуоя. Держать постоялый двор он стал, возвратившись в родные края, в местечко, где правителем был некий Кан по имени Синьжэнь.

Уже немолодой, ему исполнилось шестьдесят, и очень богатый. Жене его, Сунь, тоже было под шестьдесят, сыновей им судьба не послала, была только дочь, Цайцзинь, да и та от первого брака госпожи Сунь. Госпожа Сунь была второй женой Кана — первая его жена, Уянь, умерла. Кан, надо сказать, души не чаял в Цайцзинь, у него не было собственной дочери! Вряд ли он любил бы собственную дочь больше. Он выдал ее замуж за некого Джана, которого принял к себе в дом, всячески обласкал. Поскольку у Кана сыновей не было, зять стал всем заправлять в доме и взял себе двух наложниц — Дуйнян и Дэцзе, лет двадцати, не больше.

В день, о котором пойдет речь, Кан Синьжэнь уже в который раз с горечью подумал, что зять прожигает жизнь, ведет себя легкомысленно, и, чтобы хоть немного облегчить душу, пошел с дочерью прогуляться, заглянул на постоялый двор. Там, к своей радости, он застал Дэн Юня, тоже учителя, своего друга, и они решили заночевать на постоялом дворе, к тому же начался дождь. Всю ночь, слушая шум дождя, они беседовали. И вдруг услышали, что кто-то плачет. Вышли в сад и в одной из комнат через окно увидели юношу небольшого роста, в маленькой черной шапочке и синем халате с узкими рукавами. Лицо — омытая водой яшма, брови — весенние горы. Юноша обнимал кого-то, лежавшего на кане, и плакал. Синьжэню стало не по себе, он даже вздрогнул: «Просто не верится, что юноша может быть так прекрасен. Словно нарисованный! Женщину такой красоты и то редко встретишь. И кого это он обнимает? И почему плачет? Что-то здесь не так. Пойду разузнаю. Может быть, им нужна помощь». Он дернул дверное кольцо. И тотчас, откинув войлок, закрывавший вход, на пороге появился Лотин.

— Почему так горько плачет этот юноша? — спросил Кан Синьжэнь.

Лумэй поспешила встать, приветствовала незнакомца и сказала:

— Это мой слуга, мы с детства никогда не расставались, он везде меня сопровождает. Притомился в дороге и заболел. Вот-вот скончается. Страшно по-

думать, что я лишусь верного друга. — Лумэй снова заплакала.

Кан Синьжэнь подошел к больной. Она и в самом деле почти не дышала, из горла вырывались хрипы.

— Почему же, молодой господин, вы не обратились ко мне? — проговорил Синьжэнь. — Вместо того чтобы плакать, надо было показать больного врачу.

Он вернулся к Дэн Юню и попросил пригласить сюда его знакомого врача Лю, который остановился на этом же постоялом дворе. Читатель, наверное, помнит, что этот врач когда-то лечил Пуоя и Лумэй.

Лю осмотрел Хуамэй и сказал Лотину:

— Ничего опасного, больному надо пропотеть, и жар спадет. На ночь необходимо принять лекарство.

Лумэй поблагодарила врача, а Лотин принес тушечницу и кисть. Врач прописал лекарство, попрощался и ушел.

— Этот красивый юноша выглядит весьма странно, — сказал Лю. — Лицо его мне очень знакомо. — Он подумал и обратился к учителю:

— В прошлом году во дворце князя Бэня я лечил девушку. Не знаю, кем она приходится князю. Так вот у этого юноши с ней очень большое сходство.

Учитель Ши Цзинцзи рассмеялся:

— Мало ли на свете людей с одинаковыми именами и внешним сходством. Может быть, та барышня — сестра этого юноши? Сразу видно, что он из знатной семьи.

Кан Синьжэнь запомнил эти слова. То ли от лекарства, то ли просто болезнь пошла на убыль, но Хуамэй пропотела, и не прошло и часа, как глаза ее заблестели и перестала болеть голова.

Лумэй, обратясь к небу, принялась горячо молиться. Она заметила, как пристально смотрел на нее доктор, и в душу закралось подозрение. Она сразу узнала доктора, едва он вошел, и теперь замирала от страха при мысли, что он тоже ее узнал. Девушка даже вскрикнула, чем напугала Лотина, который к ней подбежал и спросил:

— Что с вами, барышня? Ведь дело пошло на поправку, а вы снова горюете!

Лумэй объяснила, Лотин стал ее утешать.

— Он мог и не узнать вас. А если снова придет и станет расспрашивать, скажите, что он обознался.

Прошло еще немного времени, Хуамэй начала вставать с постели и то и дело просила есть. Радости Лотина не было границ. На лице Лумэй снова заиграла улыбка, она умылась, причесалась, с охотой

поела. Неожиданно пришел Кан Синьжэнь, а с ним — доктор Лю. Лумэй пригласила их сесть. Лю пощупал пульс больной и сказал:

— Опасность миновала. Сейчас главное — хороший уход. — Он поклонился Лумэй.

Лумэй знаком велела Лотину проводить гостей, и Лотин обратился к Кан Синьжэню с такими словами:

— Господин наш беден. Не знаю, как мы доберемся до места.

— Я охотно вам помогу, — ответил Кан Синьжэнь. И доктору заплачу. — Он достал несколько десятков лянов серебра и протянул Лю. Но тот отказался взять деньги, сказав:

— Вы, почтенный, делаете добро, а мы, простые люди, жители гор, думаете, не способны на это?

Они долго спорили. Наконец Лю согласился взять половину денег.

Тут доктора позвал учитель Ши, надо было навестить еще какого-то больного, и Лю ушел. Лумэй поблагодарила Кан Синьжэня за участие. Кан Синьжэнь сел и с решительным видом произнес:

— Хотелось бы знать фамилию и имя уважаемого господина, откуда он родом, по какой надобности едет в Пекин?

Лумэй как ни в чем не бывало ответила:

— Фамилия моя Лу, имя — Цзиньши. Мне девятнадцать лет. Вот уже год, как я осиротел. Мой покойный отец был уездным чиновником. Обучил меня грамоте. Родственник моей матери служит в столице, в училище Сынов отечества. Надеюсь с его помощью подыскать работу. В дороге неожиданно заболел слуга, вот мы и застряли здесь.

Манеры юноши и его умение держаться так понравились Кан Синьжэню, что в ответ он одобрительно кивнул головой и сказал:

— Я вижу, вы и в самом деле знатного рода. Но послушайте меня, старика. Я не знаю подлинных намерений господина. Только в столице сейчас спокойно. И вам нелегко будет найти вашего родственника. Тем более что вам надо заботиться об этом пожилom человеке и больном слуге. Если не возражаете, поедем вместе и будем друг другу помогать. Вы слишком молоды, а я слишком стар. Сыновей у меня нет, только зять. Если бы вы захотели обзавестись семьей... Мой зять — человек грубый, необразованный. А вы сразу пришлись мне по душе — и внешне своей, и умом. Одно плохо — из-за разницы в возрасте мы не можем стать братьями, но я был бы счастлив считать вас сыном. Вашему слуге сейчас нужен хороший уход, иначе он не поправится. А потом вместе поедем в столицу. Все расходы беру на себя. Поживите пока в моем доме, озарите его своим светом, и тогда я смогу считать, что исполнилась мечта всей моей жизни. Если же я обидел вас своим предложением, прошу меня извинить.

А надобно вам сказать, что деньги у Лумэй были на исходе. К тому же ей выпало столько испытаний в пути! Время от времени она бросала взгляды на Лотина, который ей подмигивал. Наконец Лумэй встала и с поклоном проговорила:

— О почтеннейший, если слова ваши искренни и идут из самой глубины сердца — для меня это счастье. Низко кланяюсь вам и буду вас почитать, как сын почитает отца.

Радости Кан Синьжэня не было границ.

— Давайте тогда скрепим обрядом наш уговор, — сказал он. — Выпьем по кубку вина, и я пошлю слугу за паланкином.

Все, кто жил на постоялом дворе, стали наперебой поздравлять почтенного Кана с этим событием. Заиграла музыка. Словом, это был настоящий праздник.

Деревня, где жил Кан, находилась в десяти верстах от постоялого двора. Езды было не более часа. Хуамэй была еще очень слаба, и ее несли в паланкине, Лотин ехал верхом. Остальные в повозках. Дом у Кана был богатый, не хуже чиновничьего. Кан сообщил жене, что привез приемного сына, и ввел Лумэй. Жена была счастлива, увидев красивого юношу. Цайцзинь застыдилась и убежала. Все домочадцы радовались. Только зять Чжан оставался мрачным. Он поздоровался с приемным «сыном» и тут же ушел.

Кан велел прибрать одну из комнат, где и поселил приемного «сына» и его слугу.

Лумэй не замедлила послать в Цзинчжоу Лотина навести справки о дяде. Хуамэй под именем Чжуцзинь поселилась в деревне, чтобы поправить здоровье и отдохнуть.

Еще в первой главе мы вам рассказали о том, что министр Дай хотел отдать свою дочь в жены Пуую. Звали Дая Синьминь, и был он родом из Ханчжоу. Жил за городом, на берегу озера Сиху, и занимал должность генерал-губернатора провинций Гуандун и Гуанси. Дай обладал недюжинными способностями, и, хотя был далеко не молод, император призвал его ко двору.

Одно печалило Дая — у него не было сыновей, только дочь. Ее звали Луньюй, и была она девицей красивой и умной. Тринадцати лет выучилась играть на цитре, много читала, занималась рисованием. В семье ее холили и лелеяли, берегли, как истинное сокровище. Когда девушке исполнилось девятнадцать, князь взял ее с собой в столицу в надежде найти подходящего жениха. Четырнадцатого дня седьмой луны, когда они проплывали мимо Гуанчжоу, поднялся ураганный ветер. Лодка, которую нанял Дай, оказалась старой и ветхой, мачта сразу сломалась, и парус свалился в воду. Мамкам и нянькам строго-настрого было приказано всячески оберегать барышню, которая выросла во дворце и никогда не видела бури. Как раз в тот момент, когда мачта сломалась, девушка стояла на палубе, созерцая, как, пенясь, вздымаются волны, и мачта, падая, увлекла девушку за собой в реку.

Князь с княгиней в это время сидели в каюте, и когда лодку сильно качнуло, они услышали всплеск воды, а лодка едва не перевернулась. Супруги испуганно вскрикнули, и Дай поднялся наверх узнать, что случилось. Оказалось, что их сокровище погло-

тил повелитель вод. Старый князь горько заплакал, взывая к небу. Княгиня лишилась чувств. Недаром говорят: «Пестрые облака быстро рассеиваются в небе, драгоценность трудно сберечь в нашем призрачном мире». Разве не справедливы эти слова? Все это случилось в тот самый день, когда княгиня Гу ездила в монастырь, а Циньмо бросилась в реку. На час раньше или позднее. Ураганный ветер пролетел двадцать ли и унес в реку двух прекрасных девушек. Одна утонула по воле судьбы, а другая — сама обограла свою жизнь. Недаром говорят: «Всякое дело и всякое слово имеют свои причины». И наша история тоже.

Итак, служанки привели в чувство княгиню Чэн, а Дай позвал лодочников и велел им вытащить из реки дочь. Весь день искали Лунью и нашли только к вечеру. Девушку трудно было узнать, она вся была в глине и иле, волосы спутались. Лицо в темноте было едва различимо. Все радовались, что нашли барышню, и с шумом внесли ее в каюту.

Дай с облегчением вздохнул, спросил, как чувствует себя дочь. Служанки ответили:

— В носу и во рту у нее полно воды, но барышня теплая, и сердце у нее бьется. Надо надеяться, что она придет в себя.

Дай вознес Небу молитву, щедро наградил лодочников и приказал плыть дальше — дела не терпели промедления. Ударили в тарелки, и лодка двинулась дальше.

У княгини сердце разрывалось от боли, когда она смотрела на дочь, и, наказав мамкам и нянькам не отходить от барышни, она пошла в каюту и стала возносить молитву Небу.

Служанки изо всех сил принялись трясти барышню, чтобы из нее вылилась вода, с нее сняли всю мокрую одежду. Много времени прошло, прежде чем из груди девушки вырвался стон. Служанки тотчас побежали к князю и княгине, чтобы их обрадовать. Княгиня сложила ладони и снова стала молиться, поминая Будду. Служанки наготовили еды, сварили снадобье, растерли барышню соленой водой, и она вскоре уснула.

На рассвете к Лунью подошли служанки, и, присмотревшись, обнаружили, что она сама на себя не похожа — нос стал длиннее, лицо шире, даже уши и подбородок изменились, остались прежними только губы. Служанки задрожали от страха. Да разве это Лунью?

Ведь это «бессмертная» праведница Циньмо! Едва бросившись в реку, она услышала звуки тарелок, захлебнулась водой, потеряла сознание, и ее унесло течением. Сейчас она никак не могла понять, где находится, и стала чихать. После чего застонала, открыла глаза, увидела рядом незнакомых женщин и поняла, наконец, что она в лодке. А может быть, ей это чудится? Или же она прямоком угодила в ад? Но тут вспомнила, что в мире ином покойники не отбрасывают тени, а здесь на стене были тени, а одежда на женщинах сшитая — ясно обозначались швы. Циньмо вскочила и хотела бежать, но тут услышала:

— Барышня, вы куда? И почему вы так изменились?

— Я не барышня! Я — дух утопленницы. Что-то вы путаете.

— Никакой вы не дух, — запротестовали служанки, — вы в мире живых. Наша барышня упала в воду, ее стали искать, а нашли вас. Кто вы? Зачем бросились в реку?

Циньмо все рассказала, как было, и служанка пошла к княгине сообщить эту новость. Госпожа Чэн открыла глаза, перестала молиться и снова заплакала. А князь сам пошел взглянуть на Циньмо и увидел, что это и самом деле не его дочь. Еще влажное от воды лицо девушки было прекрасно, как лотос в каплях росы. Брови длинные — веточки ивы. Такой неземной красотой могла обладать только дочь царя подводного царства или святая дева, спустившаяся с небес. Ни речью, ни манерой держаться, ни умом она не уступала их дочери. Князь пошел к жене и сказал:

— Что пользы плакать? К счастью, небо подарило нам другую дочь. Таковую же красивую и умную, какой была наша. Давай удочерим ее, будет и у нас на старости лет опора. — Тут князь кликнул служанку, велел ей идти к Циньмо и передать его слова.

Служанка пошла к Циньмо и сказала:

— Мои господа уже немолоды. Их единственная дочь вчера утонула. Всю реку обыскали, но вместо нее нашли вас. Такова, видно, воля Неба. Господин вас очень жалеет, говорит, что не судьба вам была умереть. Хочет сделать вас своей приемной дочерью. Тогда и вы будете счастливы, и господа утешатся в своем горе.

Циньмо подумала: «Раз уж мне не суждено было умереть, то о лучшем и мечтать нечего». И она сказала:

— Если и в самом деле таково желание господина и госпожи, я согласна — страдать больше нет сил!

Служанка побежала с радостной вестью к князю, затем вернулась к Циньмо и вместе с другими служанками причесала ее, нарядила и повела к господам. Циньмо, как и полагается дочери, поклонилась своим новым родителям. Она сразу пришлась по душе княгине, которая приняла ее как родную, ласково взяла за руку и принялась обо всем расспрашивать. Циньмо ничем не уступала ее несчастной дочери, но рана в сердце княгини еще не зажила. Не успела Циньмо назвать свое имя, как в разговор вмешался князь:

— Сразу видно, что девушка эта не из простой семьи, — сказал он. — Мы потеряли дочь. А теперь будто снова ее нашли. — И он обратился к Циньмо: — Поэтому будем звать тебя Лунью.

Циньмо опять поклонилась. Итак, Циньмо превратилась в Лунью. В это же время нашли тело Лунью и похоронили на горе, приняв ее за Циньмо. Поистине:

В гнезде павлина обосновался яркий Феникс,
Тонкие ветви персика заменили собой грушевые ветви.

Вот уже год жила Циньмо в своей новой семье и почитала князя и княгиню словно родителей, они тоже к ней привязались и любили как родную дочь. Но вот настала пора выдавать Лунью замуж. Князь долго искал достойного жениха из знатной семьи, но подходящего не было. Один недалекий, другой — со скверным характером, тот распутник, этот — мот и лжец. С виду посмотришь — хорош, но недаром гласит пословица: «Сверху золото, внутри — гниль». Как-то прослышал князь, что у одного заезжего чиновника есть сын по имени Пуую. Случилось так, что князю довелось узнать его поближе. Пуую пришелся по душе, и он послал в дом Бэней сватов. Пуую, конечно, отказался, даже не поинтересовавшись, кто невеста. И вот из-за такого пустяка снова разошлись пути Пуую и Циньмо. На тысячу ли. С тех пор прошло полгода. Княгиня вместе с Циньмо выезжала в город, и многие молодые люди из знатных семей, увидев, сколь умна и красива девушка, просили ее руки. Чтобы никого не обидеть, князь всем отказывал — женихи были друзьями. А затем решил: пусть дочь поднимется на башню и бросит вниз мяч — в кого мяч попадет, тот и будет ее мужем.

Новость быстро облетела город, и многие пришли попытать счастья! Целая толпа женихов. В то утро князь рано встал, поднялся на башню, воскурил благовония, помолился Небу и Земле и велел позвать дочь. Он дал ей разноцветный мяч величиной с арбуз и велел бросить вниз.

Циньмо увидела множество голов, и ей показалось, что внизу собрались тысячи будд. Она застыдилась, оробела, и слезы покатались по щекам. Как раз в это время приехал в столицу Кан вместе с Лумэй и Хуамэй с отцом. Увидев князя Дая, толпу, они подошли ближе посмотреть, что случилось.

Уже наступил час лошади, но Циньмо и не думала бросать мяч, даже вниз не смотрела. Тогда князь попросил княгиню уговорить дочь бросить мяч. Поднявшись на башню, княгиня увидела, что Циньмо тихонько плачет.

— Девочка моя, что ты плачешь? — спросила княгиня. — На все воля божья! — с этими словами она взяла руку Циньмо, в которой был мяч, приподняла, легонько толкнула, и мяч полетел вниз.

Толпа пришла в движение, зашумела, словно море. И что удивительно, пролетев над толпой, мяч угодил прямо в голову Лумэй.

Загремели барабаны, затрубили трубы, стражники схватили за повод коня Лумэй и потащили к воротам княжеского дома. Хуамэй подняла такой крик, будто началась война. У Лотина, словно у барса, за сверкали от гнева глаза, серебряная борода встала дыбом, и он, размахивая дубинкой, не помня себя, ворвался во дворец.

*Перевод со старомонгольского
Л. Г. Скородумовой*

Монгольские волшебные сказки

DOI: 10.25882/0ppn-x136

Золотые и серебряные альчики

Перевод сказки «Алтан мөнгөн аргай» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгэж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки / составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном; редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 83—86.

Давным-давно жили-были старик со старухой. Старика звали Намтай-мерген, у которого есть восемьсот лошадей, ярко-пегий Аргмак да восьмилетний сыном Чагаа. Восьмилетний сын Чагаа всё время играл золотыми и серебряными альчиками.

Однажды утром старик выехал, чтобы вернуть с пастбища восемьсот своих лошадей, при этом был он настолько большой, что одновременно охотился в северных горах, а искал своих лошадей — в южных. Ему повстречалась большая чёрная старуха-мангас, у которой брюхо было размером с юрту, а голова — с котёл. Молвила ему старуха страшным голосом: «Отдашь мне свою ничтожную жизнь, восемьсот лошадей или же своего восьмилетнего сына?» — и приготовилась съесть старика. Испугался старик Намтай-мерген и, говорят, так ответил старухе: «О! Пощади меня, ничтожного! О! Оставь восемьсот моих лошадей! Я отдам тебе своего восьмилетнего сына! Но я не могу открыто отдать его на глазах его матери. Если мы кочуем, то откочевываем на расстоянии в три года, если останавливаемся, то стоим три года. Сейчас мы откочуем на дальнее кочевье. Золотые и серебряные альчики, которыми он играет, я брошу здесь. Когда он придёт, чтобы забрать их, Вы и схватите моего сына».

— Да, — согласилась мангас и удалилась.

Старик вернулся домой и стал собираться перекочевывать на плодородную землю, сказав, что здесь испортилась трава. Когда они прибыли на новое кочевье и поставили юрту на зеленом лугу, восьмилетний сын спросил:

— Отец, отец! А где мои золотые и серебряные альчики?

— Не знаю, — ответил отец, — спроси у своей матери.

Мальчик спросил у своей матери, но та ответила ему:

— Не знаю, спроси у своего отца.

— Отец, отец! А где мои золотые и серебряные альчики? — снова спросил сын, отец ответил:

— Не знаю. Наверное, забыли на старом становище.

— Отец, отец! Я отправлюсь за своими золотыми и серебряными альчиками! — сказал мальчик.

— Хорошо, — ответил отец.

— Отец, отец! На каком коне мне ехать? — спросил мальчик.

— Поезжай на паршивом чёрном годовалом жеребенке, который всегда плетется в хвосте стада, — ответил отец.

— Матушка, матушка! На каком коне мне ехать? — спросил мальчик.

— Поезжай на нашем восьминогом пегом жеребце, который всегда идёт впереди наших восьмисот лошадей, — ответила мать.

— Отец, отец! Какую овцу взять мне для еды в дороге? — спросил мальчик.

— Используй для еды худосочного чёрного годовалого ягненка, который всегда идёт за овечьим стадом, — ответил отец.

— Матушка, матушка! Какую овцу взять мне для еды в дороге? — спросил мальчик.

— Используй для еды нашего жирного кладеного барана, который ведёт за собой пятьдесят тысяч овец, — сказала мать.

Взял мальчик для еды жирного кладеного барана, оседлал восьминогую пегую жеребца и отправился на старое кочевье. Старуха-мангас нашла его золотые и серебряные альчики и стала играть с ними.

Восьмилетний мальчик Чагаа подъехал к ней и, не спешиваясь, спросил:

— Тётушка, тётушка! Ты словно моя матушка. Отдай мне мои золотые и серебряные альчики.

— Тётушка такая старая, что если встанет, то не сможет уже сесть, а если сядет, то не сможет уже встать, — ответила старуха. — Мальчик мой, спешься и возьми их.

Но восьминогий пегий конь прошептал мальчику:

— Я пригнусь, что есть сил, а ты хватай, как можно скорее!

Восьминогий пегий конь пригнулся что есть сил, восьмилетний мальчик Чагаа дернул, что есть сил, выхватил свои золотые и серебряные альчики и поскакал назад во весь опор.

Старуха-мангас вскочила и погналась за ними. Гналась она гналась и приблизилась так, что отсекала коню одну ногу своим железным кнутом. Восьминогий пегий конь побежал, прихрамывая, на оставшихся семи ногах. Перевалили они через перевал и старуха-мангас снова приблизилась настолько, что отрезала коню ещё одну ногу своим железным ножом. Так они перевалили через восемь перевалов, старуха отрубила восьминогую пегую коню все восемь ног. Оставшись без ног, конь продолжал бежать, двигая своим туловищем. После того как они перевалили ещё через один перевал, старуха-мангас снова догнала их и разрубила туловище коня пополам. Тогда конь стал двигаться, сжимая и разжимая свою грудь. Когда они перевалили ещё один перевал, старуха-мангас разрубила ему и грудь. Тогда восьминогий пегий конь стал двигаться, покачивая головой. Ещё через один перевал старуха изрубила своим ножом голову коня. Коню ничего не осталось, как умереть. Тогда Чагаа побежал и взобрался на росшую в степи осину. Когда мангас собралась подрубить осине корни, пришла лиса и сказала:

— Матушка, матушка, я срублю эту осину! А вы пока поспите немного!

Заснула старуха-мангас, а в это время лиса намазала ей глаза клеем и спустила мальчика с дерева. Пока мангас спала, мальчик убежал уже далеко. Старуха-мангас проснулась, принялась к новому следу, принялась к старому следу и отправилась за ним. Она узнала, что на берегу моря Чагаа взобрался на другую осину. Когда она собралась срубить и эту осину, пришла ещё одна лиса и сказала:

— Матушка, матушка, я срублю эту осину! А вы пока поспите немного!

— Ну уж нет! — ответила старуха-мангас, — одна лиса уже сказала так и заклеила мне глаза.

— Это же была степная лиса! — промолвила лиса. — А я — белая лесная лиса. У нас в лесу такого не бывает.

Поверила ей старуха-мангас и заснула. А лесная лиса заклеила ей глаза и спустила с дерева мальчика Чагаа.

Проснулась старуха-мангас и вновь принялась к новому следу, принялась к старому следу и погналась за ним. Когда мальчик перевалил через семь перевалов и пришёл на берег океана, то увидел, что там ходит теленок.

— Садись на меня, и я побегу! — сказал теленок. Чагаа оседлал его, и они поехали дальше.

Вскоре старуха-мангас стала нагонять их. На перевале, где она почти настигла их, бычок-теленок испражнился прямо старухе на нос. Старуха-мангас вынуждена была отправиться на берег моря, чтобы промыть свои глаза, и мылась так, что морской воды убавилось.

Старуха-мангас вновь принялась к новому следу, принялась к старому следу и направилась за ним. А мальчик Чагаа перевалил уже через семь перевалов. Когда старуха опять стала нагонять их, то бычок-теленок вновь испражнился. И снова старуха-

мангас вынуждена была отправиться на берег моря, чтобы промыть свои глаза, и мылась так, что морской воды убавилось. Пока она мылась, наш мальчик успел убежать далеко. Мальчик и теленок достигли стоянки одного айла и нашли там обломок точила его отца и обломок гребня матери. Также там лежала большая и толстая игла матери. Пока они подбирали эти три вещи, их догнала старуха-мангас.

Тогда мальчик бросил обломок гребня матери перед старухой-мангасом со словами: «Стань густой рощей, через которую не проскочит и головка мухи!» И появилась чёрная непроходимая роща.

— Мальчик мой, как ты попал на ту сторону этой рощи? — спросила старуха-мангас у мальчика.

— Я прошёл туда, выколов себе глаза и исколов рот, — ответил мальчик Чагаа. Тогда старуха с разбегу вбежала в рощу и прошла её, выколов себе глаза и исколов рот. Снова стала она нагонять их, и мальчик бросил обломок точила своего отца со словами: «Стань крепкой красной скалой!» и появилась скала.

— Малыш мой! Как вы прошли через эту крепкую скалу? — спросила старуха-мангас у мальчика.

— Я прошёл её, переломив пополам свои руки и ноги, — ответил мальчик Чагаа. Старуха-мангас переломила себе руки и ноги пополам, прошла через скалу и снова стала догонять их. Тогда наш мальчик Чагаа бросил большую толстую иглу со словами: «Стань морем без берегов!» И, говорят, появилось море, которое не мог переплыть человек.

— Малыши, как вы переплыли это море? — спросила старуха.

— Я переплыл его, привязав к двум своим плечам два камня размером с корову, и греб, — ответил мальчик Чагаа. Тогда мангас привязала к своим плечам два камня размером с корову, вошла в море, пошла к морскому дну и умерла.

Мальчик Чагаа сел на своего телёнка и перевалил через семь перевалов. Затем накормил его степной травой, развёл огонь и устроился на ночлег. На следующий день они выехали с рассветом, а на закате стали устраиваться на ночлег в прекрасной степи. Бычок сказал мальчику:

— Чагаа, мальчик мой, убей меня, разложи четыре мои ноги по четырем сторонам света, мое сердце положи себе за пазуху и ложись спать.

— Как же я могу убить такого полезного друга? — спросил мальчик.

— Если не станешь убивать меня, то поищи вшей на моей голове. Уж больно чешется! — сказал бычок. Стал мальчик искать вшей на его голове и поймал большую красную вошь.

— Я нашел красную вошь! Убить её? — спросил мальчик.

— Убей, пожалуйста! — ответил теленок. Убил мальчик эту вошь и теленок умер. Заплакал мальчик Чагаа, разложил четыре его ноги по четырем сторонам света, голову положил спереди, сердце положил за пазуху и лёг спать. Проснулся на следующее утро, и увидел вокруг себя — многочисленные стада,

а рядом — хорошую юрту да красивую жену. Так, возвратив себе свои золотой и серебряный альчики и найдя свое счастье, вернулся мальчик Чагаа в кочевье своего отца. А матушка его к тому времени уже проплакала насквозь свои одежды. Увидев сына, она заплакала пуще прежнего:

— Матушка твоя каждый раз, когда забивают овцу, оставляет её предсердие своему сыну. Но твой отец бьет меня со словами: «Какому ещё сыну!» Сегодня мы снова забьем овцу. Сынок, спрячься за сундуком и послушай, что скажет твой отец! — сказала мать.

Вскоре вернулся отец и забил овцу. Когда стали варить внутренности, мать сказала:

— Оставляю-ка я околосердечную сумку, а то вдруг вернется мой сын.

— Какой ещё к черту сын, — воскликнул отец и побил мать так, что мокрые палки загорелись, а сухие палки переломились.

Тогда сын выскочил из-за сундука со словами:

— Следует оставлять сердце пока ещё не умершему сыну!

— Достанься всем по бабке! — крикнул он и, ударив отца по голове своими золотым и серебряным альчиками, убил его.

Забрал он мать к себе домой, и зажили [они] счастливо.

Чёрная собака размером с быка и чёрная птица размером с быка

Перевод сказки «Бух хар нохой хийгээд бух хар шувуу» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгэж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки / составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном; редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 86—89.

Давным-давно жили-были состарившийся хан да бойкая молодая ханша. Приглянулся этой ханше ханский табунщик, и она всячески старалась привлечь его к себе, говоря ему красивые слова и заманивая его деньгами, но молодой табунщик не обращал на неё никакого внимания.

Рассердилась тогда злая ханша и говорит хану:

— Слышала я, говорят, что будто бы на востоке живут чёрная собака и чёрная птица размером с быков, которых не могут победить десять тысяч мужей. Вот бы поймать их, тогда чёрная собака размером с быка охраняла бы наш дворец, а чёрная птица размером с быка пасла бы наш скот, и не стало бы вокруг нас врагов, которые могли бы напасть, а скот наш умножился бы настолько, что заполнил бы собой долину.

— Это было бы хорошо! — чрезвычайно обрадовался хан. — Но кто же сможет привести нам их? Слышал я, что эти существа очень свирепые. Всех людей, кто прежде ходил за ними, они съели, никто не вернулся от них живым.

— Отправлю-ка я этого мальчика-табунщика, и придется ему расстаться с жизнью, — подумала ханша и сказала:

— По моему мнению, наш юный табунщик выглядит как удалой богатырь. Если отправить его, то, может быть, он и приведет их.

Только она произнесла это, как хан тут же отдал приказание. Юношу привели, и хан повелел:

— Отправляйся на восток! Поймай и приведи чёрную собаку размером с быка и чёрную птицу размером с быка! Если не согласишься, то отрублю тебе голову!

Взглянула ханша на мальчика-табунщика и подумала: «Ну что, бесстрашный, который не покорился моей воле! Теперь ты узнаешь гнев своей ханши-матушки».

«Это наверняка злобный замысел ханши», — понял табунщик, сел на коня, схватил длинный укрюк и отправился в путь. Приехал на солнечную сторону одного рыжего холма, спешился, оперся головой на восточную скалу, ноги поставил на западную скалу, и когда он собрался немного поспать, то услышал, что как будто чей-то голос плакал, другой пел, а третий смеялся. Привстал он, чтобы посмотреть, но, ничего не увидев, подумал: «Кто может смеяться, плакать и петь в этой безлюдной степи?» — и снова прилёг отдохнуть. Но только он прилег, как опять кто-то заплакал, запел и засмеялся. Мальчик встал, оседлал своего коня, поднял голову и увидел, что в одной белоснежной юрте одна девушка плакала, вторая пела, а третья смеялась, так говорят.

Когда табунщик подъехал к ним и спросил, в чем дело, то вот что ответили эти три девушки:

— Мы трое, самые младшие из тринадцати дочерей Хан-Гаруди. Десятерых наших сестер съедала по одной в день огромная змея и уже всех проглотила. Сегодня она снова придёт. Поэтому та, которую проглотят сегодня, плачет, та, которую проглотят завтра, поёт, а та, которую проглотят послезавтра, смеется.

— А почему ваша мать вас не защищает? — спросил молодой табунщик.

— Она несколько раз боролась с огромной змеей, но не смогла победить её, — ответили дочери.

В это время они увидели, как поднялся и зашумел ветер, лица их изменились, они забежали туда-сюда и сказали молодому табунщику:

— Уходи быстрее. Идёт исполинская змея. Если не уйдешь, она и тебя проглотит, — и стали подгонять мальчика. Табунщик вскочил на своего рысака, посмотрел вперед, а красная пыль уже покрывала горы, расплескивая воду из рек и поднимая холодный ветер. Так, говорят, ползла исполинская змея.

Увидел табунщик это, подстегнул плетью своего коня, подъехал поближе, взмахнул длинной ургой, накинул змее на шею петлю, скрутил её что было силы. Когда он скрутил сильную огромную змею и начал сдавливать ей шею, то гигантская змея заметалась, стала тяжело дышать и хватать воздух, но урга только плотнее скручивалась, переворачивалась и не давала змее убежать. Она задохнулась и умерла, дрыгая хвостом, говорят.

Увидели это три дочери, стали благодарить мальчика-табунщика, угощать его чаем-кушаньями, а старшая дочь и говорит:

— Сейчас придёт наша мать. Матушка наша — грозный и свирепый человек. Если ты останешься здесь, то она убьет тебя без промедления. Спрячься на вершине южного увала. Мать придёт, и мы ей всё расскажем.

И юный табунщик спрятался на вершине южного увала.

И вот сидит себе мальчик, спрятавшись на вершине южного увала, а далеко впереди показалось что-то похожее на тёмное облако и пролетело так же быстро, как стрела, трижды облетев над белой юртой. Из середины чёрного облака выскочило, покачавшись на ветру, белое облако, быстро спустилось вниз и вошло в юрту, влетев через тоно¹, говорят.

Увидела Хан-Гаруди, что три её оставшиеся дочери не пропали, а, наоборот, очень счастливы, и спросила:

— Неужели гигантская змея не приходила?

— Сегодня пришёл юноша-табунщик, — сказали дочери, — и, поймав огромную змею укрюком, удавил её.

— Где же этот юный табунщик?! — обрадовалась словам своих дочерей Гаруди. — Неужели вы отпустили восвояси человека, который спас вам жизнь, не поблагодарив его?

— Он прячется на вершине южного увала, — ответили дочери.

— Быстро приведите юношу! — сказала Хан-Гаруди.

Встретились мальчик и матушка Гаруди, и сказала ему птица:

— Мальчик мой, ты могучий богатырь. Я отплачу тебе за то, что ты убил моего врага — огромную

змеею и спас жизнь моих дочерей. Из какого ты кочевья будешь? Куда путь держишь?

— Я собираюсь поймать чёрную собаку размером с быка и чёрную птицу размером с быка, — ответил юноша.

— Это очень трудное дело, — ответила Хан-Гаруди — Но матушка тебе поможет.

Готовились они три дня. Гаруди изготовила и взяла крепкий железный крюк, и они отправились. Вскоре они прибыли в место обитания чёрной собаки размером с быка и чёрной птицы размером с быка, увидели их, и им показалось, что те сидят словно две горы, так говорят.

Чёрная собака размером с быка ловила и ела все живое, что ходило по земле, а чёрная птица размером с быка ловила и ела все живое, что летало по воздуху. Они заметили приближение мальчика и птицы Гаруди. Птица, вытянувшись в чёрную радугу, спустилась к ним. Когда она быстро приблизилась к Гаруди, то Хан-Гаруди тут же зацепила её своим крепким чёрным крюком и поймала. Когда чёрная собака размером с быка подбежала к табунщику, чтобы съесть его, то юноша вскочил на неё и, схватив за уши, стал объезжать и бить её и так усмирил.

Мальчик-табунщик расстался с Хан-Гаруди, сердечно поблагодарив её. Чёрную птицу размером с быка посадил себе на плечо, чёрную собаку размером с быка привязал к коню и вернулся в свое кочевье. Услышав толпу, хан сильно перепугался.

— Меня поймают и съедят эти чёрная птица размером с быка и чёрная собака размером с быка. Что мне делать? — сильно испугался хан, спустился со своего трона, взвалил себе на плечи мешок и убежал, говорят.

Ханша же надела на себя самые красивые украшения и наряды и вышла встречать мальчика-табунщика. Но к ней подскочили чёрная собака размером с быка и чёрная птица размером с быка, разорвали её пополам и съели, говорят.

Тогда мальчик-табунщик сел на ханский трон, его чёрная собака размером с быка стала охранять дворец, а чёрная птица размером с быка стала пасти его скот, и зажил он счастливо, говорят.

Мальчик по имени Буянт и мальчик по имени Ероолт

Перевод сказки «Буянт хүү, Ёроолт хүү хоёр» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгэж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки / составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном; редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 109—119.

Давным-давно жил был хаган большого государства. Было в его спокойном ханстве множество подданных и обилие скота. Хаган любил свой подданный народ, был он человеком честным и скромным.

Много лет просидел государь на троне, жизнь его подошла к концу, но не было у него наследника. Поэтому хаган мечтал о том, чтобы у него родился хотя бы один сын. Он не мог взять ребенка от других людей, так как стеснялся тех нравов, что были тогда, и

¹ Тоно (монг.: тооно) — открытый круглый дымник юрты.

поэтому дожил до старости, мечтая о том, чтобы у него родился хотя бы один сын.

Как бы там ни было, посоветовавшись со старшей ханшей, он решил взять младшую ханшу. Взял он себе младшую жену, прожил с ней два года, и появился у них сын. Дали этому мальчику имя Буянт и стали радоваться тому, что появился наследник, который водворит мир и покой в государстве.

Когда мальчику по имени Буянт было два года, то от старшей ханши родился ещё один сын. Младшему сыну дали имя Ероолт. Больше всего на свете любил хаган обоих своих сыновей. Когда старший достиг восьмилетнего возраста, а младший достиг шестилетнего возраста, то стали они очень хорошими мальчиками, и не могли родители на них нарадоваться.

Но вдруг у старшей ханши стали появляться нехорошие мысли.

— Сядет ли на престол мой сын? Сядет ли на престол сын младшей ханши? — беспокоилась она.

Стала она придумывать различные ухищрения, чтобы посадить на ханский престол собственного сына. И вот однажды она наблюдала за тем, как играют оба мальчика. Когда они играли, то старший мальчик был ханом, а младший — чиновником. Когда она наблюдала за ними на следующий день, то младший мальчик был ханом, а старший — чиновником, так говорят.

— Мой сын точно не сможет занять ханский престол. Наверняка ханом станет мальчик по имени Буянт, родившийся от ханши, которую взяли в жены, когда у нас не было детей, — подумала она.

Она пошла по улице и стала слушать, что говорят подданные. Пришла она на рынок и прислушалась к тому, что говорили собравшиеся люди.

— Кто из двух детей нашего хана может сесть на ханский престол? — спросил один.

— Оба сына хана — хорошие мальчики, — говорил другой, — но разве не сын младшей ханши родился тогда, когда у хагана не было детей.

Пошла ханша дальше и услышала, как в другой группе людей люди спрашивали у одного из них, кто из сыновей хана может сесть на ханский престол.

— Безразлично кто, — отвечал тот человек, — почему бы не стать ханом сыну старшей ханши, которая много лет жила в верном браке с хаганом.

Пошла она дальше и вновь встретила группу людей, которые говорили о том же самом. Прислушалась она к их разговору и вот что услышала:

— Кто из двух сыновей нашего хагана может сесть на ханский престол? — спрашивал один.

— Безразлично кто, — отвечал другой, — из двух милых мальчиков один может сесть на ханский престол, а другой стать министром.

Вернулась ханша домой и решила: «Как ни смотри, а мой сын не сможет сесть на ханский престол». Сильно загрустила она и стала думать, как же ей возвести своего сына на трон.

— Хотя и неважно, кто из двух мальчиков сядет на ханский престол, но тот, кто займет его, обязательно будет иметь больше богатства и власти.

Поэтому я непременно должна найти способ посадить на ханский престол рождённого мною сына, — подумала она и решила притвориться больной, говорят.

И хотя хаган лечил свою старшую ханшу, совершая молебны, приглашая врачей и костоправов и применяя всякие другие способы, но ханша с каждым днём всё слабела. Однажды хаган встретился со своей женой с глазу на глаз и стал расспрашивать её о болезни и способах лечения.

— Ничто не поможет при моей болезни, — отвечала ханша, — мне ничего не остается, кроме как умереть.

— Мы прожили в браке много лет, у нас не было детей, а затем появились дети, мы жили с тобой, не терпя нужды, окруженные огромным богатством. У тебя не должно быть от меня секретов! — старался утешить её хаган.

— От этой болезни, — в конце концов сказала ханша, — меня можно спасти лишь тогда, когда я выпью кровь из сердца старшего сына Буянты. Никакого другого лекарства нет. Поэтому мне не остается ничего другого, кроме как умереть. Ведь можно ли поступить так с нашим сыном, который появился на свет, когда у нас болело сердце о том, что у нас нет детей, — так она сказала, говорят.

Хаган сильно встревожился и задумался.

— Неужели мне сидеть и смотреть, позволив супруге, с которой я прожил много лет, умереть, — погружился он в тяжелые мысли.

И вот сидел он однажды утром, накинув на себя дэли, как вдруг прибежали оба его сына, и младший сын лёг ему на плечи, а старший обнял его за шею.

— Сын мой Буянт, — спросил хаган у старшего, — что за болезнь охватила твою мать — старшую ханшу?

— Батюшка, её охватила болезнь под названием ненависть к брату, — спокойно ответил мальчик по имени Буянт, глядя вдаль.

— И как же следует поступить? — спросил хаган. — Ответь своему отцу, сын мой.

— Как быть? — ответил мальчик по имени Буянт. — Моему отцу следует отправить меня в ссылку.

— Так действительно думает мой сын? — спросил отец у сына.

— Я немедленно отправлюсь в далёкие земли, — ответил мальчик, — и всё станет хорошо.

— Когда же отправится мой сын? Что нужно приготовить? — спросил отец.

— Я отправлюсь на седьмое утро, на рассвете. Приготовьте мясо семерых оскотенных баранов в предсердиях, — ответил сын, — ничего другого я не возьму.

Хаган по просьбе сына забил семерых оскотенных баранов и приготовил их мясо в предсердиях. Настал день отъезда сына, говорят. Оба мальчика обычно спали под одним одеялом. Младший сын называл своего старшего брата «Батюшка-Матушка». Младший брат спал на старшем, обняв его печень и спрятав лицо в его грудь, говорят.

Мальчик по имени Буянт тихо отошел от своего брата, встал и оделся, взял семь предсердий с мясом и только собрался выйти, как проснулся младший брат и закричал: «Батюшка-Матушка!», говорят. Старший брат вернулся, одел младшего брата и они отправились вместе. Старший брат, где было необходимо, нес младшего брата на плечах, где было можно вести за собой, вел младшего брата за собой, большую часть мяса отдавал младшему брату, меньшую ел сам, и так они забрели очень далеко. Тогда, говорят, закончилась у них провизия. Старший брат начал охотиться на мышей и сусликов и кормить ими своего младшего брата, но в конце концов те двое забрели в такое место, где не могли найти дичи. Младший брат стал страдать от голода и жажды, что очень беспокоило старшего брата. В итоге у них совсем кончилось пропитание, и они оказались на грани смерти.

Когда умер младший брат мальчика по имени Буянт, то старший решил не хоронить прах своего младшего брата где попало, а обернул его, пошёл дальше с его телом и пришел к одному большому лесу. В нём он решил похоронить прах своего младшего брата. Но здесь нужно было найти белое сандаловое дерево.

— Если найдется сандаловое дерево, то я накормлю его смолой своего младшего брата. Говорят, что смола белого сандала обладает волшебной способностью оживлять умерших людей, — подумал мальчик по имени Буянт. Он три дня и три ночи бродил в поисках подходящего дерева, обернув своего младшего брата, и нашёл большое белое сандаловое дерево.

Смола этого сандала стекала из кроны на землю. Тогда мальчик по имени Буянт похоронил останки мальчика по имени Ёроолт так, чтобы смола стекала ему прямо в рот. Теперь мальчик по имени Буянт решил продолжить свой путь. Но перед этим он три дня плакал, приговаривая: «Умер мой любимый младший брат!» — три дня плакал, приговаривая: «Как же его оставить?!» — и три дня плакал, приговаривая: «Ну, я пошёл!» Так проплакав всего девять дней, он отправился дальше.

Шёл он шёл и наконец пришел к одной очень высокой горе. На ней в изобилии росли деревья, ягоды и прочие растения. В один прекрасный день шел он по горе и повстречал монахиню-созерцателя скалы, говорят. Поздоровался мальчик по имени Буянт с этой монахиней, и они познакомились, рассказав друг другу о местах своего рождения.

— Разрешите, я стану Вашим учеником и буду обучаться у Вас? — попросил мальчик по имени Буянт. Лама согласилась и стала учителем. Говорят, та монахиня была доброй и весьма учёной.

— В каком году родился ты, мой мальчик? — однажды спросила у мальчика лама.

— Я родился в день тигра, месяца тигра, года тигра, — ответил мальчик по имени Буянт. Тогда монахиня сказала:

— Мой мальчик, ты можешь называть меня просто «матушка-лама». На южном склоне этой горы

находятся владения хагана шулмусов. Тебе следует это знать. Их пастух пойдет пасти телят и спросит у моего мальчика: «В каком году ты родился?» Ты назови ему другой год. Ему ни в коем случае нельзя говорить, что ты родился в год тигра.

И действительно, вскоре они встретились и познакомились с пастухом хагана. Каждый день эти двое играли и пасли овец вместе. Каждое утро пастух хагана спрашивал у мальчика: «В каком году ты родился?» Мальчик отвечал, что он родился в год мыши, коровы, дракона, коня и другие годы и так перечислил все годы. А тем временем мальчик изучал у ламы учение и стал очень сообразительным и мудрым мальчиком, хорошо знающим учение.

Однажды пастух хагана, возвращаясь с выпаса, спросил слишком требовательно:

— В каком году ты родился?

— Я родился в год тигра, — забыв, выпалил мальчик. Но, вспомнив слова матушки-монахини приуныл, и, пав духом, вернулся домой. Лама поняла это и, посмотрев на своего мальчика, спросила:

— Мальчик мой, что с тобой случилось?

Когда она спросила, то мальчик ответил:

— Матушка-лама. Я сказал хаганскому пастуху о том, что родился в год тигра. Что теперь будет?

— О мой мальчик, я, старая, погубила своего ученика, не рассказав ему всю правду. Мой мальчик уже неплохо изучил учение. Немедленно отправляйся как можно дальше. В царстве хагана шулмусов мальчиков, родившихся в год тигра, приносят в жертву морю. Теперь моего мальчика поймают, станут мучить и убьют. Поэтому, мальчик мой, подумай о том, чтобы сей же ночью вернуться в свое родное кочевье. Матушка-лама приготовит своему мальчику еду в дорогу, — в спешке сказала она.

Но мальчик по имени Буянт так ответил своей матушке-монахине:

— Издревле говорят, твой друг тот, с кем живёшь, и твой жеребец тот, на котором едешь. Если я уйду, то мою матушку-ламу убьют. Как бы там ни было, но я не стану отдаваться от Вас, — резко возразил он. Тогда лама приготовила котёл баранины и спрятала мальчика в скалистой пещере.

— Да, мой мальчик, что бы со мной ни случилось, не произноси ни слова! — наказала ему она и спрятала своего мальчика в скале.

На следующий день прискакали посланники хагана шулмусов.

— Старуха-лама, говорят, что ты укрываешь мальчика, родившегося в год тигра, когда он нужен хагану! Где этот ребенок, немедленно выведи его! — закричали они.

— Какой ещё мальчик, родившийся в год тигра, — отвечала лама, — откуда у меня дети. Вы же знаете, что меня во всем кочевье называют одиночкой. Один мальчик-бродяга выучил от меня несколько строк учения и отправился дальше. А других детей совсем нет! — ответила она.

— Ты, выжившая из ума старуха, опять думаешь спрятать его? Выводи того ребенка! — стали бра-

ниться посланники хагана и начали бить её. Услышав, как нестерпимо мучают его монахиню-матушку, мальчик закричал:

— Я здесь! Берите меня! Пожалуйста, не мучайте мою матушку!

Тогда посланники хагана вытащили мальчика из пещеры и отправились с ним.

Старушка-монахиня, рыдая, осталась. Когда мальчик прибыл к хагану шулмусов, то, говорят, там была одна хорошенькая девушка. Эта девушка была дочерью хагана. Принцесса и мальчик понравились друг другу. Хотя прошло много времени с тех пор, как юноша прибыл во владения хагана шулмусов, но его ничего не заставляли делать, и он всё играл с принцессой. Так прошёл год и одним прекрасным летним утром мальчик спросил у дочери хагана:

— Зачем Ваш отец привёл меня сюда?

— О, наш отец собирается принести тебя в жертву морю, — ответила принцесса, — но я собираюсь не позволить принести тебя в жертву морю.

— Но как же так, — сказал мальчик по имени Буянт, — Ваш отец привел меня сюда, чтобы исполнить дело. Я собираюсь исполнить замысел Вашего отца и должен быть принесен в жертву морю. Но как Ваши люди совершают подношение морю? — спросил он.

— Убив мальчика, родившегося в год тигра, — ответила принцесса хагана, — ему разрезают грудину и помещают в его грудную клетку девять драгоценных камней, к четырем его конечностям привязывают девять белых хадаков и бросают в море, — ответила она.

— А что меняется после этого в вашем государстве? — спросил у принцессы мальчик по имени Буянт.

— Кроме того, что проливается кровь очень многих людей и скота, больше ничего не происходит, — ответила она.

Вскоре настало время принести мальчика в жертву морю. Дочь хагана зывала к земле и к небу, плакала и рыдала и боялась расстаться с мальчиком. Принцессу оторвали силой, мальчика быстро посадили в телегу и увезли. Пока ехали в назначенное место, мальчик по имени Буянт спросил:

— Можно мне обратиться со словом к хагану?

Но чиновники из свиты хагана ответили:

— Человеку, который умрёт, не нужны слова, скотине, которую убьют, не нужна вода!

Тогда мальчик по имени Буянт вновь сказал:

— Разве не берут последнее слово у человека, которого убьют, разве не берут кровь у скотины, которую уже убили? Я хочу сказать хагану одно слово, — сказал он.

— Ну что же, говори, говори! — сказал хаган.

— Как Ваши люди совершают подношение морю? — спросил мальчик по имени Буянт, — не соизволите ли рассказать?

— Этот несчастный никак не сможет уйти из наших рук, — подумал хаган и сказал.

— Убив тебя, отрежут твою грудину и в твою грудную клетку вставят девять драгоценных камней.

К четырем твоим конечностям привяжут белые хадаки и бросят в море.

— Ах, вот как, — спокойно сказал мальчик по имени Буянт, — поэтому Ваши люди не видят ничего кроме крови множества людей и скота. Но если вы меня принесете в жертву другим способом, то, возможно, сбудутся ваши сокровенные желания. Морю нужен живой человек, а не труп, разве не так? — спросил он, сидя как ни в чём не бывало. Хаган призадумался на мгновение.

— Ну и как же можно тебя принести в жертву? — спросил он.

— Если вы мне верите, то приведите меня на берег моря, украсьте мою грудь девятью драгоценными камнями и привяжите к моим четырём конечностям белые хадаки. Я сам войду в море. Если же не верите, то бросьте меня на морское дно! — сказал [он].

— Не задумал ли ты бежать? — спросили, смеясь, слуги хагана.

После долгих раздумий хаган сказал:

— Ну что же, попробуем по-твоему! Но если вздумаешь бежать, то пощады тебе не будет! — предупредил он его.

— У тебя множество сопровождающих, а воины твои вооружены. Разве Вы забыли, что я один, — сказал он и дальше продолжал сидеть, не проронив ни слова.

Ехали они, ехали и приехали к берегу моря.

— Приказ хагана сильнее всего, — сказал мальчик, — поспешите! Я срочно исполню приказ хагана. А вы, после того как я полностью войду в морские воды, обязательно начните пир. И не забудьте воздать мне почести! — пошутил он.

Затем наш мальчик взял, как подобало, девять драгоценных камней, белые хадаки и пошёл прямо к краю моря. Шёл он, шёл и, достигнув дна моря, начал тонуть, так говорят. Внезапно зазвучали дудки, и ему навстречу вышел хаган лусов, так говорят.

Поскольку мальчик по имени Буянт был весьма учёным, то хаган лусов принял его очень радостно.

— Прошло много времени с тех пор, как я стал ждать от хагана такого человека. В течение трёх лет этот хаган посылал мне одни человеческие трупы. Теперь же я радуюсь тому, что прислали живого человека, — сказал он.

У хагана лусов было, говорят, два сына. Он устроил большой праздник в честь того, что у него появился учёный человек, который может преподавать двум его сыновьям учение.

Итак, прошло три года, пока мальчик по имени Буянт преподавал двум сыновьям хагана лусов постигнутое им учение. Многие познали сыновья хагана лусов.

Однажды хаган лусов увидел, как мальчик по имени Буянт сидит, приуныв, и вспоминает о своей родине, матушке-монахине, младшем брате, отце и матери.

— Учитель, о чём Вы думаете, скажите мне! — спросил он, говорят.

— На самом деле у меня есть родина, отец и мать, младший брат и учитель. Я думаю о том, как бы с ними увидаться, — тяжело вздохнув, ответил он.

— Нам тяжело отпускать полезного учителя, который преподавал учение двум моим сыновьям. Но поскольку у Вас есть родина, отец и мать, то тебе нельзя с ними не повидаться. Я приготовлю Вам верховое животное и деньги на дорогу. А Вы езжайте, — сказал хаган лусов.

— Мне ничего не надо, — сказал мальчик по имени Буянт, — Вы поднимите меня со дна моря! А я уже сам дойду.

— Обязательно нужно ехать верхом и обязательно приготовить Вам подарки! — сказал хаган лусов и велел отправить вместе с ним навьюченного верблюда и осёдланного коня.

Мальчик вышел из моря вместе с дарами, преподнесенными ему хаганом, направился к тому месту, где жила его монахиня-матушка, и оставил там сопровождающих хагана лусов.

Хотя мальчик по имени Буянт и нашел свою матушку-учителя, но она не признала его. Тогда мальчик показал свое яркое черное родимое пятно.

— Я действительно твой сын, вот доказательство, что я вернулся, — сказала она.

Тогда старушка-монахиня, увидев своего ставшего неузнаваемым ученика, воспрянула духом и стала выжидать.

— После того как этот хан шулмусов принёс моего сына в жертву морю, люди и скот в нашем государстве расплодились. Теперь наверняка снова принесет моего мальчика в жертву морю, — сказала она и приготовила для него очень уродливую маску.

Однажды пришёл посланник от хагана шулмусов и, говорят, пригласил ламу исполнить молебен.

— Что если завтра придут и заберут меня? — спросила она.

— Матушка-монахиня, возьмите меня с собой! — попросил мальчик по имени Буянт.

— Но тебя, мой мальчик, схватят и принесут в жертву океану! — предупредила она его.

— Я надену твою маску с уродливым лицом, а Вы скажете им, что лечите больного ребенка, что его нельзя оставлять одного. Пусть поищут другого ламу, который исполнит молебен! — ответил он.

На следующий день пришли посланники хагана, и когда [они] собирались увести ламу, она сказала им так, как ей велел мальчик.

— Берите своего мальчика и идите. Посадим его у порога с правой стороны — сказали посланники хагана и отправились с ними.

Они пришли во дворец хагана, мальчика посадили с правой стороны у порога, ламу посадили около хагана и начали читать молебен. Внезапно принцесса хагана приподнялась со своего места и стала двигаться в сторону мальчика.

— Нельзя приближаться к мальчику с таким страшным лицом. Сиди здесь! — сказали ей слуги и помешали ей встать, так говорят.

Стало поздно, молебен закончился и начался пир, во время которого принцесса хаган привстала и со-

рвала маску с лица мальчика. И все увидели, что в юрте сидел прекрасный белый юноша, подобный свету солнца, так говорят.

— Вы посмотрите! — сказала принцесса хагана. — Этого юношу наш отец принёс в жертву морю. Сейчас он снова думает принести его в жертву морю. Если этого человека принесут в жертву морю, то и меня принесите вместе с ним.

— Устройте богатейший из пиров! — произнес хаган, быстро поднявшись с трона. — Иди сюда, мальчик мой. Закончился срок моего пребывания на троне, ты стал хаганом этого государства!

Хаган посадил юношу на трон вместо себя и отдал ему в жёны свою принцессу.

Мальчик по имени Буянт, став хаганом этого государства, назначил главным ламой свою матушку-монахиню.

После того как мальчик по имени Буянт сел на ханский престол, в этом государстве наступил мир, богатство его умножилось и наступило благоденствие. Прошло ещё несколько лет.

— Что случилось с моим младшим братом? Живы ли мои отец и мать? Надо бы с ними повидаться, — сидел он однажды и думал.

— О чём же мой хан так призадумался? — спросила у него матушка-монахиня. — Разве есть вещи, о которых тебе нельзя мне сказать.

— Как же нельзя, моя матушка-учитель, — ответил хаган по имени Буянт. — На самом деле у меня есть родное кочевье и матушка. Есть у меня и мой непутевый младший брат. Вот сижу и думаю об этом.

— Ах вот что приключилось с моим сыном, — сказала матушка-монахиня. — А я все думаю, почему ты не говоришь мне об этом. Но сейчас тебе ехать нельзя. Поезжай через год! Тогда задуманное исполнится.

Прошёл год и юноша стал собираться в путь. Перед тем как отправиться, он так наказывал своей ханше:

— Проявляй заботу о ламе, сидящем на ламском престоле. Не обращай грубо со своими престарелыми отцом и матерью! Я могу и не вернуться. Если я не вернусь, то напишу тебе письмо! — так он сказал и отправился.

Хаган путешествовал в сопровождении многочисленной свиты и обоза. Прибыв на ту гору, на которой похоронил своего младшего брата, [он] разбил лагерь, так говорят. Тогда [он] обратился к чиновникам свиты и слугам:

— Ни в коем случае нельзя срывать или выщипывать цветы, ягоды, деревья и траву, выросшие на этой горе. Нельзя убивать ни одно живое существо. Обо всём, что вы услышите и увидите, говорите мне! — приказал он им.

Хотя люди из свиты днём ходили по горе и обо всём увиденном и услышанном докладывали хагану, вестей о его младшем брате не было. Прошло семь дней и восьмидесятилетний повар обратился к хагану:

— Разрешите завтра днем взобраться на эту гору, — попросил он.

— Только не убивай никого, — с радостью согласился хаган.

Старик ушел на рассвете, а когда стемнело, он не вернулся, говорят. Старика все очень ждали, собираясь расспросить у него, что же [он] видел. Как только заметили старика с первыми утренними лучами, то увидели, что он идет и плачет, закрыв глаза руками.

— Мой достопочтенный старик, пока я Вас ожидал, — промолвил хаган, — мне показалось, что прошло больше чем несколько лет моей жизни. Что же [Вы] видели? Расскажите мне!

— Я думал, что за прожитые мною восемьдесят лет не было такого места, в котором бы я не побывал, не было такого растения, которого бы я не видел, не было такого животного, на которого я бы не охотился. Но в этом лесу живёт очень странное животное. Я увидел его и убежал, — сказал он.

— Мой достопочтенный старик, скажите мне быстрее, где Вы видели это странное животное! — сказал хаган.

— В самой чаще леса с одного дерева на другое перепрыгивает «одно странное животное» с грязными коричневыми волосами и кричит «Батюшка-Матушка!» Это не человек и не зверь. Очень странное живое существо, — сказал старик-повар.

Тогда хаган снял свою поклажу, оседлал двух лошадей, приготовил провианта на несколько дней и оставил своих сопровождающих, сказав им:

— Вы оставайтесь здесь! Возможно, я задержусь. Если я не вернусь, отправьте моей ханше письмо. Вы обо мне не беспокойтесь! Отправляйтесь и водворите в нашем государстве мир и порядок! — сказал он.

Мальчик-хаган по имени Буянт пошёл туда, где, как сказал тот старик, находилось «странное живое существо», говорят.

Когда хаган пришёл в то самое место, то действительно увидел «странное живое существо», кричащее «Батюшка-Матушка!» и перепрыгивающее с дерева на дерево. Он понял, что это его младший брат.

Юноша снял пояс и разрезал полы дели.

— Пришёл твой батюшка и матушка. Иди к своему матушке и батюшке, мой младший брат, — говорил он и с утра до вечера шёл за ним.

Немного покружив по лесу, странное живое существо заметило его, закричало «Батюшка-Матушка!» и схватило старшего брата.

Оба брата упали замертво, лишившись чувств, и очнулись, когда появилось утреннее солнце.

Посмотрев на своего младшего брата, он увидел, что волосы его выросли и покрыли всё его тело, так

говорят. Отрезав его волосы и приведя в порядок его тело, старший брат увидел, что ногти на его правой руке прошли его ладонь насквозь и вышли с задней стороны.

— Что случилось с рукой моего младшего брата? — спросил Буянт.

— Так случилось, потому что я нашёл очень вкусные ягоды и решил дать их попробовать своему старшему брату, — ответил он, говорят.

Когда он, отрезав ногти острым ножом, расправил его ладонь, то внутри, как говорят, оказалась кожа от нескольких высохших ягод.

— Что приключилось с моим младшим братом, расскажи своему старшему брату, — спросил Буянт у младшего брата.

— Не помню, как заснул и как умер, — ответил его младший брат, — но проснулся оттого, что съел что-то вкусное. «Здесь находится мой Батюшка-Матушка», — решил я и пошёл искать, так и проискал до сегодняшнего дня, — сказал он, говорят.

Отдохнув в тех местах пару дней и придя в себя, они оба оседлали двух коней и поехали в родное кочевье. Когда они приехали в него, то оказалось, что их отец и мать стали старыми и дряхлыми, так говорят.

Оба мальчика показали отцу и матери свои родимые пятна и так обнаружили себя.

— Из-за моей зависти, — вдруг сказала старшая ханша, — оба моих сына претерпели большие муки. Накажите меня по закону хагана перед лицом множества слуг и подданных! — попросила она старшего сына.

— Вы — матушка, вскормившая своим материнским молоком и родившая тело размером с ладонь моего драгоценного младшего брата, — сказал старший сын. — Оба сына прощают Вашу ошибку. Хотя я и не родился от Вас, но родился от Вас мой младший брат. Поэтому, соверши Вы хоть десять тысяч ошибок, Вы всё равно обладаете сотней тысяч прав, — так он простил ханшу.

Мальчик по имени Ёроолт сменил своего отца на хаганском престоле. Старший же сын вернулся в то государство, в котором он сам сидел на троне. И обе страны зажили одинаково счастливо и спокойно. Эту интересную сказку я записал от господина Соднома из рода Дугержава, спокойного седого старика в возрасте более семидесяти лет, арата Яруу сомона Завханского аймака, когда он искусно рассказывал её в кругу своих потомков.

Сказка о дружбе

Перевод сказки «Нөхөрлөлийн үлгэр» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгэж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки: составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном, редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 119—125.

Давным-давно жили-были двое друзей — тигрёнок и телёнок. Однажды тигрёнок нашёл на дороге колокольчик и повесил его на шею телёнка.

Когда я буду отсутствовать, — сказал он, — он предупредит, если с тобой что-то случится. Я приду на его звон и спасу тебя.

Однажды отправился тигрёнок на охоту, как [вдруг] раздался звон колокольчика. Прибежал он со всех ног, а телёнок спокойно щиплет траву.

— Что случилось? Какая беда приключилась с тобой? — спросил тигрёнок.

— На мой нос уселся шмель, — ответил телёнок, — я испугался и позвал тебя. А он улетел.

— Не нужно звать меня по таким пустякам, — сказал тигрёнок и отправился на охоту.

Вскоре тигрёнок снова услышал звон колокольчика. Когда он прискакал, то увидел, что телёнок, как и прежде, щиплет травку.

— Что случилось? Зачем звал меня? — спросил он.

— Всё в порядке! — ответил телёнок, — я бегал и мотал головой.

Когда тигрёнок опять отправился на охоту, снова зазвонил колокольчик. «Наверное, ему на голову сел комар, и он его отпугивает», — подумал тигрёнок и на этот раз не пошёл на зов.

Когда вечером он вернулся домой, то увидел, что его друга съели волки. «Мой друг лишился жизни по моей вине», — сильно опечалился тигрёнок и умер, лежа и скорбя на костях телёнка.

Кости тигрёнка и телёнка закопал пастух хана. Через два года там выросли два прекрасных густых дерева. Каждое утро с первыми лучами солнца с деревьев радостно спускались два симпатичных мальчика. В течение дня они играли, а когда наступал вечер, каждый растворялся в листе своего дерева. Однажды это удивительное дело увидел пастух хана и рассказал о нём своим домашним. Те рассказали жителям своего айла. Один житель айла рассказал своему сыну. Его сын рассказал ноёну. Ноён поведал об этом хагану.

Хаган послал небольшое войско, приказав чиновнику: «Поймайте и приведите тех мальчиков!» Они подкараулили их на рассвете и, как только один мальчик спустился, его схватили.

— Нужно подождать пока спустится другой ребенок, — сказали чиновники.

— А вдруг он не спустится, — забеспокоились некоторые из них.

Но другой ребенок спустился, чтобы освободить своего друга, и его также схватили.

— Вы можете стать воинами-богатырями, которые будут охранять моё государство! — сказал хаган, — а пока идите пасти скот!

И им дали имена Алтанху и Монгонху. Десять лет они пасли скот и превратились в красивых и сильных богатырей.

Однажды пришли воины и сказали им:

— Хаган отдал Алтанху приказ отправиться на войну.

Поспешно собравшись, Алтанху простился со своим другом и отправился на войну. Сильно горевал Монгонху по своему другу.

Однажды в его юрту пришёл один старый чиновник и сказал:

— Хаган приказывает тебе, отправившись на восток, прибыть во владения Хар герт хагана и выкрасть его двенадцатую дочь. Хаган решил жениться. В пути тебе понадобятся эти три кошелька с деньгами. Если ты воспротивишься приказу хагана, то тебя убьют!

— Как мне узнать двенадцатую дочь? — спросил, Монгонху.

Чиновник ответил:

— Это легко. У всех дочерей Хар герт хагана чёрные косы. В косе же двенадцатой дочери блестят три золотые волосинки.

Монгонху отправился, чтобы найти девушку. Ехал он, перебираясь через косогоры и ночуя в степи, и повстречал старика-пастуха.

— Куда Вы идёте, почтенный старик? — спросил он.

— Я человек, который пасет овец свирепого хагана. Я ищу одну отбившуюся овцу. Если не найду, то останусь без головы, — ответил старик.

— Не беспокойся! На деньги, которые есть в этом кошельке, можно купить целое стадо овец, — сказал мальчик и отдал кошель с деньгами.

— Слава тебе, богатырь, — очень обрадовался старик, — возьми мой кнут. Наверняка он тебе пригодится.

Прицепив кнута к своему поясу, он отправился дальше и столкнулся ещё с одним стариком.

— Куда Вы идёте? — спросил он.

— Похоже, что я не могу доехать до своего сына, — отвечал старик, — я по дороге упал с коня. Пешком идти я не могу.

— Твоей беде можно помочь. Возьми этот кошелёк. На него можно купить стадо аргамаков.

— Слава тебе, богатырь, — очень обрадовался старик, — возьми эту овечью косточку! Наверняка она тебе пригодится в пути.

Убрав овечью косточку в свою дорожную переметную сумку, Монгонху продолжил путь. Настал вечер и он повстречался с ещё одним стариком. Тот сидел у костра и с печалью смотрел на пламя.

— Почтенный старик, почему Вы не сидите у очага в тёплой юрте, а зябнете на морозе в степи? — спросил Монгонху.

— Я бедняк, у которого нет ни юрты для жилья, ни чаши для питья, — ответил старик, — рядом со мной даже куст выглядит лучше.

— Пусть твои неприятные слова унесет ветер! Купи на эти деньги себе юрту-дворец, — сказал Монгонху и отдал последний кошелёк.

Старик привстал, взял из горящего пламени уголёк и отдал Монгонху.

— Возьмите его! Наверняка пригодится, — сказал старик.

Монгонху, спрятав за пазуху уголёк, продолжил свой путь на восток. Ехал он много дней, не спешиваясь с коня, и достиг дворца Хар герт хагана. Дождавшись ночи, он крадучись проник в ханский дворец. Когда он вошёл, то огромная сторожевая собака собиралась залаять, но Монгонху внезапно вспомнил

об овечьей косточке, достал её и бросил собаке, собака стала обгладывать кость и не стала лаять. Вошёл он и увидел прекрасную девушку Оюун с тремя золотыми волосинами в её совсем чёрной косе.

— Я пришёл Вас забрать. Наш старый хаган собирается взять Вас в жёны, — сказал Монгонху.

— Я не хочу идти к старому хагану. Если ты спасёшь меня от замужества с ним, то я проживу с тобой до конца жизни, — сказала Оюун.

— Пусть будет так. Я возьму тебя с собой, — сказал Монгонху.

— Быстрее бежим отсюда! — молвила Оюун, — Если мой отец узнает, что Вы здесь, то он схватит нас обоих.

Монгонху водрузил девушку на своего коня и помчался, словно полетел. Проскакав на быстром, словно ветер, коне два дня, они остановились, чтобы передохнуть. Монгонху и Оюун заснули крепким сном. Проснувшись на рассвете, они увидели, что их окружили войска Хар герт хагана. Монгонху схватил свои лук и стрелы и стал стрелять без перерыва, но ханские воины, прикрываясь щитами, подошли к нему сзади. Монгонху резко спешился с коня и стал рубить воинов своим мечом. Зарубив двадцать воинов, он собирался зарубить и двадцать первого, но меч его переломился. Когда отряд приготовился заруканить его, Монгонху схватил кнут со своего пояса. Как только он хлестнул им, все воины хагана упали в обморок. Монгонху понял, что кнут этот — волшебный, заткнул его себе за пояс, оседлал своего коня, посадил на него Оюун и поехал дальше.

Снова остановились они на ночлег в одном месте, а проснувшись наутро, увидели, что их окружает ещё большее число воинов хагана. Сильно желал Хар герт хаган вернуть свою дочь и поймать Монгонху.

Только схватил Монгонху лук, [оказалось], что стрелы вчера закончились; вспомнил, что меч переломился, хотел выхватить кнут из-за пояса, а его нет. Наверное, потерялся во время бега коня.

— Я не боюсь смерти. Боюсь лишь, что тебя убьют, — сказал Монгонху дочери хагана.

Только он это сказал, как грудь его стало сильно что-то греть. Посмотрел он и увидел, что это докрасна раскалился подаренный стариком уголёк.

Монгонху поспешно пнул горячий уголь ногой, и когда он попал в траву, то по степи распространилось большое пламя, огонь его стал разгораться в сторону воинов. Многие из них сгорели, а половина разбежались. Разогнав воинов, горячий уголь погас и превратился в обычный уголёк. Монгонху убрал уголёк за пазуху, побродил, нашёл свой посох и поехал дальше. Шли они, шли и, найдя на краю леса бесхозную необставленную юрту, стали в ней жить. Жили они счастливо, каждый день Монгонху ходил на охоту, а Оюун готовила дома еду.

Однажды Монгонху сказал своей жене:

— Подари мне одну свою золотую волосинку! Я пойду, спрятав её за пазуху.

Когда Оюун подарила ему волосинку, как он просил, то Монгонху, нежно спрятав её за пазуху, радостно отправился на охоту. Два дня он охотился, а на третий день, когда возвращался с добычей назад, присел на камень, чтобы отдохнуть и, вспомнив о своей жене, достал из-за пазухи её золотой волос, стал смотреть на него и восторгаться им. В это время ветер подхватил волос и унёс его.

Горько плакал Монгонху, что ветер унёс золотой волосок, но тут вспомнил, что на голове у Оюун есть ещё два таких же волоска, и успокоился, решив, что снова возьмёт волосок с её головы.

Когда же хаган обнаружил, что ветер принёс этот волосок прямо в его сад, то он сильно разгневался. Он призвал своего чиновника, и тот пришёл, напуганный до смерти.

— Ты не смог найти моего Монгонху, который, обзаведшись ханшей, совершил у меня кражу. Если ты не сможешь привести ко мне мою любимую Оюун до конца весеннего месяца, то я лишу тебя жизни, — приказал он.

Чиновник взял сто воинов, стал везде искать суженую хагана, но нигде не нашёл её. Но вдруг, в самом конце весеннего месяца, он увидел Монгонху, который сидел на камне у дороги и любовался золотым волоском. Коварный чиновник спрятал воинов в высокой траве, а сам принял усталый вид.

— О мой достопочтенный богатырь, желаю Вам долгих лет жизни! Совсем ноги мои не ходят, позвольте отдохнуть немного в вашей юрте! — вкрадчиво попросил чиновник, плохо стоя на ногах.

— Дать отдых уставшему — добродетель. Следуй за мной! — сказал Монгонху и взял его к себе домой.

Когда они вошли в его юрту, то за ними тихо вошли сто воинов. Поскольку Монгонху порубил многих из них мечом, то юрта его наполнилась трупами, и чиновник понял, что живым Монгонху ему не взять.

— Так или иначе, хаган казнит его. Подстрелите его! — приказал чиновник.

Поняв, что мужу её грозит опасность, Оюун схватила его меч и воткнула его в каменное основание треножника для котла, в этот момент Монгоху упал замертво.

— Отправляйся со мной к хагану, — сказал чиновник Оюун, — мой милостивый государь собирается сделать тебя своей ханшей.

Он посадил Оюун на коня и повёз за собой.

Как раз в это время вернулся с войны мудрый Алтанху, отправленный туда по приказу хагана.

Узнав о том, что его друг пропал без вести, Алтанху вскочил на коня и отправился искать Монгонху. Проездив много дней, он побывал во всех землях, до которых только можно было добраться, но, хотя каждого увиденного [он] расспрашивал о Монгонху, о том не было никаких вестей.

Алтанху опустил поводья и закрыл своё лицо обеими руками.

— Если мой возлюбленный друг умер, то для чего мне жить? — прошептал он, упав духом, и поехал куда глаза глядят. Внезапно конь под ним тихонько остановился, он оторвал лицо от ладоней и увидел, что остановился у одинокой юрты.

— Возможно, люди в этой юрте могут дать мне весточку, — подумал он и спешился. Когда вошел, то обнаружил труп Монгонху.

Алтанху прижался к груди трупа и заплакал пуще прежнего. Когда он успокоился, то увидел, что в треножник для котла воткнут меч Монгонху.

— Обязательно отомщу этим мечом людям, убившим моего друга, — тут же поклялся он.

Как только он вытащил меч, Монгонху встал, словно только что проснулся.

— Люди хагана забрали мою Оюун, освободим мою Оюун! — кричал он.

— Хорошо, мы или освободим её, или вместе сложим свои кости! — сказал Алтанху.

Они оба скакали, хлеща лошадей кнутом, что есть силы, ехали день и ночь без остановки и в конце третьего дня увидели очертания дворца хагана. Попасть во дворец было трудно, перед ним протекала река, которую было не перейти вброд никакому коню.

Прошло три дня, пока они делали плот. И как только братья, построив плот, спустили его на воду, со дна реки поднялась огромная рыба и проглотила его. Хотя оба богатыря и стреляли в неё стрелами, но это было бесполезно, так как попадавшие [в неё] стрелы скользили по ней, словно по камню. Гигантская рыба легла на дно и стала ждать, чтобы проглотить их, когда они станут переправляться через реку. Алтанху срубил одно горное дерево из ближайшего леса, они оба подпёрли его плечами и засунули его в рот рыбе так, что та подавилась. «С этих пор зловредная рыба больше не сможет глотать людей», — обрадовались они, снова сделали деревянный плот и с трудом спустили его на воду, но в это время гигантская рыба взмахнула хвостом, ударила по водной глади реки и возникла волна высотой с гору. Поняли два богатыря, что переправиться через реку

невозможно, [тут] за пазухой у Монгонху что-то загорелось. Он ощупал свой дели, а там оказался горячий уголь, в руках его было не удержать, и он уронил его в воду. Вода в реке закипела, гигантская рыба стала вариться, словно в котле, и вскоре сварилась насмерть.

Пройдя по рыбе, они перешли реку, когда же решили ночью проникнуть во дворец хагана, то оказалось, что его ворота охраняет низкорослый жёлтый девятиглавый мангас. Оба богатыря обнажили мечи и сразу же отрубили две его головы, но оставшиеся семь голов стали извергать огонь и дым.

Их кони затрепетали от страха, и тогда богатыри стали что было сил хлестать их кнутом. Они срубили ещё по одной голове. Мангас пришёл в неистовство. Земля затряслась. Но богатыри не упали духом, они снова атаковали мангаса и срубили ещё пару его голов.

И когда у мангаса осталось три головы, у Монгонху переломился меч, и он не смог больше драться. Поэтому Алтанху сказал:

— Я буду биться с мангасом. А ты быстро иди в хаганский дворец, бери Оюун и выходи.

Затем Алтанху с криком атаковал мангаса, а Монгонху ворвался во дворец хагана, схватил Оюун и, радостный, помчался назад. Он возвратился как раз вовремя, Алтанху был на грани смерти. Он скосил ещё две головы мангаса и собирался уже отрубить третью, но, ударив мангаса, упал, а мангас схватил богатыря за горло и совсем было приготовился его убить.

Монгонху увидел это, забыл о своей жизни, стащил с пояса кнут овцепаса и разрубил голову мангаса пополам. Упала и покатилась последняя голова мангаса.

Алтанху, Монгонху и девушка Оюун втроем радостно вернулись к юрте на краю леса и зажили счастливо без бед и забот. Настоящих друзей беда всегда обходит стороной, так говорят.

Перевод с монгольского Д. А. Носова

Информация об авторах

Алексеев Кирилл Всеволодович — преподаватель-практик кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Санкт-Петербург.
kvalexeev@gmail.com

Аязбекова Сабина Шариповна — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент IASHE (Международная академия науки и высшего образования, Великобритания), профессор Казахстанского филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Астана, Казахстан.
ayazbekova@mail.ru

Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, заведующая Музеем традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Элиста.
sargerel@mail.ru

Дорджиева Гиляна Андреевна — кандидат искусствоведения. Бостон, США.
ghilyana@yahoo.com

Ермакова Татьяна Викторовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
taersu@yandex.ru

Зорин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов ИВР РАН. Санкт-Петербург.
kawi@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник с обязанностями заведующей сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН.
kulgan@inbox.ru

Мазурина Валентина Николаевна — старший научный сотрудник Государственного музея истории религии. Санкт-Петербург.
kima25@yandex.ru

Носов Дмитрий Алексеевич — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
dnosov@mail.ru

Островская Елена Петровна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.
ost-alex@yandex.ru

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой теории и истории права и государства. Санкт-Петербург.
ropot@mail.ru

Сабрукова Светлана Санджиевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела рукописей и документов ИВР РАН. Санкт-Петербург.
ssabrukova@yanlex.ru

Скородумова Лидия Григорьевна — доктор филологических наук, профессор Института восточных культур и античности РГГУ. Москва.
lidiaskorodumova@yandex.ru

Чинбаяр Ононгийн (Монголия) — аспирант ФГБУО ВПО Московский политехнический университет.
chiborino@yahoo.com

Юсупова Татьяна Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
ti-yusupova@mail.ru

Information about the authors

Alekseev Kirill Vsevolodovitch — practical teacher. Department of Mongolian Studies and Tibetology, Faculty of Asian and African Studies, SPSU. Saint-Petersburg, Russia.

kvalexeev@gmail.com

Ayazbekova Sabina Sharipovna — Ph.D. in Philosophy, Professor, IASHE Corresponding Member (International Academy of Science and Higher Education, United Kingdom). Professor of the Kazakhstan Branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Astana, Kazakhstan.

ayazbekova@mail.ru

Batyreva Svetlana Garrievna — Doctor of Art Studies. Head of Zaya-pandita's Museum of Kalmyk traditional culture, Kalmyk Research Center of Russian Academy for Sciences. Elista, Russia.

sargerel@mail.ru

Chinbayar O. (Mongolia) — post-graduate, FGBOU VPO «Moscow Polytech University», Russian Federation.

chiborino@yahoo.com

Dordzhieva Ghilyana A. — Candidate of Art Studies. Boston, USA.

ghilyana@yahoo.com

Ermakova Tatiana V. — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of the Central and South Asia, IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

taersu@yandex.ru

Kulganek Irina Vladimirovna — Doctor of Philology. Head of the Section of Central Asian Studies at the IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

kulgan@inbox.ru

Mazurina Valentina N. — senior researcher. The state Museum of the History of Religion. Saint-Petersburg, Russia.

kima25@yandex.ru

Nosov Dmitrii Alekseevitch — Ph.D (Philology), junior researcher, Sector of Central Asia, Department of Central and Southern Asia IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

dnosov@mail.ru

Ostrovskaya Helena P. — Dr. Sci. (Philosophy), Chief Researcher, Head of the South Asian Section of the Department of Central and South Asia Studies, IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

ost-alex@yandex.ru

Pochekaev Roman Yu. — Candidate in law, associate professor, professor of the National Research University Higher School of Economics, head of the Department of theory and history of law and state. Saint-Petersburg, Russia.

ropot@mail.ru

Sabrukova Svetlana Sandjiyevna — Ph.D (Philology), senior assistant, Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Saint-Petersburg, Russia.

ssabrukova@yandex.ru

Skorodumova Lidia Grigor'evna — Doctor of Philology. Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies. RSHU. Moscow, Russia.

lidiaskorodumova@yandex.ru

Yusupova Tatiana I. — Doctor of History, leading researcher, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg, Russia.

ti-yusupova@mail.ru

Zorin Aleksandr Valerievich — Candidate of Sciences (equiv. Ph.D.) — Philology, senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Saint-Petersburg, Russia.

kawi@yandex.ru